

ИБРАГИМ РАХИМ

**УХОДИЛИ
ДОБРОВОЛЬЦЫ...**

РОМАН

Издательство литературы и искусства
им. Гафура Гуляма

Ташкент — 1975

*Авторизованный перевод с узбекского
Бориса ПАРМУЗИНА*

© Издательство литературы и искусства
им. Гафура Гуляма, 1975 г.

Часть первая

ДОРОГА

РОДНОЙ ДОМ

Бегимхон не находила себе места. Хотелось спрятаться от людей, уткнуться лицом в подушку... Никого бы не видеть и не слышать.

Но она чувствовала на себе взгляды. Самые разные — любопытные, осуждающие, насмешливые.

Кудри черные отросли, брови закрывают,
Сколько же лихих невзгод голову сжимают...

Эти строки из газели Мукими не дают покоя. Тревожат. Не отступают ни на минуту.

Много невзгод... Казалось, каждый день приносит новые беды и обиды.

Бегимхон с трудом сдерживала рыдания. Слезы на низывались на ресницы, словно бусинки, и срываясь, бежали по лицу.

«Не дай бог кому-нибудь столько перенести,— думала Бегимхон.— Не дай бог испытать все, что испытала я...»

Есть сильные люди. Вон Адолят уехала. Ее не испугали фронт, трудности. Кое-кто называл поступок Адолят героическим. Но Бегимхон понимает подругу, которая твердила:

— Я хочу быть там...

Возможно, Адолят поехала за Норматом, которого встретила и полюбила еще до войны. Молодой лейтенант. Хороший, честный парень.

За кем и куда поедет Бегимхон? За Базаровым?.. Да

пропади он пропадом, этот Ахмед Базаров! Низкий, подлый человечек. Он способен кого угодно обмануть, предать и продать.

Наверное, Базаров торжествует победу! Пусть торжествует. Бегимхон обвиняет не только его. Куда она смотрела сама? Почему поверила сладким, фальшивым словам?

Сейчас она не может показаться в кишлаке. Она понимает, что в такое время поступки и ошибки оцениваются очень строго. К каждому человеку предъявляются особые требования.

В кишлаке с рассвета стоит напряженная тишина. Кажется, дома замирают при появлении почтальона.

Сколько этих «черных бумажек» уже пришло в кишлак...

Бегимхон тоже получила извещение о смерти Валиджана.

Много слез пролито... Однажды (будь проклят этот день!) появился Базаров из соседнего кишлака. Нашел, выждал минуту, когда Бегимхон было особенно тяжело и одиноко. Он шептал ласковые слова, успокаивал, просил думать о будущем. Ведь она так молода и красива.

Бегимхон плохо знала Базарова. Это сейчас она раскусила подлого человека. Ахмед терся, как чесоточный баран, о косяк ее ворот.

И поползли слухи по кишлакам. Что в этом случае говорят люди?.. «Успела забыть мужа. Не вытерла даже слезы. Бесстыдница. Были бы родные...»

Никого нет у Бегимхон. Брат Иргаш работает на Урале... Близкая подруга Адолят уехала на фронт. А другие шепчутся: бесстыдница, неверная, потаскуха.

Конечно, тяжело от таких слов. Стыдно показаться людям на глаза!

И Бегимхон решила уехать...

Вернее она не уезжала из кишлака. Она тайно бежала. Никто ее не провожал до станции. Никто не помахал ей рукой...

А может, Бегимхон сама не права? Могла бы поговорить с людьми, попросить у них помощи.

Или свет клином бросила ей в глаза:

— Вот явится жена Базарова. Она вырвет тебе носы.

Есть другие. Они бы поняли Бегимхон.

Но уже поздно об этом думать. Стучит поезд. Завтра Бегимхон будет в Ташкенте...

Впервые в жизни она рискнула на самостоятельный поступок. Уехать из кишлака? Возможно, раньше Бегимхон даже не подумала бы об этом.

Но Адолят поехала на фронт...

Почему-то очень часто Бегимхон вспоминала подругу. Хотелось подражать ей. Быть такой же смелой, решительной.

По словам старухи-соседки жена Базарова должна вот-вот заявиться в кишлак и устроить настоящий скандал.

Разве в чем-нибудь виновата Бегимхон? Кто разрешил Базарову торчать у ее дома?

Сотни сомнений не давали покоя. Бегут только провинившиеся... Возможно, с этой истиной не следует спорить.

Да, Бегимхон убежала из кишлака. Тайно уехала, торопливо, почти ни с кем не простившись.

Но Бегимхон хочет жить спокойно. Она будет верна памяти Валиджана. И, конечно, в Ташкенте найдет для себя место и работу.

Большой город удивил Бегимхон... Было раннее утро, а сотни людей спешили по своим неотложным делам. Повизгивали на поворотах трамван, раздавались торопливые звонки, мчались машины.

И вдруг, заглушая городской шум, за углом раздалась песня:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Песня была задорной, веселой, но лица у солдат суровые.

«Совсем недавно эту песню пели по-другому... — подумала Бегимхон. — Да и город какой-то другой».

О Ташкенте ей часто рассказывали. Вернувшись из столицы, люди расхваливали красивые улицы, магазины, парки.

Далеко от фронта Ташкент. Но война задела и его своим ястребным крылом.

Бегимхон шла по улице, чувствуя себя лишним че-

ловеком. Неловко без дела ходить, мешать людям. Она свернула в узкий переулочек, где было тише, спокойней.

Видно работающие люди давно покинули дома. Сейчас там остались одни домохозяйки, слышатся детские голоса.

Бегимхон невольно задержалась возле открытых ворот. Большой двор, ряды фруктовых деревьев. Запыленная аллея, выложенная из ровного серого кирпича, тянулась вдоль цветников.

Вероятно, когда-то цветы ярко сверкали всеми красками. Сейчас за ними, наверное, редко ухаживали. Везде, на каждом шагу, чувствовалась запущенность.

Айван тоже не был прибран.

«Не успевае хозяйка за всем уследить...» — подумала Бегимхон.

Она понимала, что неприлично так долго стоять у открытых ворот чужого дома. Но (удивительно!) ей не хотелось уходить. Так мирно, тихо было во дворе. Сейчас бы взяться за уборку, привести все в порядок.

— Да заходите же...

Бегимхон вздрогнула от этого приглашения.

— Что с вами?

— Ничего, ничего... — стараясь улыбнуться, ответила Бегимхон.

Навстречу ей двигалась миловидная, молодая женщина. Она напомнила Бегимхон какую-то героиню из древней легенды.

Женщина была одета в стеганый, бекасамовый халат. На голове — небольшой цветастый платок, на ногах — лакированные ичги и кожаные кавуши...

Хозяйка следила за собой... Бусы, черные-причерные от усьмы брови, туго заплетенные косы.

«На рассвете встает и наряжается...» — подумала Бегимхон.

Вначале ей хотелось осудить женщину за беспорядок во дворе, но хозяйка так мило улыбалась, что Бегимхон неожиданно сделала вывод: молодец.

— Меня зовут Каракош... — представилась женщина и снова пригласила. — Проходите, пожалуйста...

— Я... я... случайно...

Женщина взглянула на усталое лицо Бегимхон, на узелок в ее руке и повторила:

— Проходите...

— Я приезжая. Нездешняя,— продолжала смущенно говорить Бегимхон.— Двор у вас такой... не городской.

— Вот и отдохните у нас.

Возможно, Карakoш скучает в одиночестве. Или она почувствовала, как трудно этой неизвестной женщине, которая при виде уютного «негородского» двора замерла у ворот.

Хозяйка провела гостью на террасу, усадила.

— Сейчас будем пить чай...

Говорила она так просто, спокойно, будто виделась с Бегимхон каждое утро уже много лет.

Бегимхон хотела сделать рукой отрицательный жест: я не хочу, только что поела. Но раздумала. Зачем?

Эта женщина все видит, все понимает.

Чем-то она похожа на Адолят. Такая же стройная, хрупкая. С такими же длинными косичками. Хотя не только внешнее сходство роднит этих женщин. Добрая, чуткая, понимающая с первого слова.

Вот чем похожа хозяйка на Адолят.

За чаем Карakoш расспрашивала гостью о жизни в кишлаке.

— Трудно. Везде сейчас трудно...— соглашалась Карakoш.

— А у меня — особенно.

Бегимхон опустила голову и смущаясь рассказала о своих бедах.

— Да,— согласилась Карakoш,— и в такое время находятся негодяи. Что им стоит опорочить имя женщины.

Она поняла, что гостье не слишком приятно продолжать об этом разговор и спросила:

— Кто у вас остался, сестрица, из родных?

— Брат мой работает на Урале, на военном заводе.

Бегимхон заговорила о подруге. Без Адолят ей было очень трудно.

— Уехала...

— Смелая женщина! — похвалила Карakoш.

— И красивая. Она чем-то похожа на вас,— не выдержала Бегимхон.

Хозяйка улыбнулась и махнула рукой.

— Самая обыкновенная. Дерево скрипит в саду, и я вздрагиваю.

Потом внимательно посмотрела на Бегимхон.
— Что вы думаете делать, сестрица, в Ташкенте?
— Буду работать...— нерешительно начала Бегимхон.
— Я, наверное, найду работу. И угол... Говоряг, есть при заводах такие дома.
— Общежитие?— улыбнулась Каракош.
— Вот, вот...
— Так я вас и отпустила...
Каракош считала разговор оконченным, вопрос о доме решенным.
— Вон сколько места...— кивнула она на комнаты.— Живите. И думать об этом не стоит. А работа...
— Я могу шить...— торопливо сообщила Бегимхон.— Я неплохо шью. Так говорили в кишлаке.
— Работы в Ташкенте много...— вздохнула Каракош.— Хорошие руки сейчас везде нужны. Да что же вы не пьете чай? Угощайтесь, пожалуйста, угощайтесь.

* * *

Несколько дней жила Бегимхон в большом гостеприимном доме. Вернулись из кишлака старики, родители мужа Каракош. И с ними быстро сошлась Бегимхон.

Степенный Кудрат-ака любил расспрашивать Бегимхон о кишлачной жизни. Он никак не мог привыкнуть к городу и мечтательно вспоминал о вечерах в сельской чайхане, о неторопливых беседах, о беспокойных веснах. Здесь и воздух был для него тяжелым, пыльным.

— У вас хороший сад...— похвалила Бегимхон.

Сад был гордостью Кудрата-ака.

— Деревья, как малые дети,— говорил старик.— Их нельзя оставить даже на один день.

Бегимхон вызвалась помочь Кудрату-ака.

— Мы за неделю приведем сад в порядок...

Старик, довольный, кивал: сразу видно сельскую девушку. Он не осуждал Каракош. Невестке приходилось нелегко. Она рано уходила на работу, возвращалась с наступлением вечера, хлопотала по хозяйству. У нее не оставалось лишнего часа для ухода за деревьями. Бегимхон тоже скоро пойдет на работу в пошивочную мастерскую. Она и сейчас не сидит без дела. Моет, чистит, ухитряется из скудных запасов готовить вкусный обед.

Вечером все собирались за чаем. Наступали тихие, спокойные минуты. Бегимхон брала на себя основную часть забот. Без суеты, продолжая внимательно слушать рассказы Кудрата-ака, подносила чай, убирала с дастархана лишнюю посуду.

Ложились спать рано, чтобы подняться чуть свет. И снова Бегимхон громыхала посудой, перебрасывалась незначительными фразами с Каракош.

Необычное знакомство. А вот подружились и не представляют иной жизни.

— Я пока отдыхаю от домашних забот...— созналась Каракош.— Пойдешь работать, придется и мне кое-чем заняться.

Бегимхон хорошо готовила. Умела быстро убраться в комнатах. Если Каракош уходила в первую смену, то вообще все заботы ложились на плечи Бегимхон.

До начала второй смены у Каракош оставалось время на домашние дела. Потом молодые женщины находили несколько минут для отдыха.

Они сидели за чаем, вспоминали прошлые мирные дни, тосковали. Иногда Каракош мечтала о будущем.

— Вот вернется Уткур...

Но, спохватившись, начинала неестественно громко рассказывать о своих подругах по работе. Все ждут, ждут и ждут...

А Бегимхон некого ждать.

Однажды, в такие минуты, раздался стук в калитку. Кто-то осторожно, не очень смело, стучал дверным кольцом. Соседи и близкие знакомые поступают иначе, не очень-то церемонятся. Они обязательно крикнут, дадут о себе знать.

— Я открою...— вскочила Бегимхон.

За воротами стоял почтальон. Бегимхон удивленно рассматривала старого, сухонького человека. Еще два-три дня тому назад он заходил в этот дом. И Бегимхон тогда поняла: почтальон здесь частый гость, дружит с Кудратом-ака.

— Здравствуй, дочка...

Казалось, он не говорит, а шевелит губами. Словно боится кого-то потревожить.

— Каракош на работе?

— Дома...— тоже тихо, еле слышно ответила Бегимхон.

Ей не понравился осторожный стук, шепот и... лицо почтальона.

— Кто там?— крикнула Каракош.

Наверное, тишина, короткая пауза ее насторожили.

— Кто там?

Каракош уже бежала к воротам, тяжело дыша, прижав руку к груди.

— Вы? Вы?

Старик всегда был желанным гостем. Когда-то он вертел перед носом конверты, хохотал и требовал суюнчи — подарок за радостную весть. Но теперь он знал эти бумажки, извещения, «похоронные», черные письма... Как еще их можно назвать...

— Вы?!— неожиданно крикнула Каракош и схватилась за ветку.

— Сестрица, сестрица...— бросилась к ней Бегимхон.— Сестрица, что с вами?

Вместе с почтальоном она повела Каракош на айван.

— Успокойтесь, сестрица, успокойтесь.

Каракош плакала беззвучно... Плечи ее тряслись.

Бегимхон не знала, какие в этом случае нужны слова. Разве она помнит, что ей говорили, когда пришла подобная бумажка...

Старый почтальон положил «похоронную» на столик и отступил. Он виновато прятал глаза, начинал торопливо рыться в сумке, словно искал другую, добрую бумагу.

Но в сумке было мало таких бумаг.

Что-то нужно сказать, как-то утешить молодую женщину.

— Все бывает, все...— бормотал почтальон.— Может, ошибка вышла. Я знаю случай...

Он знал не один случай. Но кто сейчас будет слушать утешения. Старик говорит неубедительно, будто сам не верит себе.

Извещение никто не взял в руки. Кудрат-ака смотрел, подглаживая бороду. Рука заметно тряслась. Рядом, уже не в силах сдерживать рыдания, глухо причитала жена.

— Сыночек! Уткурджан! Милый сыночек!

Косынка еле держалась на седой голове.

— Проклятая война! Ах, горе мне...

Она раскачивалась, забывая стирать слезы.

— Будь ты проклят, фашист. Пусть будут прокляты породившие тебя люди...

Кудрат-ата, спохватившись, готовил на айване место. Нужно прочитать фаттаху — молитву.

Бегимхон продолжала неумело успокаивать Каракош.

* * *

Вся жизнь Каракош прошла на глазах махалли. И эта жизнь ее не баловала.

Каракош не помнит материнских рук. Уже в люльке, которую раскачивала тетушка Хуринисо, она была сиротой.

Тетушка Хуринисо, одна из тех сердобольных женщин, с какими можно встретиться в любой махалле, воспитывала двух близнецов — Хасана и Хусана.

— Вот у сироток и сестренка будет... — говорила Хуринисо знакомым, словно оправдываясь за свой поступок.

Милая, добрая старушка... Она ничего особенного не видела в своих делах и смущалась от похвал соседей.

— Много ли им нужно...

А сиротам нужно было очень много. Во-первых, ласка, теплые слова, внимание и время.

Тетушка Хуринисо находила для детей все: пусть не чувствуют себя сиротами.

Каракош росла с бойкими ребятами. Вместе с ними бегала, играла.

Некоторые старые люди осуждали тетушку Хуринисо: разве так девочку воспитывают, она спуска не дает даже мальчишкам.

Случалось и такое: на Каракош пожаловался кто-то из ребят. Потом — другой. За девочкой несколько лет сохранялась репутация самой беспокойной и озорной.

Рассматривая оценки, тетушка Хуринисо каждый раз охала.

— По дисциплине — удовлетворительно. Да разве можно так, сорви-голова. У девочки — удовлетворительно!

Соседи тоже осуждающе говорили.

— Невиданное дело. Что из нее получится.

Но девочка росла... От прежней шумной, бойкой Каракош мало что осталось: возможно, только смелость и упрямство.

На какие-то полчаса Каракош превратилась в прежнюю озорницу, когда выбежала из школы с аттестатом зрелости. Радость опьянила ее. Одноклассника оттолкнула в сторону, подругу принялась щекотать. Поистине — заноза.

К тетушке Хуринисо она двигалась медленно, с нарочитой степенностью. Потом, схватив старушку за плечи, закружилась по комнате.

— Что с тобой? Что еще случилось?— причитала тетушка Хуринисо.— Ой, дай вздохнуть.

— Ат-тес-тат! Ат-тес-тат!— по слогам сообщила Каракош.

Через минуту тетушка, тяжело дыша, слушала оценки.

Она привыкла, что у Каракош по всем предметам «хорошо» и «отлично».

— А дисциплина? Твоя дисциплина?— не выдержала Хуринисо.

— Сейчас, бабушка, сейчас. Все по-порядку. Геометрия — «хорошо»... Конституция СССР — «отлично».

Пришлось подождать, когда очередь дойдет до «поведения».

— Отлично! — наконец торжественно провозгласила Каракош.

— Слава аллаху!— так же торжественно произнесла тетушка Хуринисо.

— Что же вы решили, бабушка!?— укоризненно покачала головой Каракош.— Думаете, я всю жизнь буду драться с мальчишками?

Хуринисо шептала молитву.

— Я же взрослая!— продолжала девушка.— У меня аттестат зрелости. Слышите?

— Взрослая, взрослая...— торопливо согласилась бабушка.

— А если взрослая, давайте сядем и серьезно поговорим.

— О чем еще?— насторожилась Хуринисо. От этой взбалмошной девчонки всего можно ожидать.

— О чем?— повторила бабушка, внимательно разглядывая лицо Каракош.

Не поправилась ей эта серьезность. Девушка и шутит и губки покусывает.

— Милая моя бабушка...— начала Каракош.— Что вы говорили?

— О чем?

— Если я хорошо окончу школу?

— Куплю, что пожелаешь.

— Значит, любой подарок?— уточнила Каракош.

— Любой.

— И любую просьбу выполните?

Тетушка Хуринисо не понимала, почему Каракош делает такой поворот в разговоре. Разве она, старая женщина, когда-нибудь обманывала?

— Да...

— Ну вот и хорошо...— облегченно вздохнула Каракош.— Значит, я могу сказать Уткуру, чтобы он прислал сватов...

— Сватов!?

Тетушка Хуринисо, схватившись за сердце, медленно спустилась на ковер. Каракош испуганно засуетилась вокруг нес.

— Что с вами? Вам плохо?

А разве может быть человеку хорошо при таком сообщении? Вон до чего распустила девчонку! О сватах заговорила. Стыд-то какой! Позор на седую голову...

Тетушка Хуринисо сидела покачиваясь и стонала.

— Да, успокойтесь, бабушка! Что здесь особенного?

— Особенного! Она еще спрашивает... Ты в своем уме, дочка?..— тихо, почти шепотом, спросила Хуринисо.

— Конечно!— быстро подтвердила Каракош.— В своем! В своем! Кроме Уткура мне никто не нравится. Вот мое последнее слово!

Давно появилось такое предупреждение: «последнее слово». Никогда Хуринисо не спорила с девчонкой. И сейчас не может. Нет сил... Главное, нет возможности доказать упрямой девчонке, что она не права.

Уткур, действительно, хороший парень. Лучшего жениха не найти. Но где это видано, чтобы девушка сама решала свою судьбу. Что скажут люди? Соседи?

— Не пристало девушкам выбирать себе мужей. Стыд-то какой!— твердила Хуринисо.

Она вдруг поняла бессмысленность этих слов. В чем стыд? Парень и девушка полюбили друг друга. Разве этого можно стыдиться...

— Как я людям в глаза посмотрю...— против воли бормотала Хуринисо.

— Люди будут поздравлять!— крикнула Каракош.

Девушка почувствовала свою победу и размечталась вслух.

— У нас будет много цветов и музыки.

— Перестань, бесстыдница...— оборвала Хуринисо.

Но никакой строгости в голосе не было.

Каракош подняла тетушку с ковра и вновь закружила по комнате.

— Музыка и цветы! Цветы и музыка! И счастье! Счастье!

— Сумасшедшая!— вырывалась Хуринисо.

— И счастье! Счастье на всю жизнь!— пела Каракош.

Свадьба была веселой. Действительно, было много цветов. Не смолкала музыка.

В большой двор заходили гости. Знакомые и незнакомые. Родные, близкие... Старые и молодые. И всех тепло встречали. Для всех было место.

Гости отдали должное дастархану. Мало следовать традиции — подавать закуску, шурпу, шашлык, плов в их очередной последовательности. Нужно еще так приготовить, чтобы люди долгое время вспоминали эту душистую шурпу или этот редчайший плов.

— Вот когда была свадьба Уткура и Каракош...— скажет кто-нибудь.

При этом выразительно покачает головой.

Ясно без слов, каким был дастархан. Собственно, никто из присутствующих не забыл об этой свадьбе.

Праздновали весной... Счастливые, веселые дни. Первые цветы возвышались над столами. Приделались в яркий, свежий наряд деревья. На безоблачном, темно-синем небе появились огромные звезды.

Весна 1941 года... Она отличалась от других весен тем, что была еще богаче и веселее.

Для Каракош и Уткура была вообще необычной, самой счастливой.

Уткур работал на заводе. Он не шел домой, а бежал. Хотелось поскорее увидеть жену и слышать ее голос, задать ей самые привычные вопросы.

— Ну как? Что нового?

Каракош тоже мчалась из швейной мастерской.

Ей хотелось первой прибежать домой и подготовиться к встрече мужа.

На работу они уходили вместе. Шли, взявшись за руки, как дети. Даже строгие, старые люди, за глаза

осуждая подобное легкомыслие, с трудом скрывали улыбки.

Счастью молодых завидовали.

Но недолгим было это счастье.

Тетушка Хуринисо хорошо знала, что такое война. Ее муж погиб в 1939 году в одном из сражений с белофиннами. От этой вести, как говорится, у нее даже тень поседела.

— Вырвать бы с корнем того из жизни, кто придумал войну...— говорила она.— Горел бы он в аду до седьмого колена...

Хуринисо первой поняла, какая беда пришла в дом любимицы.

Отец Уткура бодрился. Ходил сам в военкомат, выступал на митинге. Правда, военком вежливо выпроводил Кудрата-ака. Но об этом старик слишком не распространялся:

— Пожал руку, пообещал подумать.

Уткур в первый день собрал самые необходимые вещи. Каракош не плакала, а упрямо твердила.

— Я поеду с вами...

Тетушка Хуринисо схватилась за голову.

— И поедет! Она поедет...

Повернувшись к Уткуру, Хуринисо потребовала:

— Ты прикажи ей! Ты муж! Ты прикажи, чтобы сидела дома...

Уткур любил Каракош. Он никогда не приказывал ей. Да и что скажешь при людях.

— Я поеду за вами!

Каракош, казалось, никого не видела и не слышала.

— Я поеду...

Так они расстались в один из первых дней войны. Каракош ждала писем от любимого, выбегала на каждый стук. А иногда держала ворота открытыми.

Но письма приходили редко. Сегодня почтальон, старый, усталый человек, принес «похоронную».

* * *

Каракош никогда не забывала прощания с мужем. Как она бежала за эшелонами, как без конца повторяла одну и ту же фразу:

— Я приеду вслед за вами...

В который раз вспоминались железнодорожная станция, оркестр, толпы провожающих, слезы... И лицо любимого человека. Он что-то кричал, о чем-то просил. А Каракош твердила свое: «приеду вслед за вами».

Сейчас Каракош и Бегимхон все чаще затевали разговор о подвигах советских девушек на фронте. На столике лежало несколько газет с очерками о Тане.

Бегимхон опять вспомнила Адолят, которая уехала на фронт.

— Ничем она вроде не отличалась от других. Ничего в ней особенного не было...— рассудительно говорила Бегимхон.— Может, только смелее была...

Орзи-датхо уже не раз слышала подобные речи. Слышала мельком. Догадывалась по одному слову, о чем идет разговор.

Свекрови это не нравилось. И, конечно, выводило из себя настроение молодых женщин Орзи-датхо чувствовала чем может все кончиться. У Орзи-датхо исчезла доброжелательность к Бегимхон. Пока она скрывала это, но после одного разговора стала косо смотреть на гостью.

Каракош спросила у свекрови:

— Матушка, а что если я поеду на могилу вашего сына?

— На могилу?— удивилась старуха.

— Конечно... Это рядом с Москвой.

Орзи-датхо почему-то метнула злой взгляд на Бегимхон и строго ответила невестке:

— Разве это женское дело. Если отец хорошо будет себя чувствовать, он и поедет.

— Разве я не имею права?

— Нет!— оборвала Орзи-датхо.— Ты женщина. Тебе нельзя...

Нужно же было Бегимхон вмешаться в этот семейный разговор.

— Если Каракош хочет, то пусть поедет, Орзи-ая...— сказала Бегимхон.

Свекровь вспыхнула. Она с трудом сдерживала себя много дней. Но сейчас...

— Вдове надлежит сидеть дома. Нужно помнить о своей чести, о чести мужа.

Орзи-датхо бросала злые слова, которые копились у нее в сердце. Бросала в лицо этой посторонней женщине.

«За ней пришло несчастье. Она все перевернула в порядочном доме...— думала старуха.— Конечно, за ней пришло несчастье. А сейчас сбивает Каракош с пути».

Не могла Орзи-датхо спокойно во всем разобраться. Не хотела. Каракош — роднее, своя. Всю вину открыто сваливала на чужого человека, тоже несчастного, одинокого.

Разумеется, Бегимхон спокойнее и не такая смелая. Ей не придет в голову ехать на фронт. Но ее бесконечные разговоры... Стоит только к ним прислушаться. Бегимхон постоянно рассказывает о своих односельчанах. И только о фронтовиках. Особенно часто упоминается имя Адолят.

— Ах, если бы я была такой смелой, как Адолят...— вздыхала Бегимхон.— Мне бы надо было с ней уехать на фронт. Я такая же комсомолка.

— Трудно решиться,— сказала Каракош.— Все мы трусихи.

— Адолят на вид обыкновенная девушка. Тихая, спокойная, рассудительная.

— Сердце у нее другое...— продолжала Каракош.

— Может быть. Может быть...— задумчиво произнесла Бегимхон.— Знаю одно: переживала. По-моему, молвы боялась. Да и с кишлаком трудно расстаться.

— Рассталась! Поехала!— почти крикнула Каракош.— А мы сидим. Вот собраться бы нам и пойти в военкомаг.

— Что ты? Что ты?— испуганно прошептала Бегимхон.

— Разве мы хуже Адолят?..

— Конечно, нет. Но...

Бегимхон была ошарашена этим предложением.

Орзи-датхо случайно слышала разговор подруг. Обвинять невестку она не могла.

«А кто начал вспоминать эту... самую Адолят...— ухватилась за спасательную мысль Орзи-датхо.— Она! Она, Бегимхон!»

Нужно понять старую женщину, мать, потерявшую сына. Разве она могла сейчас рассуждать здраво. С невесткой что-то происходит. Они, старики, теряют Каракош. А тут подвернулась на глаза Бегимхон. Вот и хочется сорвать зло-досаду на чужом, безобидном человеке.

— Твои штучки. Ты все придумала. Сама...

Старая женщина хотела сказать какое-то недоброе слово. Но вовремя спохватилась. Орзи-датхо увидела побледневшее лицо Бегимхон.

— Я, я...— прошептала Орзи.

Но Бегимхон, схватившись за голову, побежала к воротам.

— Бегимхон!

Каракoш была уже на ногах.

— Ты что? Куда?

Бегимхон упрямо твердила:

— Я уйду... Я лучше уйду...

— Никуда ты не пойдешь. Твой дом здесь. Как и мой! Все-таки сильная натура — Каракoш. Минуту назад плакала, а сейчас стоит — решительная, твердая. Глаза сверкают.

Орзи-датхо неожиданно всплеснула руками.

— О, всевышний! Накажи меня, старую, за эту грубость. Совсем помутился разум. Что же я накинута на бедную сироту...

Слова свекрови были настолько искренними, что Каракoш и Бегимхон растерянно переглянулись. Они почувствовали себя виноватыми. Прежде чем фыркать, обижаться, нужно понять при каких обстоятельствах происходит разговор. Мать потеряла сына.

Каракoш подошла к старухе, обняла ее и стала успокаивать. Бегимхон, спустив голову, вернулась к айвану.

Было в доме тихо. Стояла напряженная тишина.

Орзи-датхо понимала, что не в силах изменить решение невестки.

— Вот мое последнее слово!— скажет Каракoш.

Обязательно скажет. Пусть не сегодня, не завтра, но прозвучит эта твердая фраза.

Бегимхон тоже чувствовала: перемирие временное. И ей было жаль Орзи-датхо.

Однако трудно разобраться, кто прав. Почему женщина не может поехать на могилу любимого? Почему она должна сидеть в четырех стенах? Она здоровая и молодая. Она может мстить за мужа... Так поступают честные и сильные люди.

И, действительно, Каракoш не успокоилась. На другой день, оглянувшись на дверь, она вложила в ладонь Бегимхон золотые серьги и два кольца.

— Милая сестра, сходи на базар. Продай это...

Бегимхон растерянно смотрела на золото.

— Как же? Я...

Каракош ее не поняла.

— Это мое. Единственное, что есть...

— Да...— согласилась Бегимхон.— Но я не умею...

— А мне нельзя,— сказала Каракош,— все меня знают. Неудобно.

— Я даже...— продолжала смотреть на золото Бегимхон. Каракош настойчиво повторила.

— Иди! Долго не торгуйся. Нам лишь бы доехать до Москвы...

Вернувшись с базара, Бегимхон отдала Каракош большую пачку денег.

— Так много!— удивилась Каракош.

— Здесь и мой... Пусть все будет вместе.

— Пусть...— коротко ответила Каракош.

А хотелось сказать больше. Хотелось обнять подругу, с которой предстоит и дорога, и новая жизнь.

Может быть — фронт.

* * *

Они решили идти в военкомат завтра же, с утра.

— Больше не будем откладывать,— сказала Каракош.

Бегимхон с удивлением посмотрела на подругу: что откладывать? Они же впервые заговорили о военкомате.

— Если решили, значит, пойдем,— пояснила Каракош.— Нечего тянуть.

— Хорошо...— прошептала Бегимхон.

Каракош неодобрительно посмотрела на подругу: слишком она тихая. Даже сейчас не разговаривает смело, а шепчет. Трудно будет им. Они же не в соседний кишлак собрались, а на фронт.

На рассвете Орзи-датхо подозрительно поглядывала на молодых женщин. Чует сердце... Что-то задумали подружки. Куда-то пораньше, до работы, уходят.

Сердце чует... А вот спросить Орзи-датхо не смеет. Неведомая сила сдерживает ее, упрямо подсказывает: нельзя.

Бегимхон и Каракош, выпив только по пиале чаю, стали торопливо собираться. Чем-то они взволнованы, молчат, отводят глаза в сторону.

Когда подружки вышли из дома, Орзи-датхо молча, собираясь с мыслями, постояла у окна. Она не решалась идти за ними. Некрасиво для старой женщины за кем-то следить. Ой, нехорошо. Но что поделаешь: Каракош — единственный родной человек. Каракош — жена их сына, вдова.

Орзи-датхо накинула платок, вышла, но у ворот остановилась.

Что она сможет поделать? Что может изменить?

А Каракош с Бегимхон через полчаса были во дворе военкомата. Здесь звучали задорные песни, здесь не скрывали слез.

— Ты иди. Пока одна...— подтолкнула Бегимхон подругу.

Каракош взяла ее за руку.

— Пойдем! И не выдумывай. Вместе пойдем.

Нельзя, чтобы с первого шага человек начинал труситься, стесняться. Они же решили. Твердо, окончательно.

— Пойдем!— повторила Каракош.

Бегимхон ничего не могла ответить.

В узком коридоре было многолюдно. Пришлось с трудом пробираться к кабинету военкома.

— Вам кого?— не очень-то вежливо спросил мужчина с красной повязкой на рукаве.

Он был одет в гражданский костюм, и Каракош решила с ним не разговаривать. Но мужчина встал на дороге.

— К военкому. Очень нужно...— отрывисто пояснила Каракош.

— Он занят.

— Очень нужно...— повторила Каракош.

Голос ее прозвучал твердо, настойчиво. И мужчина отступил в сторону, недовольно проворчав про себя: «хэдят, мешают».

Военком, действительно, был занят. Но Каракош так горячо заговорила, что он, подняв голову, внимательно ее выслушал.

Бегимхон стояла рядом с Каракош и в такт ее словам кивала, соглашаясь.

— Сестрицы,— смягчился военком.— Я вас понял. Хорошо понял.

Почти каждый день к нему (имено к нему!) пытаются

ся пробиться и школьники, и старики. Нужно этим посетителям с улыбкой объяснять: «еще рано» или «уже поздно». Теперь пришли женщины. Совсем молодые вдовы. Что сейчас творится в мире... Они, эти женщины, еще не видели жизни. Мельком взглянули на счастье. И все. Вдовы... Совсем еще девчонки, хрупкие, стеснительные. Эта горячая речь, видно, готовилась ночью. Сейчас пропадет запал. И потянутся руки с платками к глазам.

— Сестрицы. Я вас понял...— повторил военком.— На фронте нужны подготовленные люди. Вам следует хорошо обдумать свое решение, посоветоваться с родными. Тогда... мы поможем.

— Чем?— спросила Каракош.

Нет. Она по-прежнему держится твердо. Кулачки сжаты. И без платков...

— Мы направим вас на курсы. Это здесь же, в Ташкенте.

— Долго нужно учиться?— задала Каракош новый вопрос.

— Нет. Сейчас, к сожалению, учатся быстро.

— Мы подумаем...— сказала Каракош и спросила:— А на какие курсы?

— Медицинские, радио...— начал перечислять военком.

— Спасибо вам. Мы подумаем.

Во дворе Каракош остановилась и спокойно сказала подруге:

— Нужно ехать... В Москву! Здесь нам учиться не дадут. Орзи-датхо будет вздыхать и плакать. Такое мы не выдержим. Нужно ехать.

Бегимхон опять кивнула. Она во всем соглашалась с подругой. Как смело говорила Каракош с военкомом! С ней не пропадешь.

— Что же ты молчишь?— возмутилась Каракош.

— Мы едем, родная... Мы едем!

— И перестань на меня так смотреть... Не видела, что-ли?

Бегимхон не скрывала своего восхищения.

— Увидела, родная...

— Что?— не поняла Каракош.

— Увидела смелую, решительную женщину. Такую, как Адолят...

— Перестань...— устало попросила Карakoш.— Перестань, а то я сейчас расплачусь.

— Нельзя...— серьезно сказала Бегимхон.— У нас столько забот. Ты думаешь, сейчас легко уехать на поезд? Я сюда еле добралась из кишлака.

— Нелегко...— согласилась Карakoш.— Но мы все равно уедем.

* * *

Поезд двигался медленно... Он пропускал воинские эшелоны, санитарные составы, платформы с оборудованием эвакуированных заводов.

Сейчас женщины по-настоящему очень близко, рядом с собой ощутили войну.

Война их давно задела, до боли обожгла сердца. Но это было личным горем. Сейчас женщины встретились с горем, с бедой народа.

Из окошек одного вагона выглядывали бледные дети. В их глазах, наверное, надолго застыл испуг. Вагоны, десятки таких вагонов с сиротами.

Дети не шумели, не выбегали на перрон, хотя эшелоны стояли часами.

В вагонах с красными крестами раздавались глухие стоны. Карakoш и Бегимхон стояли рядом, вслушиваясь, рассматривая раненых, которые могли выглянуть в окно. Бинты, бинты, бинты... Костыли и палки...

Женщины до сих пор и верили и не верили официальным бумагам. Карakoш должна увидеть могилу. Если нет могилы, будет искать мужа. И может быть, его встретит...

А Бегимхон? Она тоже не желает сидеть, сложив руки.

Вот они и заглядывают в окна санитарных поездов.

Перед Москвой началась проверка документов. Оказывается, необходимо какое-то разрешение на въезд в столицу.

Женщин попросили взять вещи и сойти в небольшом городке.

— Нам на фронт...— доказывала Карakoш.

Она знала русский язык неплохо и взяла ведение переговоров на себя: Собственно, а кто и затеял поездку?

— На фронт?— переспросил пожилой сержант.

— Туда, туда...— поспешно согласилась Каракош.

— Вас там еще не хватало...— не очень вежливо сказал сержант.— Мыкайся теперь с вами.

Что такое «мыкаться», Каракош не знала и стала вновь объяснять строгому начальнику.

— Мы едем на фронт...— Она вытащила две «похоронных».— Мы ищем мужей.

Сержант прочитал бумаги.

— Они уже убиты!

— Нет!— твердо сказала Каракош.— Может, они живы...

— Ишь ты...— удивился сержант.— Значит, живы...

— Да... Эти бумаги ошиблись.

Сержант тяжело вздохнул и, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Если бы они ошиблись...

— Да!— повторила Каракош.

— Да!—наконец вмешалась в разговор Бегимхон.

Подошел лейтенант, поинтересовался в чем дело, выслушал сержанта и сказал:

— Хорошо.

Что в этом хорошего? Каракош не поняла его. Лейтенант был молод, вежлив, но почему-то доверия у Каракош не вызывал.

— Значит, на фронт?— переспросил лейтенант.

— Да, товарищ...— ответила Каракош.

— Почему вы не обратились в свой военкомат? Там у вас...

— В Ташкенте?— спросила Каракош.

— Вот именно, в Ташкенте.

— Там знают меня. Старые люди шуметь будут...

— Значит, сбежали?— улыбнулся лейтенант.

Этот вопрос не понравился Каракош.

— Уехали...— сердито сказала она.

— Не предупредив старых людей?— уточнил лейтенант.

— У старых людей— старые законы. Женщина должна сидеть дома... Плакать... Мы не хотим сидеть, надоело плакать.

— Ясно...— вздохнул лейтенант.— Сейчас товарищ вас проводит к военному коменданту. Он поможет проехать в Москву и на фронт. Хорошо?

— Хорошо!— согласилась Каракoш.

— Хорошо!— кивнула Бегимхон.

— Проводите, сержант,— кивнул лейтенант в сторону двери.

— Есть!— неохотно ответил сержант и помотал головой.— Ну, как малые дети... О, господи!

Погом предложил:

— Пойдемте, подруженьки...

Каракoш и Бегимхон были рады, что остались с этим пожилым человеком. Он чем-то напомнил спокойных, рассудительных людей из кншлака.

И они доверчиво пошли за сержантом.

* * *

Война была рядом с Москвой. Каракoш и Бегимхон невольно жались к стене, стараясь пропустить озабоченных людей.

— Путаемся под ногами... — созналась Каракoш.— Только мешаем.

Она крепко держала в руках конверт с самой важной бумагой, которая должна решить их судьбу. К тому же Каракoш и Бегимхон понятия не имеют о военном деле. Прав начальник, решивший немедленно отправить их домой.

— Только мешать будете...— сказал он откровенно.

Прав. Даже на улице они мешают.

Но Каракoш так старательно уговаривала и умоляла начальника, что он согласился помочь женщинам.

— Если у вас ничего не получится с учебой, то...

Начальник резко махнул рукой, словно перечеркнул всю эту затею.

— Получится!— заверила Каракoш.

— Получится!— вдруг поддержала Бегимхон.

— Ишь ты!— помотал головой начальник.— Заговорила, милая...— И он засмеялся.

Женщины на всякий случай улыбнулись.

Начальник выдал бумагу.

— Вот вам направление. Но домой мы вынуждены сообщить.

Каракoш кивнула: теперь можно.

— Самн найдете? Читать умеешь?— обратился начальник к Каракoш.

— Умею.

— А то у меня нет провожатых. Все заняты.

...Озабоченная, суровая Москва. На стекла окон наклеены полоски бумаги. В переулках заграждения... Неужели фашисты могут сюда войти?

Каракoш и Бегимхон осматривались по сторонам, читали вывески, названия улиц.

Город жил. Напряженно, словно сжав зубы. Но жил...

Такое впечатление, что он был готов к встрече с любым врагом, самым страшным и сильным.

Сссредоточенные люди. Неудобно останавливать их, занятых, торопящихся по своим неотложным делам.

Каракoш вертела бумажку с адресом, умоляюще заглядывала в глаза прохожих.

— Что вам, девушки?

Женщина лет сорока остановилась, вопросительно посмотрела на подруг.

— Вот!— Каракoш стремительно протянула бумажку.

Вдруг женщина повернется и уйдет.

— Вот. Адрес!

— Откуда вы, милые?

Голос у женщины был мягкий, ласковый.

«Учительница,— подумала Бегимхон.— Обязательно учительница».

— Из Ташкента мы,— сказала Каракoш.

— И сюда?— удивилась женщина.

— Нет. На фронт...

— Здесь тоже... фронт,— вздохнула женщина.— А по этому адресу вам уже поздно идти.

— Как поздно?

— Вечер...— пожала плечами женщина. Подумав, она неожиданно предложила.— Пойдемте ко мне. Я одна живу. А завтра утром провожу в эту школу.

...Через несколько минут они пили чай. Хозяйка дома рассматривала гостей.

— Как вы молоды и красивы...— наконец сказала она..

— Мы потеряли мужей...— опустила голову Каракoш.

— Да. Война и для вас началась с первого дня. Достала за сотни километров.

— Достала...— сказала Каракош.

Они долго молчали. Было тихо, тревожно в этой московской комнате.

Все понимали насколько коротка и обманчива эта тишина...

ЛЕСНОЙ КРАЙ

Школа оказалась какой-то очень странной. Каракош и Бегимхон удивленно переглянулись.

— Мы — на фронт...—попробовала напомнить Каракош.

— Сейчас везде фронт...— произнес знакомую фразу начальник.

Он тоже не был похож на военного человека. Будто только что на него натянули большую, не по размеру гимнастерку. И человек неловко себя в ней чувствует. Пытается разглядить складки у пояса, пожимает плечами, словно прилаживается к новой одежде.

Из окна был виден двор, где шли занятия.

— Что это?— тихо спросила Каракош.

— Учатся...— коротко пояснил начальник.— Но вы сначала позанимайтесь в классе.

— А где медицина, радио?— спросила Каракош.

Начальник похлопал ладонью по отпечатанному на машинке направлению.

— Вас куда прислали?— раздраженно сказал он.—

Сюда! Значит, здесь будете заниматься.— Потом настойчиво добавил: Вы скоро станете бойцами Красной Армии. Будьте добры подчиниться требованиям воинской дисциплины.

Короткая, но строгая речь произвела впечатление. Каракош и Бегимхон опять переглянулись.

— Ты понимаешь русский язык?— начальник неожиданно обратился к Бегимхон.

— Понимаю...— произнесла Бегимхон.

— Она просто молчаливая...— вступилась за подругу Каракош.

— Молчаливая!— хмыкнул начальник.— Беда с вами.

То выкольник пришлют, то...

Не договорив, начальник махнул рукой.

— Чем мы не подходим?— сдвинув брови, спросила Каракoш.— Или так не сможем, как милиционеры?..

Она кивнула в сторону окна.

— Регулировать движением на фронтовых дорогах сложно и опасно. На регулировщицу возложены ответственные задачи...

Начальник сыпал длинными, малопонятными фразами. Каракoш на всякий случай, соглашаясь, кивала. Зря она полезла в спор. Что поделаешь, если их прислали на такие курсы. Окончат курсы, поедут на фронт. Все равно же на фронт. А там видно будет.

Зачем зря спорить.

— Поняли?— спросил начальник.

— Все хорошо поняли...— ответила Каракoш.— Спасибо!

Благодарное слово подействовало на начальника.

— То-то... Занятия начнутся через три дня.

— Спасибо...— повторила Каракoш.

— Спасибо...— наконец произнесла и Бегимхон.

— Документы с собой?— спросил начальник.

— Какие?

— Все... Паспорт. Характеристика с места работы.

— Есть, есть...— закивала Каракoш.

Она смотрела на бумажку — направление от коменданта. Неужели этого мало?

Начальник понял Каракoш.

— У нас не каждая может стать хозяйкой фронтовой дороги,— улыбнулся он.— Все войсковые части у нее на виду, фронт.

— Да,— согласилась Каракoш и теперь уже с уважением посмотрела на девушек, которые занимались во дворе.— Не каждая...

Эти слова понравились Каракoш и Бегимхон. Значит на курсы принимают только проверенных комсомолок.

— Сдавайте документы...— предложил начальник.— А через три дня мы сообщим вам результат.

— Через три?— ахнула Каракoш.— А если...

— Думаю, что вы подойдете,— успокоил начальник.— Жить пока есть где?

— Есть, есть... У нас знакомая учительница рядом живет:

Они так и назвали свою гостеприимную хозяйку — учительницей.

— Можно спросить?— Карakoш опустила голову.

— В чем дело?

— Здесь похоронен мой муж... Под Москвой.

— Ну?— насторожился начальник.

— Можно поехать?..

— Куда?

— На могилу...

— Куда, спрашивают?— мягче сказал начальник.

Карakoш протянула «похоронную».

— Да... Это недалеко.— Начальник задумался.—

Но туда нужно разрешение.

— Разрешение!— испуганно повторила Карakoш.

— Война... Что поделаешь...

Начальник внимательно разглядывал «похоронную», будто эта бумажка могла ему что-то подсказать.

— А вы знаете... Сейчас же поезжайте на Белорусскую... Сортировочная станция. Там стоит эшелон с вашими земляками. Похлопочите у командиров. Они добьются разрешения, довезут до нужной станции.

— Спасибо! Спасибо!— горячо заговорила Карakoш.

— Подождите... Объясню, как доехать. И, главное, чтобы через три дня были здесь. В казарме. Ясно?

— Ясно, товарищ...

— Капитан,— подсказал начальник.

— Ясно, товарищ капитан!— неожиданно осмелела Бегимхон.

— О!— протянул капитан.— Молодец!

Бегимхон густо покраснела. Еще никогда она так не разговаривала с чужим мужчиной.

Женщины вышли из здания школы, где разместились необычные курсы, о которых они до сегодняшнего дня не имели никакого представления.

Хозяйки фронтовых дорог...

Так сказал начальник. А если не примут?

Но чем они хуже других? Они ехали три тысячи километров. Им очень нужно попасть на фронт.

Обязательно примут...

В крайнем случае им помогут. Вокруг много хороших людей. Карakoш и Бегимхон уже убедились в этом.

На станции стояли эшелоны. Отыскать нужный — не такое-то легкое дело.

Но Карakoш увидела смуглого лейтенанта, торопливо пробравшегося в толпе.

Как к нему обратиться? Окликнуть? Неудобно... Карakoш потянула за собой Бегимхон.

— Нужно его догнать! Не отставай!

Когда они оказались рядом с лейтенантом, Карakoш слегка тронула его за рукав.

— Простите нас, уважаемый...

Лейтенант удивленно посмотрел на женщин.

— Откуда вы, сестрицы...

Перед ним стояли молодые, красивые женщины в национальной одежде.

— Не верю... — пробормотал он.

Бежали, торопились люди. Было много девушек в военной форме. Были русские женщины, старухи в платочках. Молодые, с заплаканными глазами. И у каждой непременно в руках узелок. Женщины искали сыновей, отцов, братьев. Кто-то подсказал прийти именно сюда, на эту станцию.

Но попробуй в этой массе найти нужного человека.

Карakoш и Бегимхон повезло. Они нашли самого нужного.

— Неужели из Ташкента? — выдохнул лейтенант.

— Из Ташкента... Из Ташкента... — торопливо подтвердила Карakoш.

Она боялась, что лейтенант, сославшись на занятость, повернется и уйдет.

— Ну, я вас сейчас представлю личному составу. И вы все расскажете.

Карakoш и Бегимхон не тронулись с места. Они не все поняли из горячих слов лейтенанта.

— Пойдемте... Там, может быть, знакомых встретите.

Знал, что сказать лейтенант... Знакомых!

Карakoш и Бегимхон бросились вперед.

— Да не бежите! — засмеялся лейтенант. — Успеем.

Но женщины сами неожиданно остановились. Рядом плакала старуха. Обняв паренька в солдатской форме, она причитала:

— Ты же последний... Что же с нами будет!

Молодой солдат неловко ее успокаивал, изредка бросая взгляд на товарщицу.

— Ну хватит, мама. Хватит.— Ничего со мной не случится.

— Так и Петя говорил...— плакала женщина.— Не случится... Что же я буду без вас делать...

— Мама, мама...

Мать и сын отвернулись. Они пытались продолжить свой разговор. Но у них ничего не получалось. Солдаты жадно курили, словно хотели спрятаться за крутым махорочным дымом.

Людское горе встречали Каракош и Бегимхон на каждом шагу. Они стали лучше понимать чужих, совсем незнакомых людей. И эта старая русская женщина в темном полинялом платочке так сейчас была похожа на Орзи-датхо!

«Надо бы послать письмо...— вспомнила Каракош.— Сколько и там пролито слез».

— Пойдемте...— сказал лейтенант.

Он понял состояние женщин.

— Пойдемте... Нам скоро уезжать.

— Вы из Ташкента?— спросила Каракош.

— Нет. Я ферганский.

«Значит, и его мама сейчас с надеждой поглядывает на почтальона».

Каракош захотелось спросить, послал ли лейтенант письмо домой. Но неудобно задавать вопросы мужчине.

— Я сейчас бегал на почту,— неожиданно сообщил он.— Надо успокоить родных. У меня в Кувинском районе их много... В двух кишлаках.

Он рассмеялся.

Каракош и Бегимхон тоже улыбнулись. Им невольно при этих словах лейтенанта вспомнились свои кишлаки. По утрам стоит там сонная тишина. Только чья-нибудь песня потревожит покой...

Нет. Сейчас и в кишлаках нет прежнего покоя. И нет веселых песен. Кто их будет петь? Для кого?

Лейтенант провел женщин в какой-то состав и крикнул по-узбекски:

— Друзья! Встречайте гостей...

Возле эшелона стояли бойцы и командиры.

Каракош и Бегимхон замерли. Они с надеждой раз-

глядывали смуглые лица. Не может быть! Кажется, вот там Уткур!.. Вои — Нормат.

Нет... Это совсем другие, незнакомые люди. Они только похожи.

Женщин окружили. Если бы такое случилось в кишлаке! Даже трудно представить. Не смогли бы так поступить джигиты. Вот так, плотным кольцом окружить, рассматривать, расспрашивать...

Эта мысль невольно мелькнула у Бегимхон. Мелькнула и растаяла. Моментально. Как снежинка в та-лой воде.

— Из Ташкента?

— Когда?

— Как Ташкент? Расскажите, сестрицы.

И вдруг чей-то изумленный, женский голос:

— Каракош!

Все моментально стихли и расступились.

Девушка в военной форме осторожно, не веря своим глазам, двинулась к неожиданным гостям.

— Каракош! Ты ли?!

— Я...— прошептала Каракош.— Это я, Рано... Милая!

Она бросилась и обняла девушку.

— Ну, ну... Перестань!— успокаивала Рано.— Плакать здесь не положено. Рядом фронт.

— Я не плачу,— с трудом выговаривала слова Каракош.

— У меня уже гимнастерка мокрая,— пробова-ла шутить Рано. А у самой глаза тоже поблескивают. Вот-вот расплачется. Нужно взять себя в руки.

— Моя комсомолка...— объявила Рано.— Не ожидала здесь увидеть.

Чтобы спрятать глаза, Рано наклонила голову.

— Объясни, как сюда попада.

— Уткур здесь погиб. Под Москвой. Хочу на могилу...

Каракош вытащила из кармана «похоронную».

— Вот...

И опять слезы.

— Успокойся, милая, успокойся. Что же теперь делаешь.

Солдаты стояли молча. Они неловко переминались, с ноги на ногу. Уйти тоже неудобно.

- Успокойся, милая...
- Мы на фронт хотим...— вступила в разговор Бегимхон.— У меня тоже погиб муж.
- Девчонки! Совсем девчонки! — Рано погладила Каракош по голове.— Разве так делается...
- Нас уже почти приняли!— удивляясь своей смелости, продолжала Бегимхон.
- Куда?
- Курсы... Как милиционер стоит на дороге. Рано улыбнулась.
- Регулировщицы?
- Вот, вот...— кивнула Бегимхон.
- Начальнику, наверное, не понравились наши характеристики. Маленькие...
- Ну, это поправимо!— засмеялась Рано.— Как бывший работник райкома комсомола я могу вам написать побольше. Короче говоря, устроим...
- У нас три дня...— напомнила Каракош.— Съездить бы... на могилу.
- Это сложнее. Но думаю, что устроим. Попросим командира. Он тоже — ташкентский. Командир поговорит с комендантом.
- Документы мы сдали,— сказала Каракош.
- А за документами поедем на ваши курсы. Заодно поговорим с начальником. Значит, характеристики маленькие?
- Рано посмотрела на бойцов. Они улыбнулись.
- Маленькие...— согласилась Каракош.
- Тогда будем действовать. А сейчас мы сначала выпьем чай. Зеленый. Хотите?..
- Да,— выдохнула Бегимхон.
- Будем пить чай, и вы расскажете о Ташкенте.
- Да...
- Вон сколько собралось вас послушать. Правильно?
- Правильно, товарищ лейтенант.
- Каракош посмотрела на петлицы.
- Вы лейтенант, Рано?
- Не пугайся, милая. Будешь и ты командиром. Послужишь, и будешь.
- Каракош настороженно посмотрела в глаза Рано.
- Нет, не смеется. Она всегда говорила серьезно, эта бойкая, смелая Рано.

Каракoш и Бегимхoн впервые увидели лес.

Русский лес, он был красив и суров.

Раньше его видели только на картинках, в кино. Читали о нем.

А сейчас сосновый бор был рядом, величественный и спокойный. Огромные деревья будто поддерживали небосвод. Наверное, лес выглядит особенно торжественно при лунном свете. А звезды опускаются на верхушки деревьев.

Сейчас небо было хмурым, серым. Оно стремительно темнело. Холодный, сырой ветер подул от леса.

Каракoш и Бегимхoн поежились.

— Сейчас доберемся до деревни...— сказал водитель.

Он с удивлением и нескрываемым почтением поглядывал на своих спутниц. Здесь, на восточных подступах к столице, эти женщины могли вызвать настороженность. Сразу рождалось несколько вопросов: откуда? кто такие?

Поэтому патрули недоверчиво просматривали документы.

Шофер уже знал, кого он везет. Приказ командира был лаконичным: доставить до могилы мужа.

Шофер не мог представить, каков он — Ташкент. В этом городе ему не доводилось бывать.

Но он знал: Ташкент очень далеко.

Когда очередной патруль слишком тщательно стал проверять документы, водитель вступился за своих спутниц.

— Едут посмотреть могилы мужей...

Сержант взглянул на шофера. Видно, хотел одернуть его: нашелся адвокат. Но раздумал. Женщины замерли, съежились, испуганно поглядывая на патрульных.

— Тебе-то самому не холодно в этом тарантасе?

Водитель обиделся.

— Тарантас!— повторил он и огрызнулся.— Но ваша забота.

— Людей заморозить,— сказал сержант.

Шофер не стал отвечать.

— Далеко?— не унимался сержант.

— В Лесное...

— Давай по проселочной... Разминировано.

Обиженный водитель даже не поблагодарил. Но поехал по проселочной дороге. Указательные стрелки с успокаивающим словом «разминировано» подняли настроение шофера, и он стал рассказывать о недавних боях в этом лесном краю.

— Село потому и называется так,— говорил шофер.— Видите, где едем...

Мутноватые лучи ощупывали дорогу. Сосны подходили к ней с двух сторон. Крона закрывала небо.

— Видим...— ответила Карakoш.

Бегимхон подтолкнула подругу: разве можно разговаривать с чужим мужчиной.

Карakoш не обратила внимания на предупреждение. Словно бросая вызов подруге, спросила:

— Скоро приедем?

— Скоро, скоро...— пообещал водитель.— Хорошо, что эту дорогу расчистили.

Ему, наверное, надоело молчать. Он обрадовался вопросу спутницы. А то сидят, сжались, поглядывают с испугом. Или русского языка не знают, или таковы восточные законы?

— Вы хоть знаете, что такое мины?— спросил водитель.

Карakoш немного обиделась.

— Конечно! Читали. В кино видели.

— Читали...— усмехнулся водитель.

Он покачал головой и объяснил, как знаток:

— Мина, это черт знает что такое. Едешь, едешь и вдруг хлопнет под носом. Колесо в одну сторону, башка в другую.

Страшная картина, нарисованная шофером, не произвела впечатления на женщин. Они верили этому парню, верили указательным знакам «разминировано».

— Вот она, что за штука, мина...— уже без особого энтузиазма произнес шофер.

Карakoш решила поддержать хорошее настроение водителя. Человеку же скучно!

Она попросила рассказать о боях, в которых участвовал шофер.

Карakoш показалось, что шофер собирается с мыслями, не знает с чего начать рассказ.

— О боях?— хмыкнул водитель и смущенно добавил.— О каких там боях. Я недавно приехал на фронт...

Бегимхон строго посмотрела на подругу.

«Влезла в разговор... Человека в неловкое положение поставила...»— говорил укоризненный взгляд Бегимхон.

«Откуда я знала...— отвечал взгляд Каракош.— Хотела человеку приятное сделать».

— Война — впереди...— сказала Бегимхон.

— То-то и оно,— снова согласился водитель.— Впереди. Ох, далеко до Берлина крутить баранку. Докручу ли...

— Докрутите...— пообещала Каракош.

— Спасибо, сестрица.

От этого знакомого, теплого обращения у женщины стало спокойнее на сердце.

Каракош еще раз мысленно поблагодарила судьбу за встречи с добрыми людьми.

Командир, к которому Рано привела неожиданных гостей, встретил их тепло. Внимательно прочитал извещение о гибели мужей.

— Ваш муж,— обратился он к Бегимхон,— погиб на Украине... Нам еще долго придется шагать до этого городка. Но мы обязательно дойдем.

— Я тоже дойду...— сказала Бегимхон.

Каракош уже заметила, что застенчивая, молчаливая Бегимхон меняется на глазах. Часто вступает в разговор. Даже с мужчинами.

— Дойдем...— уверенно повторил командир.— Хорошо бы вам после курсов попасть в нашу дивизию.

— А это можно?— спросила Каракош.

Командир задумался, потом уверенно заявил:

— Можно. Постараемся...— И обратился к Рано.— Проследите, лейтенант.

— Есть, товарищ полковник. Прослежу.

Потом командир читал извещение о гибели Уткура.

— Лесное...— вслух произнес полковник.

— Там полевой госпиталь был,— подсказала Рано.

— Это рядом,— согласился командир.— И вы просите....

— Да, товарищ полковник. Хотя бы на час...— сказала Рано.

— Дело не во времени...— полковник рассматривал извещение.

Война идет несколько месяцев. А сколько вот таких бумажек разлетелось по всей стране. За каждым извещением горе, слезы. И, конечно, надежда. Вдруг ошибка? Вдруг случится чудо?..

Не верят матери, жены, сестры «похоронкам». Сжимают мокрые платочки, покусывая губы, глядят на дорогу в ожидании других, неожиданных вестей.

Эти две молодые женщины поехали на фронт. К погибшим любимым. Женщины решили остаться на фронте. Полковник чувствует: обдуманное решение.

Нелегко им было добраться до Москвы.

— Хорошо...— сказал он.— Туда будет машина. К вечеру. Напишем, чтобы помогли вернуться.

— Хорошо, товарищ полковник...— ответила Раю.

Командир пожал женщинам руки.

Бегимхон и Каракош в смущении попятились. Раю еле сдерживала смех.

«Ничего, привыкнут»...— решила она.

Но вслух ничего не сказала.

И вот сейчас Каракош и Бегимхон едут через темный лес с чужим человеком. Говорят о минах, о войне, просят рассказать о Лесном.

— Небольшое село. Но важное... Очень важное...— говорит шофер.— Дорога на Москву.

Это женщинам понятно. Особенно Каракош. Значит, на этой дороге сражался Уткур.

Рокотал мотор. Машина двигалась вперед. И плотный строй деревьев словно расступался перед тускловатыми лучами фар.

Деревья были мощные. Их мохнатые ветви закрывали небо.

Только рокот мотора. Лишь изредка доносились звуки леса. Кто-то назойливо стучал по коре дерева. Раздавался протяжный крик ночной птицы.

— Скоро приедем...— сообщил водитель и посоветовал:— А вы вздремните, поспите. Я поведу машину тише.

— Не надо тише...— сказала Каракош.

Водитель ничего не ответил. Он знал, зачем едет эта женщина в далекое русское село.

Мелькнул еще один указательный знак.

А села не было видно. Женщины только почувствовали, что они выбираются из леса и впереди населенный пункт. Словно угадав их мысли, шофер сказал:

— Темнота... Маскировка...

— Надо ждать до рассвета.

Сумеет ли она заснуть в этом незнакомом Лесном?..

* * *

Село пересекла единственная улочка. Другая тянулась к церкви. Но по этой второй люди редко ходили: теперь, в беспокойное время, и на колокольне дежурили бойцы...

Церковь находилась на пригорке. Оттуда открывался вид на окрестные поля и дороги.

Село приютилось рядом с лесом. С этой стороны плотная стена деревьев защищала дома от ветров. А во время бомбежек люди бежали под защиту широких ветвей.

В школе, самом большом здании, размещался полевой госпиталь.

Каракош очень хотелось зайти туда, найти врача, медсестру, всех, кто знал Уткура. Но ей сказали, что тот, полевой госпиталь, давно продвинулся вперед, ближе к передовой. И, конечно, здесь Уткура никто не знал.

Но Каракош и Бегимхон вошли во двор и долго молча рассматривали приземистое, крепкое здание школы.

В окнах появились любопытные лица. Женщины чувствовали на себе чужие взгляды, впервые в жизни не обращая на них внимания.

Какой-то раненый, не выдержав, подошел, опираясь на костыль.

— Из каких краев будете, девочки!

Он покосился на окно. Вероятно, там, за мутноватыми стеклами, обклеенными крест накрест газетными полосками, остались его товарищи.

Каракош и Бегимхон внимательно посмотрели на бойца. Он невольно смутился.

— Я спрашиваю, откуда будете?— не слишком смело повторил раненый.

— Здесь умер мой муж...— сказала Каракош.

— Вон оно что...— протянул боец.

Он окончательно смутился. Игривое настроение исчезло.

— Вон какая штука...— продолжал боец.— Может, зайдете, узнаете?

Боец и сам не верил в это... Что узнавать?

— Говорят, здесь был другой госпиталь...

— Полевой — подсказал боец.

— Да. Он умер в полевом госпитале...

Раненому хотелось спросить: для чего же вы приехали? Но как задашь этот вопрос? Боец растерянно стоял перед женщинами.

— Мы пойдем...— сказала Карakoш.— Там его могила...

Она кивнула в сторону, где за селом находилось кладбище.

— Идите...— сказал боец.

Повернувшись, он зашагал к зданию. Один из нетерпеливых товарищей приоткрыл окно и крикнул:

— Ну как?

Боец молчал. Он шел, опираясь на костыль, наклонив голову.

— От ворот поворот...— не унимался раненый.

Боец поднял голову и молча посмотрел на товарищей. Теперь он стоял рядом, и все увидели его лицо.

— Что с тобой!

— Ничего. Ничего...— сказал боец.

— Откуда эти женщины?

— Наверное, из Средней Азии...— и, чтобы закончить разговор, добавил:— У одной из них здесь умер муж. Там похоронен...

Раненые смолкли. Все посмотрели вслед удалявшимся женщинам.

Карakoш и Бегимхон шли по тропинке к кладбищу. Истоптана эта тропинка. Слишком часто стали ходить по ней люди.

И кладбище заметно расширилось за последние месяцы. Сельское кладбище на пригорке у леса... Сколько сюда, к маленьким холмикам, придет и приедет людей из чужих мест. Не все матери, не все жены еще знают о существовании села Лесное, о существовании этого кладбища.

Карakoш шла и смотрела на свежие холмы, на скромные красные звезды.

Она пошатнулась, схватившись за руку Бегимхон.

— Ну, что ты?.. Ну, что?— прошептала Бегимхон..

— Сейчас, родная... Сейчас... Все.

Каракош и Бегимхон медленно двинулись вдоль могил. Женщины впервые видели русское кладбище. Стояли над старыми могилами деревянные кресты. А за ними поднимались звездочки.

На скромных фанерных обелисках, над свежими братскими могилами были русские, украинские, грузинские фамилии.

Женщины очутились перед фанерной пирамидкой как-то неожиданно. Они стояли, вчитываясь в длинный перечень погибших.

Он!.. Уткур...

Каракош судорожно сжала руку подруги. Но Бегимхон и не думала ее успокаивать.

Губы у Каракош посинели. Она что-то пыталась говорить.

— Уткур, родной...

Бегимхон неумело поддерживала за локоть подругу.

Они стояли, не обращая внимания на ветер, который зло, остервенело крутил мелкие, колючие снежинки.

На женщин долго смотрела маленькая старушка. Наконец она подошла ближе, взглянула на фанерную пирамидку и поняла в чем дело.

— Вы же совсем озябли, милые.

Каракош и Бегимхон увидели усталые глаза, лицо с редкими морщинками.

— Озябли, говорю...

Слово было незнакомым. Но женщины поняли его смысл.

— Ничего...— сказала Бегимхон.

— Брат?— спросила старушка.

— Ее муж...— сказала Бегимхон.

— Господи,— вздохнула старушка,— какие вы молоденькие...

Каракош молча продолжала смотреть на могилу.

— Здесь, что ли?..— спросила старушка.

— В госпитале умер,— ответила Бегимхон.— А сейчас там другие...

— Это, значит, во время боев...— решила старушка.

— Да... Во время боев.

— Был такой госпиталь... Был. Настя там еще помогала. Нянечкой. А меня не взяли. И, право, на что я им. Старая, слабая.

— Какая Настя?— насторожилась Бегимхон.

— Соседка моя. Тоже старая, но крепче меня.

— А можно...— повернулась Каракош.— Можно ее увидеть?

— Почему же нельзя. Пойдемте. Совсем застудились здесь.

Спустившись по тропинке к селу, женщины почувствовали, как они замерзли. Старушка двигалась впереди, изредка оглядывалась осматривала женщин и вздыхала.

— Сейчас дойдем. Сейчас. Господи, как посинели. К холоду совсем непривычные.

Изба, куда вошли Каракош и Бегимхон, была теплой, уютной.

Хозяйка оказалась сердобольной. Не дослушав свою соседку, она сразу запричитала.

— Как можно! Как можно! Руки-то ледышки. Раздевайтесь. Сейчас чаем отогрею.

Но кроме самовара вскоре на столе появились миска с дымящейся картошкой.

Тетя Настя не спешила расспрашивать неожиданных, редких гостей.

— Вы ешьте, ешьте. Согревайтесь.

Каракош и Бегимхон несмело тянулись к картошке, снимали кожуру, посыпали крупной солью.

— Ешьте, ешьте...

Потом пили чай... Долго, не спеша, наслаждаясь теплом и ароматом.

— Командир один оставил...— заговорила по поводу чая тетя Настя.— Целую пачку заварки.

Каракош и Бегимхон переглянулись.

Наверное, в этом доме не каждый день пьют такой ароматный чай. Это по случаю прихода гостей.

Каракош не знала, как начать разговор об Уткуре. Выручила старушка.

Взглянув на икону, перекрестившись, она сообщила соседке:

— На могилку приехали, Настенька. Ты, случайно, не помнишь такого? Как его звали-то?

— Уткур,— подсказала Бегимхон.

— Черненький?— переспросила тетя Настя.

Сколько их было в госпитале! Разве можно упомянуть все имена. Привезут бойца, а он и часа не проживет. Всякое случалось.

— Как же, помню. Помню...

Тетя Настя рассказывала о человеке, который не стонал, улыбался. Видно, смелый.

Она не обманывала. Таких было немало...

Женщины плакали. Плакала хозяйка, старушка, Каракош и Бегимхон...

Плакали открыто, не стесняясь...

И никто, никакая сила не могла сейчас удержать эти слезы...

СУДЬБА БОЙЦА

Шофер ожидал у машины.

— Простите...— сказала Каракош.— Мы задержались.

— Ничего, ничего... У нас время есть.

Он уже знал, что эта молодая женщина нашла место мужу.

Совсем юный паренек хотел казаться бывалым солдатом, лишенным всякой сентиментальности. Но голос у него дрогнул. И глаза отвел в сторону. Пусть женщины не видят, как они поблескивают.

— Поедем?— спросила Каракош.

— Поедем...— ответил шофер.— В штабе сказали, что можно другой дорогой... Что... Короче говоря, мы заедем в дивизию. Там, наверное, знают о вашем муже.

Он сбивался, пытаясь скрыть истинные чувства: невольное преклонение перед этой женщиной. Сообщал, как самую обыкновенную новость.

— Ой...— всплеснула руками Каракош.— Спасибо вам... Спасибо...

— Да ничего...— пробормотал шофер.

Хотелось сказать, что эта мысль не принадлежит ему. Один из раненых, видимо штабной офицер, узнав о странных пассажирках, посоветовал заглянуть в дивизию, которая находилась на переформировании.

— От моего имени обратитесь к комиссару Чернецову. Пусть узнают о судьбе солдата.

Офицер покачал головой.

— Из Ташкента сюда добрались. Так что помоги, пожалуйста.

— Есть, товарищ майор. Едем!— твердо сказал шофер.

— Кстати,— добавил офицер,— эта доррга спокойнее...

Вопрос был решен. Они едут в штаб дивизии, той самой, которая здесь встретила врага, сдержала его натиск и отбросила назад.

— Поедем...— повторил шофер, но увидел двух старушек.

Они что-то кричали.

— Наверное, к вам?— спросил шофер.

— Да, да...— сказала Каракoш.— Мы были у них в гостях.

Хозяйка дома, где только недавно отдыхали женщины, протянула узелок.

— Возьмите на дорожку.

— Что вы!— попыталась отказаться Каракoш.

Она поняла еще тогда, оглядывая скромную комнату, что старушка не очень-то богато живет.

— Не надо,— поддержала Бегимхон.— Мы скоро будем в Москве.

— До Москвы далеко! Когда доедете? Берите, берите, не обижайте.

— Конечно...— коротко посоветовал шофер.

— А ты довези их.

— Довезу, мамаша!— улыбнулся шофер.— Куда же их дену?

— Спокойней вези.

— Постараюсь...

— А ты не беспокойся,— обратилась старушка к Каракoш.— За могилкой мы присмотрим.

Женщины снова потянулись за платками.

— Едем...— твердо сказал шофер.

Когда машина въехала в лес, Каракoш вспомнила сердобольных старушек и, сожалея, вздохнула.

— Хорошие люди. А мы даже их фамилий не знаем.

— И они наши имена не запомнили.

Машина, жестко подпрыгивая на ухабах, шла по лесной, узкой дороге. Стояли огромные деревья, спокойные, величественные,

Ночью деревья были страшноваты. А сейчас выглядели друзьями, готовыми в любую минуту спрятать, укрыть людей.

Утреннюю тишину нарушил отдаленный гул. Он приближался. Шофер погнался быстрее. Впереди стояли мощные деревья, их ветки сплетались, закрывая небо.

Под плотным сводом шофер остановил машину.

— Пусть пройдут...— хмуро кивнул вверх.— Кто их знает...

Он вышел из машины и стал ждать. Гул нарастал. Вот дрогнули ветки. И стало в лесу жутко и страшно.

— Наши! Наши!— вдруг крикнул шофер.

Он вскочил в машину.

— Натурально наши! Красные звезды!

Шофер был рад не только за себя. Это поняли и женщины. Можно так шумно радоваться, когда видишь знакомые, родные звезды.

— Наверно, на рассвете бомбили немца...— возбужденно говорил водитель.— Точно, бомбили. Самолеты тяжелые. Сейчас возвращаются домой.

Гул утихал. Снова в лесу наступила тишина.

— По этой проклятой дороге, наверно, никто не ездил.

Шофер пришел в себя, осмелел. Можно его понять. Если с бомбежки прошли свои самолеты, значит, будет спокойно.

Ему хотелось говорить, расспрашивать, шутить. Но он понимал, что женщинам сейчас не до шуток. Чтобы не молчать, заговорил о лесе.

— Нет, такой мы впервые видим...— ответила Каракош.— Раньше только на картинках, в кино.

Он рассказывал о деревьях, о их возрасте, о свойствах. Надо отвлечь женщин от грустных мыслей. Сидят, съежились, испуганно поглядывают по сторонам. Девчонки... Право, девчонки. Худенькие, бледноватые. На лицах одни глаза. Огромные, черные... Никогда не видал таких глаз. Жаль, что невеселые. И не скоро кто-нибудь их развеселит.

За лесом начались поля. Они лежали под сероватым снегом. Будто откуда-то сюда долетел пепел.

У въезда в деревню машину остановил патруль. Деловито проверили документы шофера.

— А это кто еще такие?— грубовато спросил боец, видя старший.

— К товарищу Чернецову везу...

— Делегация, что ли?

— Длинный разговор, браток. У них дело. К товарищу Чернецову нужно...

— Дело?— боец внимательно смотрел на женщины.

— У нас пропуск есть...— заторопилась Каракош.— Сейчас.

— Хорошо...— мягче сказал боец.— В штабе покажете часовому. Из Ташкента?

— Оттуда!..

— У нас недавно была делегация.

Он оказался не таким грубым. Стоит, улыбается.

— Яблок привезли, изюма. Как на праздник...

Шофер прервал приятные воспоминания.

— Как проехать к товарищу Чернецову.

— Заладил...— обиженно проворчал боец.— Что в этой деревне искать? Школу увидишь, в ней и штаб.

Остановившись у школы, шофер попросил женщины подождать. Вернулся он быстро, минут через пять.

— Ваше счастье, комиссар Чернецов здесь. Пойдемте. И не надо ваших бумажек. Со мной пойдемте.

* * *

Батальонный комиссар Чернецов был удивлен приездом двух молодых женщин из Ташкента.

«Совсем девочки и пустились в такую дорогу...»— с уважением подумал Чернецов.

Ему приходилось служить в Средней Азии, и он немного был знаком с обычаями местного населения.

В тридцатых годах Чернецов встречал на улицах городков закутанных в паранджу женщин. Через черную сетку из жесткого конского волоса изредка поблескивали испуганные глаза. Странные фигурки торопливо скользили вдоль глинобитных стен. На партийных активах Чернецов слышал о фактах насильной выдачи замуж, слушал о судебных процессах, в которых защищалась честь и свобода женщин.

Кажется, недавно это было... Совсем недавно...

А сейчас перед ним стоят двое, открыто смотря в

глаза. Правда, заметно смущаются. Ну как же иначе женщины могут вести себя в незнакомой обстановке.

— Садитесь, садитесь...— пригласил Чернецов.

Выглянув в соседнюю комнату, он приказал:

— Вася, организуй нам чайку.

Кто-то моментально затопал, загредел посудой.

— У вас так принято,— улыбнулся батальонный комиссар.— встречу начинать с шалы чая.

— Вы жили у нас?— обрадованно спросила Каракош.

— Да, служил... Собственно, и наша дивизия формировалась там...

У Каракош было подготовлено десятки вопросов. Но она не знала, какой задать в первую очередь.

Неудобно начинать разговор сразу же с главного. Надо, как положено, расспросить о здоровье, поговорить о пустяках.

Но у такого человека, да еще на войне, много дел. Об этом следует помнить.

Чернецов усадил неожиданных гостей. Он тоже помнил обычаи Средней Азии, не стал расспрашивать: кто и зачем приехал.

— У нас недавно была делегация из Узбекистана...— сказал Чернецов.— Навезли подарков. А мы-то понимаем, что от себя оторвали.

— Здесь фронт!— коротко вставила Каракош.

— Фронт...— задумчиво повторил Чернецов.— В тылу тоже дни и ночи беспокойные. Помешали нам фрицы. Хорошо жили. Бывал я на ваших свадьбах.

Он сказал и заметил, как женщины, словно по команде, опустили головы, спрятали повлажневшие глаза.

— Да-а,— протянул Чернецов.— Дела...

Он оглянулся, чувствуя, что сказал не то... Явно не то. Комиссар догадался о причине, которая испортила настроение женщинам.

«Эх, голова!— с горечью подумал комиссар.— Разве сейчас о свадьбах вспоминают».

Спас положение Вася. Это был молодой солдат. Почти совсем мальчишка.

Гимнастерка на нем топорщилась, манжеты рукавов завернуты. Наверное, так и не нашли на худенькую фигурку подходящей одежды.

Вася с трудом волочил больице, тоже не по размеру, сапоги. Он неловко нес две тарелки. На одной лежали куски хлеба, на другой — кишмиш, курага, сушеный урюк.

— Вот...— сказал комиссар.— Мы и вспомним Узбекстан.

Каракoш и Бегимхон с трудом улыбулись.

— Спасибо...— сказала Каракoш.

— Мы не надолго...— неожиданно сообщила Бегимхон.

Потом Вася принес закопченный чайник.

— Кипел?— недоверчиво спросил Чернецов.

— Еще как, товарищ батальонный комиссар!

Покосившись на гостей, ординарец, тяжело топая, вышел из комнаты.

— Только вот кружки у нас...— оправдался Чернецов.

— Ничего...— Каракoш решила сообщить о причине своего приезда. Нельзя же отнимать время у занятых людей.

— Мы были на могиле моего мужа.

— Так...— кивнул Чернецов.

— В Лесном. Нам сказали, что Уткур Садыков служил у вас.

— Может быть,— согласился комиссар.— Надо проверить.

— Можно?— с надеждой спросила Каракoш.

— Сейчас...

Опять пришлось обращаться за помощью к Васе. Комиссар написал на клочке бумажки фамилию погибшего солдата.

— Слетай в штаб, Вася, пусть дадут документы об этом бойце.

Они пили чай. Разговор не вязался. Каракoш прислушивалась к каждому стуку и поглядывала на дверь.

Бегимхон переживала за подругу.

— Пейте чай...— напомнил комиссар.

Женщины неумело держали кружки, дули на горячий, ароматный напиток.

— Берите, берите...— Чернецов показал на кишмиш и урюк.

— Мы... недавно... ели. Вы сами...— сказала Каракoш.

— Недавно?— улыбнулся комиссар.— Сколько вы уже в дороге?

— Больше месяца...— сообщила Бегимхен.

— Вот видите. А вы говорите — недавно.

Вася появился минут через двадцать, с трудом волоча тяжелые сапоги.

— Устал?— спросил комиссар.

Вася не понял иронии и чистосердечно ответил:

— Не-е, товарищ батальонный комиссар.

Совсем мальчишка. На него и обижаться нельзя.

— Долго так...— сказал Чернецов.— Рядом же.

— Писарь отсутствовал. Найти надо.

Комиссар взял бумаги.

— Уткур Садыков?..— задумчиво переспросил он.— Да... Садыков.

Чернецов отложил короткий документ. У Садыкова еще не было солдатского послужного списка. Боец только вступил в жизнь.

— Я помню этих ребят. Хорошо помню.

Как рассказать молодой женщине о гибели ее мужа. В конце концов она все равно узнает правду.

— Маршевая рота, в которой был и боец Садыков...— начал комиссар,— подходила к Лесному. Мы ждали это пополнение... Но...

Сейчас Чернецов пожалел, что бросил курить. Несколькo затяжек. Пауза. И тогда можно подготовиться к дальнейшему разговору.

— Но... Маршевую роту обстреляли... Налетели штурмовики и обстреляли. Погибло очень много. Молодые парни не успели сделать ни одного выстрела.

— Вы же написали, что мой муж героически погиб!.. воскликнула Каракoш.

Комиссар вздохнул.

— Дочка,— ласково сказал он.— Ребята держались героями. Никто из них не бросил винтовку, не убежал. Но что поделаешь. На этот раз враг оказался сильнее. Палат был неожиданным.

Они замолчали. Вошел Вася, постоял на пороге. Понял, что сейчас не до него. Решил осторожно выйти. Но, как это бывает в подобных случаях, задел за какую-то табуретку.

На грохот никто не повернулся.

Батальонный комиссар Чернецов приказал разыскать лейтенанта Рахманова.

— Он должен помнить вашего мужа...— обратился комиссар к Каракош.

Лейтенант явился очень быстро. Докладывал, а сам с нескрываемым любопытством косился на женщину.

— Вот из Ташкента,— представил комиссар.

— Вижу...— широко улыбнулся Рахманов.— Какими судьбами, сестрички?

На его улыбку не ответили. Он понял, что здесь шел невеселый разговор. Выжидающе посмотрел на комиссара.

— Садитесь, лейтенант,— предложил Чернецов.

Рахманов осмотрел комнату: свободной табуретки не было.

— Я постою, товарищ батальонный комиссар...

— Садитесь... А я вас пока оставлю на несколько минут. Дела.

Чернецов одернул гимнастерку.

— Наверное, помните, лейтенант, бойца Садыкова?

— Садыков?— поморщил лоб лейтенант.— Да, из моего взвода.

— Это его жена...— представил комиссар.

— Каракош... Каракош Садыкова...— сказала женщина, с надеждой рассматривая Рахманова.

Что она от него ждала? Все уже ясно. Все сказал комиссар. Но может быть...

Рахманов старался не глядеть на женщину. Он сел за стол, взялся за чайник, подвинул к гостям поближе тарелочки.

— Угощайтесь...— сказал Рахманов по-узбекски.

Он понимал, что от него ждут рассказа, хотя бы слышать правду о гибели молодого бойца Уткура Садыкова.

— Я тоже из Ташкента...— сказал Рахманов.— Как там?

Каракош пожала плечами.

— По-прежнему. Люди работают, ждуг новостей с фронта.

Лейтенант кивнул. Конечно, все по-прежнему. Ему

хотелось оттянуть разговор. Но и он не мог долго рас-
суживаться.

А что вспоминать?..

Было страшно... Было обидно и больно от бессилия,
от невозможности отомстить стервятникам.

Лейтенант учил своих бойцов стрелять, вступать в
рукопашный бой, учил ползать по-пластунски, бросать
гранаты, действовать по команде «Воздух».

Маршевая рота вышла из леса и двигалась по про-
селочной дороге. Клубилась под ногами пыль, плотными
облаками тянулась за взводами.

Рослые, крепкие ребята острили.

— Пехота, не пыли!

Эти ребята были готовы в любую минуту вступить
в бой.

Но боя не произошло. С темного неба рванулись
«мессеры», штурмовики. Они умело заходили на ко-
лонну.

Кто-то пытался стрелять по самолетам. Но машины
с резким воем пронеслись над дорогой, обращая жи-
вое в прах...

Хотя бы одно укрытие!..

Штурмовики заходили волнами. В небе стоял
нарастающий рев. Враг ликовал. Враг праздновал по-
беду.

Налет продолжался несколько минут. Но эти ми-
нуты были вечностью.

Потом наступила тишина... Нет, той, мертвой, тиши-
ны не было... Стонали раненые, кричали, просили о по-
мощи. И эти человеческие голоса странно звучали.
Они будто вырвались наконец из страшного гула.

Лейтенант Рахманов растерянно стоял и смотрел на
бойцов. Он не знал, что делать. Он тоже очень молод
и впервые услышал свист пуль над головой. Лейтенант
Рахманов иначе представлял первый бой.

Надо было действовать... Спасать оставшихся бой-
цов, оказать раненым помощь. Штурмовики могли вер-
нуться в любую минуту.

Да, лейтенант Рахманов хорошо помнит рядового
Садыкова. Во время занятий Уткур мало чем отличал-
ся от других. Обыкновенный парень. Во взводе подо-
брались неплохие ребята. Все с образованием. Они уже
в школе познакомились с азами военного дела,

Уткур Садыков был ранен. Но он помогал лейтенанту хоронить погибших товарищей.

— Кровь!— показал лейтенант на плечо.

— Чепуха...— ответил Садыков.

Боец был спокоен, не морщился от боли. И лейтенант не придавал значения ране Садыкова.

Вместе с уцелевшими они тащили товарищей. Тащили тяжелораненых, потерявших сознание людей.

Дорога была длинной, бесконечной. Вскоре начался лес. Там можно было отдохнуть, перевязать раны.

Лейтенант Рахманов принял командование на себя.

Рядовой Садыков с трудом держался на ногах.

— Что с вами?— спросил командир.

Уткур улыбнулся.

— Со мной ничего, товарищ лейтенант. Дойдем до деревни...

Рядом лежал раненый, которого всю дорогу тащил Садыков.

— С ним дойдем...— добавил боец.

Что мог сделать лейтенант? Только поверить словам бойца. Говорил Садыков уверенно. Даже улыбался.

Он сумел дойти почти до самой деревни. Когда остатки маршевой роты вышли из леса, Садыков упал. Еще бы несколько шагов...

Но силы оставили бойца. Он потерял сознание.

Спасти жизнь рядовому Уткуру Садыкову не удалось.

И не ему одному...

Можно по пальцам пересчитать бойцов, оставшихся от маршевой роты.

...Это все, что мог рассказать лейтенант Рахманов о судьбе бойца.

Чай давно остыл. И глупо было сейчас предлагать женщинам угощаться. Не до чая.

— У Бегимхон тоже погиб муж...— сказала Каракош.

Лейтенант понимающе кивнул. Он еще не привык вслух выражать сочувствие. Но сейчас невольно представил, сколько таких женщин, вдов, в глубоком тылу. Сколько слез...

— Мы хотим остаться на фронте!— продолжала Каракош.

— Остаться у вас...— добавила Бегимхон.

Лейтенант пожал плечами.

— Я вас понимаю. Но... В армии нужно уметь что-то делать.

— Мы завтра вернемся на курсы.

— На курсы?— переспросил лейтенант.

— Нас приняли в Москве. Научимся регулировать движением на дорогах.

— Ясно...

— Потом хотим вернуться к вам. Помогите, пожалуйста.

Не было такой силы и власти у лейтенанта. Он не знал, что ответить женщинам.

— Помогите...— еще раз сказала Каракош.

— Да... Подумать надо...— нерешительно заговорил лейтенант, и вдруг простая мысль пришла в голову.— Мы попросим батальонного комиссара написать письмо на курсы... Пусть по окончании пришлют на наш участок фронта.

— Напишите...— попросила Каракош.— Если можно?

— Думаю, можно... Сейчас батальонный комиссар вернется.

Но в комнату до прихода Чернецова заглянул шофер. Увидев командира, он вытянулся.

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться.

Водитель сбивчиво объяснил, что больше задерживаться не может. Времени у него в обрез. Нужно сегодня вернуться в Москву.

— Сейчас, сейчас!— заторопилась Каракош.— Мы едем...

Она выжидающе посмотрела на лейтенанта.

— Сестрички, мы все сделаем. Я только запишу ваши фамилии и адрес курсов.

Через три минуты они вышли во двор.

— Жаль, что не простились с комиссаром...— сказала Бегимхон.

— Ничего. Я обо всем доложу,— заверил лейтенант.

Он проводил женщин до машины.

— А что с тем?— вдруг спросила Бегимхон.— С тем, кого тащил Уткур Садыков?

Каракош с благодарностью взглянула на подругу. Ей самой хотелось задать этот вопрос, но она постеснялась.

— С ним?— сдвинул брови Рахманов.— Помню этого парня. Рыжеватый. Даже помню фамилию... Савельев. С ним все хорошо. Из полевого госпиталя отправили в тыл. На отдых. Сейчас, наверное, воюет. В свою часть не очень-то легко попасть.— Подумав, лейтенант твердо добавил...— Конечно, воюет.

Двигатель уже напряженно гудел. Машина вздрагивала, словно ей не терпелось двинуться в путь...

ДНИ УЧЕБЫ

Если подсчитать, то на занятия уходило часов двенадцать. И каждая минута на счету. Существует вечерняя проверка, существует команда «отбой». А до нее, этой долгожданной команды, ой, как далеко.

Девушки, молодые женщины, в грубоватой для них солдатской одежде, сейчас подчинялись наравне с мужчинами требованию одних уставов.

По вечерам выдавалось несколько свободных минут. Можно было написать короткое письмо домой, поговорить о событиях дня и снова вернуться к «важной» теме: стоит ли узбечкам отрезать косы.

Этот спор идет несколько вечеров. Советы самые разные. И обязательно в категоричной форме.

— Что они будут с ними делать на фронте? Где помоешь? Где приведешь в порядок?

К Бегимхон и Каракош все относились с подчеркнутым уважением. Все понимали, каких трудов стоило добраться до Москвы молодым женщинам из Ташкента.

— Не смейте и думать об этом... — продолжался разговор о косах.— Такую красоту сберечь надо.

— Сбережешь! Себя попробуй сберечь в огне.

— Не сгорим. Выдержим.

— А волосы отрастут, если голова останется.

В первое время Каракош и Бегимхон стеснялись бойких девчат, их шумных разговоров, откровенных сердечных признаний. Ну, как можно говорить о любимых вслух! Существуют же девичьи тайны...

Но очень скоро Каракош и Бегимхон поняли, что без этих откровенных жить нельзя. Идет война... Сейчас всем тяжело. И хочется иной раз погреться у чужой радости, как у доброго огонька. К тому же в армейской

обстановке люди быстро привыкают друг к другу. Это одна семья. А что скроешь в семье? И захочешь ли скрыть...

За несколько вечеров стали известны короткие, несложные биографии.

Девушки любовались косами Каракош и Бегимхон. И кто-то не выдержал, воскликнул:

— Вернетесь домой, от женихов отбоя не будет.

Другая поправила:

— Они и здесь найдутся.

Каракош подняла голову. И все почувствовали, что этот безобидный разговор был лишним. В глазах Каракош — печаль. Заделли слова за самое больное.

— Наши мужья погибли... — тихо произнесла Каракош.

Словно догадываясь о будущих вопросах, Бегимхон добавила:

— Мы были на могиле ее мужа. Три дня тому назад. Были и в полку Уткура.

Девушки замерли.

— Да-а... — наконец раздался чей-то вздох.

— Господи, что творится!? Вы же совсем и не жили еще...

Большие об этом не говорили. И не было шуток по поводу женихов. Над другими шутили, а их, молодых вдов, не трогали. Только хвалили косы. Если бы можно сберечь это чудо! Непонятно для кого. Просто для красоты.

Здесь вообще не принято было приставать с вопросами. Наболит на душе, человек сам расскажет.

Наслушались Каракош и Бегимхон разных историй. Смотришь, на вид самая обыкновенная девчонка. А любовь у нее редкая, неповторимая.

— Ох, подруженьки, как вспомню тот вечер, все переворачивается в груди. Завтра, говорит, приду к твоим родителям и все скажу. А я дура, умоляю: подожди месяц. «Нет, — говорит, — Зачем ждать... Летом поедem на Волгу. Там мои старик. Будем купаться, ходить в лес».

Голос у рассказчицы тихий, далекий, словно из того невозвратимого вечера доносится.

— Волга у нас красивая... — говорил он. — По вечерам буду на лодке катать. Звездочки в реке купаются. Хоть ладоною черпай...

Он прав... Волга — красивая. И дышится на берегу легко. А песни какие!

Одна из девушек приехала с берегов великой реки. Может, кто-то предлагал и ей зачерпнуть ладонью звезды. Но она пока молчит. Не пришел ее час делиться с новыми подругами своей тайной.

— Вот мы и бродили в этот вечер, — продолжает рассказчица. — Мечтали о Волге. Не знали, что завтра война. Проклятые! Как я их ненавижу...

Знает весь взвод, что уже нет парня в живых. Так он и не успел подарить любимой — огромную реку, тишину, звезды в темной воде.

Нет парня... Погиб в первый же месяц войны.

А что с другими? Не каждая из этих девчат знает о судьбе своих любимых, родных, близких. Некоторым так еще и не довелось услышать теплые сердечные слова.

Сегодня, несмотря на усталость, перед сном эти девчата немного помечтают.

В комнате тесно. Металлические койки стоят одна к другой. Между ними узкий проход. Кто-то острил:

— Специально худеньких подобрали.

На курсах занимается молодежь. Есть три женщины, которым под тридцать. Они чувствуют свое житейское превосходство над девушками, снисходительно поглядывают на них, не скрывают улыбок при наивных вопросах.

Одна из них с сержантским званием, помощник командира взвода. По существу здесь, в казарме, она полная хозяйка. Командир взвода, как он сам считает, человек в возрасте. Признаться, лейтенант побаивается заглядывать в казарму. Все уже знают об этом, посмеиваются, а некоторые нагломерно поблескивают глазками, приводя в полное замешательство командира.

Лейтенант пришел добровольно из запаса. Великолпный шофер, проработавший несколько лет автоинспектором, был сразу же назначен на курсы военных регулировщиков.

На работе он имел дело с грубоватым народом шоферами. Чаще всего с нарушителями. Конечно, в разговорах с ними, он не старался подбирать самые вежливые слова.

— Что же я буду делать с девицами?— ужаснулся лейтенант, узнав о назначении.

— Учить...— коротко сказали ему.

— Я разговаривать с ними не умею...— упирался лейтенант.

— Они солдаты...

Люди ехали на фронт. А он, опытный водитель, вынужден был заниматься воспитанием девушек. Можно понять, почему лейтенант хмуро поглядывал на своих подчиненных. Во-первых, он не верил, что все смогут спокойно, уверенно регулировать движение на фронтовых дорогах. Разное там может случиться. И налет авиации, и артиллерийский обстрел, и прорываются иногда диверсионные группы.

Уже приняв взвод, лейтенант сделал попытку добиться отчисления нескольких женщин. В его «черный список» попали Каракош и Бегимхон.

Они об этом не знали. Как не знали, что на их защиту встал помкомвзвода. Мягко, обоснованно доказывала она лейтенанту, как стараются эти женщины.

Вскоре он сам убедился. Порой неловко себя чувствовал за первое, резкое суждение.

* * *

Бегимхон невольно вспомнила кишлачную школу. Широкий двор. Гордо марширующих мальчишек с учебными винтовками. Теперь она знает, что это оружие безобидно. Щелкай затвором, прицеливайся, привыкай. А ничего страшного не произойдет. Из такой винтовки стрелять нельзя. Учебная. В стволе дыра просверлена — попробуй забудь об этом.

Тогда Бегимхон этого не знала.

Мальчишки учились целиться. Делая резкий выпад правой ногой, штыками кололи мешок с соломой, изображающий фашиста.

Школа в кишлаке была маленькой. Семилетка. Ребята постарше учились в райцентре. Но даже на семиклассников Бегимхон поглядывала с уважением. Как настоящие мужчины. Уже умеют обращаться с оружием.

Сейчас Бегимхон тоже в школьном дворе, выходит на огневой рубеж. Отрабатываются приемы. Лейтенант

любит это слово: отрабатываются. И еще другое: до автоматизма.

Он без конца повторяет их.

— Нужно отработать до автоматизма.

После обычного предупреждения уже звучат команды. «Стоя заряжай! С колена заряжай!»

Автомат вначале кажется легким. Через несколько часов после занятий, он то и дело порывит вырваться из рук.

Бегимхон выросла в кишлаке. Ей приходилось работать и в поле, и дома. Белоручкой ее не назовешь. Но вот обидно, что у Каракош все получается легче. Будто раньше она занималась этими «приемами».

— До автоматизма... До автоматизма...— твердит лейтенант.

Он «разбивает» своих подчиненных на пары. Одна из женщин командует, другая выполняет приемы с учебным оружием.

— Без оружия нельзя и часа прожить на фронте...— продолжает сержант.— Запомните: нельзя! Представьте: перед вами враг... Ну?!— И обращается к Каракош.— Продолжайте!

— Слушай мою команду! — чужим голосом произносит Каракош.— Заряжай!

Щелкает затвор. Минута... Но вот уже ствол вздрагивает.

— Не напрягайся. У тебя пальцы побелели.

Молодец, Каракош. Сама заметила ошибку.

— Свободней, свободней...— продолжает Каракош.— Уже лучше. Чувствуешь?

Наконец ствол автомата застыл.

— Молодец, Бегимхон.

Первая похвала. Бегимхон устало улыбается.

Сержант хотела посоветовать: отдохните. Но занятия идут. Не до отдыха.

Становление солдата... Оно начинается с этого двора, с широкого плаца. С азов, совершенно лишенных романтики. Отсюда к своему ратному труду, а может быть к подвигу, начинает свой путь солдат.

Понял это и лейтенант. Сейчас бы он не решился даже подумать о каком-то «черном» списке.

Эти девушки хотят воевать. Хотят освободить Родину от гитлеровцев.

А времени, чтобы из обыкновенных девчат сделать бойцов, строгих хозяек фронтовых дорог, дано очень мало.

Замечает лейтенант и бледные лица. Но подожди, спроси о самочувствии. Ведь не скажут правды. Не отпущено лишних часов для болезней, для плохого настроения. Обязательно скроют.

— Все нормально, товарищ лейтенант.

Да... Нормально. Распорядок дня не нарушается. Сейчас будет небольшой перерыв. Потом девушки вместо автоматов возьмут флажки. Как задержать потом машины? Как их пропустить? Кого первым?

За несколько дней многого не усвоишь. Ни точности, ни изящества в движениях пока нет. «Как деревянные», — ворчит лейтенант. Девушки не обижаются. Учатся. Взмахивают и взмахивают флажками.

Не назовешь лейтенанта добреньким человеком. Сколько он слышал умоляющих слов, клятвенных завершений. Но никогда не дрогнула рука. Сейчас впервые шевельнулось незнакомое чувство. Устали девчата. А до перерыва десять минут. Нельзя сказать, что лейтенант боялся начальника курсов или кого-либо из вышестоящих командиров... Не в этом дело. Устали девчата...

Он знал: никто из подчиненных не нуждается в жалости, в снисхождении.

Перерыв... Или, как здесь в шутку объявляют традиционное, — перекур, время оживленных разговоров. Никто не хочет показать себя усталым. Реплики веселые, как и положено в солдатский перекур.

— Дело к обеду движется.

— Еще одно усилие, а там — обед.

В помещении бывшей школы есть самая большая комната. Столовая. Там сдвинуты столы. Чисто. Дежурные шеголяют друг перед другом: кто лучше и вовремя обслужит подразделения.

Каракош и Бегимхон еще не приходилось дежурить на кухне. Но они знают, что это дело не такое сложное.

Бегимхон только за обедом по-настоящему почувствовала усталость. Она бы даже отказалась от обеда. Прилечь, закрыть глаза, хотя бы подремать.

Нельзя.

Солдатский день в разгаре. Впереди еще занятия. Самоподготовка. И до отбоя далеко-далеко.

Стрельбище находилось на полигоне одной воинской части. О поездке туда начали говорить недели за две. Разные слухи ходили.

— К боевым стрельбам не всех допустят...

— Надо научиться автомат держать, а потом уж стрелять.

Эти реплики словно были адресованы Бегимхон. Она тревожно поглядывала на подругу.

— Неужели меня...

— Почему именно тебя?— спрашивала Каракош.

— По-моему, я хуже всех занималась...

Переживания Бегимхон не остались незамеченными. Некоторым дай только поострить. А повод самый подходящий. И начались вокруг Бегимхон притворные вздохи, причитания.

— Оставят на «второй год».

— Снова придется заниматься.

— Все поедут на фронт, а ты...

Бегимхон не видела, как поблескивают глазки, как перемигиваются девушки.

— Просто отчислят и — домой...

— Явилась «героиня.» Здравствуйте, родные и близкие...

После таких слов, которые якобы случайно раздавались рядом, Бегимхон откровенно жаловалась Каракош.

Пришлось Каракош обратиться к помкомвзвода.

Сержант улыбнулась.

— Какие же вы еще зеленые... Разве так в армии бывает: одни будут стрелять, другие нет.

— Говорят...— неопределенно сослалась Каракош.

— Веселятся девушки. Увидели слабику, вот и взяли за нее.

— Если веселятся, то пусть...— сказала Каракош.

— Конечно. Какая жизнь без шутки? Лишь бы не обиделась Бегимхон.

— Она не обидится!— заверила Каракош.— Она боится.

— А это зря.

Сержант знает, что происходит в подобных случаях.

В каком настроении боец выйдет на огневой рубеж? Хороших результатов не жди.

Переборщили девочки со своими шуточками. Но шутки не запретишь. Надо поговорить с Бегимхон.

После беседы с сержантом Бегимхон почувствовала себя смелее. И на очередную реплику об отчислении вполне серьезно ответила:

— Не отчислят... А переведут...

— Куда?— неосторожно спросила одна из девушек.

— В парашютно-десантные... Говорят, туда мы подходим.

Девушка удивленно посмотрела на Бегимхон, потом хлопнула ладонью по ее плечу и засмеялась.

— Ну, ты даешь! Молодец! Ловко загнала в тупик. А я-то думала — тихоня. Распространяюсь пятый день...

— Много времени потратила...— согласилась Бегимхон.

Девушка продолжала смеяться.

— А я кино видела. Женщины у вас в парандже ходят. Лиц не увидишь.

— Старое кино!— сказала Бегимхон.

— Конечно, старое...— согласилась девушка.— На тебя, попробуй, одень. Так ты и сунула головку в этот мешок...

Шутки приутихли. Какой смысл острить, «закидывать удочку», когда на нее никто не «ловится».

День боевых стрельб выдался пасмурным, сыпал мокрый мелкий снег.

— При такой погодке даже снайпер промахнется...

— У снайпера оптика. А вот мы...

Опять пошли разговоры. Но разве можно без них.

— Ничего...— успокаивала помкомвзвода.— Плохая погода даже к лучшему. Проверите себя по-настоящему.

Она заметно волновалась. Не скрывал волнения и лейтенант.

Сегодняшние стрельбы покажут, что сумели сделать командиры, как подготовлено новое пополнение для фронта.

Взвод вышел на улицу. Девушки коснулись по сторонам. Как много на тротуарах людей в военной форме!

Обгоняют открытые грузовые машины. В них тоже — солдаты. Весь город, забыв о мирной жизни, сейчас находится в строю. Вокруг — сосредоточенные, тревожные лица защитников города, всей страны.

Разве можно сегодня плохо стрелять! Ссылаться на мокрую туманную погоду...

Идут девушки... Приумолкли. Чувствуют на себе взгляды женщин и детей, взгляды бойцов.

Их, этих девчат, считают защитниками Родины.

У магазинов грустные очереди. Наверняка, эти женщины даже в уме подсчитывают, как они будут делить продукты до конца недели.

Торопятся школьники. Нет. Они не бегут, размахивая портфельчиками. Кое-кого из ребят война уже успела задеть страшным известием о гибели отца или старшего брата.

Мечтали будущие регулировщицы о дне, когда они выйдут на московские улицы. Но встретили мало радостного и веселого.

До полигона воинской части, куда направлялся взвод, ходу часа полтора. Много за это время вспомнишь и передумаешь.

На стрельбище гулял холодный ветер. Казалось, он с трудом вырвался из московских улиц, сюда на окраину.

Мокрый снег продолжал сыпать. Ветер швырял его в лицо, слепил глаза.

— Вот повезло же! — не выдержала даже помкомвзвода.

На стрельбище, вероятно, был трудный день, время расписано до минуты.

Какой-то строгий командир, не обращая внимания на девчат, отчитывал лейтенанта:

— Вы и так опоздали... Перерыв сократите. Готовьте первое отделение.

Итак, через несколько минут бойцы первого отделения выйдут на огневой рубеж. Остальные будут готовиться и продолжать отрабатывать приемы: «лежа», «с колена», «стоя». И на стрельбище не положено отдыхать.

Бегимхон не помнит, как она вышла на огневой рубеж. Но была только одна мысль: поразить темно-зеленую мишень.

Сержант твердила: это не фанера, это фашист. Помни...

Мишень никак не могла остановиться под прицелом, дергалась, отползала в сторону или вверх.

— Спокойнее...— прошептал лейтенант.— Не спеши. И не дергай спусковой крючок. Нажимай плавно.

Бегимхон не раз слышала на учебных занятиях подобные наставления. Ей знакомы эти слова. Но как они сейчас оказались необходимы. И голос у лейтенанта спокойный, добрый.

Раздался выстрел. Все вмиг отброшено... И мокрый снег, и пронизывающий ветер.

— Молодчина!— искренне обрадовался лейтенант.

Все-таки он за нее побавлялся. Но не подвела!

Не подвел и весь взвод. А результаты стрельбы Каракосх и еще одной девушки, москвички, оказались просто-таки отличными.

— Удивительно...— сказал командир.— У них талант... На вашем месте я их бы направил в снайперскую школу.

Лейтенант только кивнул. Что он может сделать, куда направить?.. Через три дня выпуск. Его подчиненные разъедутся по фронтам. Многих из них он никогда больше не увидит.

ФРОНТОВАЯ ЗЕМЛЯНКА

Попутная машина везла Каракосх и Бегимхон через редкий, унылый лес.

— На передовую?— осмелев спросила Каракосх незнакомому бойца.

Тот никак не мог устроиться в кузове: человеку очень хотелось спать. Боец подкладывал под голову ватный мешок, пытался лечь. Но машину отчаянно подбрасывало на разбитой дороге.

Боец неопределенно хмыкнул. Это можно было понимать по-всякому: а где она, сейчас, не передовая? Или—куда же еще?...

Сделав последнюю попытку уснуть, боец провел пятерней по лицу и уселся. Потом так посмотрел на спутниц, словно увидел их впервые.

— И вы туда же?.. Сидели бы дома, красавицы.
— Вы же не сидите...— резковато ответила Каракош.
— Я-то что? Мне всю жизнь не сидится. Я успеваю и там побывать...— солдат махнул в сторону леса.— Уже продырявил меня немец. Наши девушки, вот такие же молодцы, залатали. И снова мчусь, догоняю своих.

— Из госпиталя?— вежливо спросила Бегимхон.
— Угадали, сестрички. Вы и сами-то медицина, поди?

— Регулировщицы мы,— ответила Бегимхон.
— Наши мужья погибли на фронте...— сухо сказала Каракош.

В последнее время ей часто приходилось повторять эту фразу. Короткое сообщение о личном горе ставило на место и шутника, и грубияна.

— Вон оно что...— протянул боец.— Ну, извините, милые. Извините...

Он был тоже молод. Но как человек, побывавший в опасной переделке, хотел казаться старше своих лет. И грубоватый тон, и медлительные движения, видно, боец у кого-то перенял. Под рыжевато-белесыми бровями были добрые, мальчишечьи глаза.

— Я к тому,— неумело оправдываясь, продолжал он,— что война — не женское дело. Так вот думал. А вышло совсем по-другому. Попал в госпиталь. Кто выхаживал меня? Девчата. Вот и низкий поклон им.

Машину продолжало отчаянно подбрасывать.

— Проклятая дорога...— поморщился боец.— Всю душу вымотала.

— Рана беспокоит? Вам больно?— участливо спросила Каракош.

— Ничего. Страшное позади.

Боец верил в будущее, верил, как и его спутницы: страшное — позади. Все должно быть хорошо.

На повороте, к стволу большого дерева был прибит указательный знак.

— Долго ли нам ехать?— спросила Каракош у солдата.

— Черт его знает...— грубовато ответил попутчик.— По этой дороге меня уже возили. Правда, без памяти был.

Он вспоминал о своем ранении спокойно, как о чем-

то незначительном в его жизни. И не было бахвальства в этом тоне, в простых словах. Боец сам с интересом рассматривал лесную дорогу, полоску неба над головой.

— Благодать!..— вздохнул он. — Вот когда стоит такая тишина, на душе благодать. Жил бы и жил... Очень хочется жить в такую минуту.

Подумав, он невольно хмыкнул и добавил:

— А когда не хочется жить? В страшную минуту еще больше хватаешься за жизнь.

Взглянув на потемневшие лица молодых женщин, боец понял, что завел совсем не тот разговор. Конечно, они сейчас вспомнили своих погибших мужей. Он вот трясется в полуторке, разглагольствует о жизни и тишине, а каково женщинам?..

— В нашей части,— без всякой связи заговорил боец,— вам будет хорошо.

Почему именно в их части молодых регулировщиц ждет такая завидная судьба, боец не стал объяснять.

Каракош улыбнулась и кивнула: конечно, будет хорошо.

Совсем недавно, если подсчитать дни, как она с Бегимхон пришла в армию. А уже много встреч... Самых разных, с самыми разными людьми... Женщины медленно входили в совершенно новый мир. Радостно было сознавать, что этот мир заселен добрым, чутким народом.

Каракош и Бегимхон не знают даже имен тех, с кем довелось случайно повстречаться, поговорить... Но остается в душе след... Надолго!

— Кажется, приехали...— сообщил боец..

Он первым заметил часовых.

— Готовьте документы. Проверка! Ничего не поделаешь. Прифронтая полоса...

* * *

Женщины уже понимали: прифронтая полоса — это сравнительная тишина. Это еще не передний край.

В штабе познакомились с документами Каракош и Бегимхон.

— Подруги?— спросил капитан.

— Да...— ответила Каракош.

Она поняла, что допустила оплошность. Нужно добавить звание командира.

— Да,— повторила Каракoш,— товарищ капитан.

Он улыбнулся.

— Из Москвы, значит?

— Так точно!

— Ну вот...— разочарованно произнес капитан.— Теперь с вами не поговоришь по душам. Ладно. Идите в подразделение. Это легко пойти.

Он начал объяснять, но, случайно взглянув в окно, увидел девушку. Из-под шапки выглядывала лыхая белокурая челка.

— Сержант Бобровникова...— капитан поднялся и востучал по стеклу.

Через минуту девушка уже явилась.

— Вот что, сержант,— обратился капитан,— забирай свое пополнение. Покажи землянку...

— О! Как раз в моем отделении не хватает людей.

— Тебе везет, сержант...— сказал капитан.

Нельзя было понять, какой смысл он вкладывал в эти слова.

Каракoш понимала, что у нее и у Бегимхон не очень бравый вид. Обмундирование новенькое. Все торщится. Сплошные складки, как их не расправляй.

Во время учебы обращали внимание на строевую выправку, на внешний вид бойца. Но однажды старшина откровенно погрозился:

— Погонять бы вас с полгодика, вы бы у меня...

Он не досказал. Но ясно было, что войны получились бы отменные. Говоря словами старшины — загляденье.

Женщинам по окончании курсов выдали новое обмундирование поздно вечером в последний день перед отправкой. Не было возможности даже «пригнать», подшить гимнастерки и шинели.

Каракoш невольно провела по складкам рукой.

— Ничего...— успокаивающе кивнула Бобровникова.— Сейчас займетесь...

Она все хорошо понимала, этот сержант.

— Разрешите идти, товарищ капитан.

Бобровникова лихо щелкнула каблуками. Заправский солдат! Получив разрешение, она так же лихо повернулась кругом.

Каракoш и Бегимхон последовали ее примеру. По-ворот получился неуклюжим. Старшина заставлял бы несколько раз повторить строевой прием. Но капитан сделал вид, что ничего не заметил.

«Или пожалел,— горько подумала Каракoш,— или не до этого ему сейчас».

Трудна солдатская наука... Не сразу все освоишь... Да и не все сразу дается. А они еще требовали: скорее — на фронт! Вот он, фронт, рядом! Но Каракoш и Бегимхон даже теперь по-настоящему еще не подготовлены к выполнению серьезного задания. Какое задание может поручить командир, взглянув на такую заправку? Гимнастерки и те словно с чужого плеча. А сержант Бобровникова даже щеголяет формой. Шагает весело и твердо.

— В нашей части своих земляков повстречаете. Только...

У нее были зеленоватые, добрые глаза.

— Только мой совет...

Говорила она совсем не по-командирски. Глаза озорно светились.

— Первое впечатление многое значит. Особенно для мужчины. Поэтому нырнем в землянку, и вы, не выходя из нее, приведете себя в порядок. Иголку, надеюсь, держать уместе?

— Конечно! — обиженно произнесла Каракoш.

— Мы на швейной фабрике работали. — кивнула на подругу Бегимхон.

— Ну, ну... Без обид... — предупредила сержант. — У нас тут всякие встречаются. Пальчики исколят и переживают.

Каракoш стало неловко. Чего, спрашивается, обижаться? Откуда знать сержанту, кто они, кем работали?

— Вот и наш дом, — объявила Бобровникова.

Перед ними была приземистая землянка. В нее, действительно, нужно не входить, а нырять.

— Заходите! — пригласила Бобровникова.

Вероятно, старшему по званию положено идти вперед. Каракoш и Бегимхон об этом забыли. В дом всегда пропускают первыми гостей. Хотя, какие они гости. Им предстоит здесь жить.

В землянке было уютно, тепло. Кто-то из девушек

полголоса пел украинскую песню. Три девушки склонились над картами и были настолько поглощены гаданием, что не заметили вошедших.

— Конечно, дорога. Дальняя дорога...

— Я и без карт об этом знаю. Завтра с рассвета на дежурство. На дорогу... Шумная у нас служба, со шлагбаумом...

Девушки рассмеялись.

— Товарищи!— сказала Бобровникова.— К нам прибыло пополнение.

В землянке притихли, насторожились.

— Добро пожаловать!— раздался, наконец, озорной, насмешливый голос.— Давно ждем...

— Спасибо!— серьезно ответила Каракос.

Шутница невольно смутилась.

— Проходите, проходите...— торопливо пригласила она и представилась:— А меня зовут Машей.

— Ей не понравилось, что ждет дорога. Вот если бы ждал милый. Другое дело.

Опять раздался смех. Девушки старались шутками затушевать не совсем уместные нотки иронии в первые минуты встречи.

— Проходите. Устраивайтесь. Топчан у нас широкий. Места много.

Вдоль стены тянулись нары. Пахло свежим деревом. Землянку соорудили не очень давно.

— Откуда вы, девочки?

Сержант Бобровникова хотела оборвать свою подчиненную. Опять эти «девочки»! И когда они только привыкнут к уставным обращениям! Сидит эта «гражданка» глубоко в душе. Карты разложили. Гадают о своих суженых.

Но сержант только сдвинула брови. Вслух ничего не сказала. Не стоит портить настроение вновь прибывшим.

— Новые бойцы, рядовые Каракос Садыкова и Бегимхон Икрамова прибыли из Ташкента.

Официальный тон не подействовал. Девушки только переглянулись... И опять, как ни в чем не бывало...

— Из Ташкента! Как интересно...

— Сколько же вы ехали...

Сержант Бобровникова не выдержала, улыбнулась.

— Хотя бы чаем угостили. Шум подвляли.

— Сейчас, сейчас. Будет и чай.

Загремел огромный алюминиевый чайник.

— Да вы раздевайтесь!

Подруги сняли шинели. Хотели подпоясаться.

— Не надо...— остановила Бобровникова.— Вам положено отдохнуть.

К жесткому новому обмундированию Каракос и Бегимхон не могут привыкнуть. Вот так, без пояса, расстегнув ворот гимнастерки, уже немного легче.

Девушки накрывали стол. Ставили алюминиевые кружки, шумно восторгались галетами, вареньем, шоколадом.

— Настоящий пир...

Через несколько минут все пили чай. Каракос и Бегимхон почувствовали себя как дома.

Давно им не было так хорошо.

* * *

Вечером в землянке вспыхнула тусклая лампа.

Каракос и Бегимхон немного отдохнули. И поднялись вовремя. Неудобно в первый день разлеживаться на этом уютном «топчане». Все-таки надо представить ся командиру взвода.

Старший лейтенант Михайлова пришла минут через пятнадцать после того, как новые бойцы привели себя в порядок.

Каракос, а за ней Бегимхон, доложили о своем при бытии «для дальнейшего прохождения службы».

Десятки раз отработывался на курсах и этот доклад.

— Первое впечатление о бойце,— поучал старшина,— великое дело. Не произведешь впечатления — пенный потом на себя... С ходу угодишь в разгильдяи.

Каракос и Бегимхон не знали смысла этого слова: разгильдяй. Но почувствовали, что быть таким бойцом нельзя. Плохо.

Первое впечатление у старшего лейтенанта сложилось хорошее.

— Что ж, с прибытием,— улыбнулась она.— Как устроились?

— Устроились... Замечательно...— ответила Каракос.

— Замечательно?— переспросила Михайлова и кивнула на тесноватые нары.

— Этот «топчан» похож на наше суре. Деревянная большая кровать. Летом на ней, под виноградником — замечательно...

— Ну, с таким настроением мы не пропадем...— продолжала улыбаться Михайлова.— Что ж, присядем, товарищи бойцы. Поговорим.

Она заметно устала. Весь день была на ногах.

— Товарищ старший лейтенант, может, они голодные?— раздался за спиной чей-то голос.

— Спасибо. Скоро ужин.

Михайлова присела за стол и пригласила Каракос и Бегимхон.

— Садитесь!

У старшего лейтенанта доброе лицо. У глаз даже в сумраке можно увидеть тонкие морщинки.

— Наша служба только на первый взгляд простая...— заговорила Михайлова.— Стой и размахивай флажками. Так всегда кажется. Пропускай воинские части, да старайся не обращать внимания на комплименты.

За спиной хихикнули.

— К вам это тоже относится...— с трудом пряча улыбку, сказала Михайлова.— Я видела, кое-кто ушами хлопает. За чистую монету каждое слово принимает.

Хихиканье прекратилось.

— Это я так...— продолжала Михайлова.— Между прочим... Главное хочу сказать о службе.

Может, преувеличивает старший лейтенант значение регулировщицы. Ведь это все же легче, чем, например, бить врага из пулемета, из снайперской винтовки. Намного легче. А по словам Михайловой получается, что влохая регулировщица может задержать движение войск, создать затор на дороге, а значит — вот вам и мишень для немецких самолетов. Одной бомбы достаточно. Неужели? Но старший лейтенант приводила примеры. Говорила убедительно, серьезно.

— Вы многое уже знаете. На курсах были. Слушали. Сами выбрали эту военную специальность...

Каракосх невольно наклонила голову! Знала бы Михайлова, как они ехали на фронт. Как им казалось все просто и легко. Достаточно заявиться, им дадут в руки винтовку и скажут: идите, бейте фашистов.

— Вы чему улыбаетесь?— спросила Михайлова.

— Так, товарищ старший лейтенант. Вспомнила нашу дорогу на фронт.

— Понимаю...

Наверное, не они одни, Каракош и Бегимхон, попали в это подразделение не по собственному желанию, а по стечению обстоятельств. Конечно, все рвались на передовую, даже не зная о существовании такой специальности, как военный регулировщик.

Но их, этих всех парней и девочек, останавливали, спрашивали, а потом коротко приказывали куда идти. Добавляя:

— Так надо...

Надо! Разве кто-нибудь спорил, доказывал свою правоту. Разве эту правоту докажешь.

— Наши девушки понравились?— спросила Михайлова.

— Очень!— не задумываясь ответила Каракош.

Михайлова кивнула. На фронте можно за считанные минуты определить с кем имешь дело.

— Товарищ старший лейтенант...— обратилась Бегимхон к командиру.— В этой части должна служить моя подруга.

— У нас есть бойцы из Узбекистана. И много...

Бегимхон привстала.

— Адолят Сахибова. Ее ищем.

— Сахибова?— переспросила старший лейтенант.— Нашумевшая история.

— Герой!— выдохнула Бегимхон.

— Настоящий. В одной истории особенно отличилась...

Михайлова покачала головой, и Бегимхон поняла, что эта история не очень-то «героическая». Скорее всего Адолят в чем-то провинилась.

Старший лейтенант не стала говорить загадками.

— Девчата у нас веселые... Иногда слишком веселые. Любят пошутить. Вот с таким серьезным видом объявляют Сахибовой, мол, отыскался твой жених. В соседней части. Следует сказать, шуточка злая. И Адолят без разрешения бросилась через лес. Схватились вечером, а ее нет. Потом был скандал.

— Сумасшедшая!..— прошептала Каракош.

— Мы, бабы, народ сумасшедший...— вздохнула

Михайлова.— Готовы мчаться на край света за любимым человеком.

Каракош и Бегимхон опустили головы.

— Сами-то,— спросила Михайлова,— сюда кинулись не за сужеными?

— Их нет уже в живых...

Михайлова положила руку на плечо Каракош.

— Простите. А свою знакомую, подругу, вы увидите завтра. Ничего с ней страшного не случилось. Она отличный снайпер. За самовольную отлучку отругали. Положили дисциплинарное взыскание. И все. Начнутся бои, снайпер Сахибова себя еще покажет.

Не положено командиру, старшему лейтенанту, так рассуждать. Нужно осудить поступок снайпера. Пусть на ее примере учатся новые бойцы. Но они так ожидали хороших слов о своей землячке, что Михайлова не выдержала, похвалила Сахибову и почти оправдала ее проступок.

Через час в землянке стало шумно. Время ужина. Устранялись, как в большой, дружной семье за стол. В этой веселой суматохе не забыли первыми усадить Каракош и Бегимхон.

Кто-то предупредил:

— Сегодня — вы наши гости. А завтра сами будете думать о себе.

— Хорошо! — согласилась Каракош.

— Ой! Не будьте такими скромными.

— Ты, Маша, бойкий человек. Каким только боксом это тебе выйдет? Чем только все кончится?

Пошла безобидная перепалка.

Маша, которую назвали бойким человеком, видно постоянно следила за собой. Аккуратная прическа, словно на танцы собралась. Тонкая девушка с большими темными глазами.

— Чем может кончиться?.. — капризно повела плечиками Маша. — Перестану парням морочить голову, когда...

Она подняла указательный палец и закончила:

— ...кто-нибудь заморочит голову мне... Но предупреждаю. Это будет не скоро.

Наверное, у Маши было много поклонников.

— Найдется, найдется такой... — сказала Бобровникова.

— Найдется...— серьезно согласилась Маша.— Ох и полюблю его тогда, девочки!

Каракош и Бегимхон переглянулись. Вот они уже на фронте. И снова разговоры о любви. Снова смех. Странно... В представлении Каракош и Бегимхон здесь должна быть суровая обстановка. Люди сжимают оружие. Люди сдвигают брови.

— Вы-то, что приуныли...

Сержант Бобровникова заметила растерянные лица новых бойцов.

— Ешьте! Ешьте! Не слушайте этих сорок.

Каша пахла дымком. Была слегка пересолена. Но все равно вкусно. И сколько хочешь. На курсах все-таки существовала строгая норма.

— Девочки, кто хочет добавки? Маша... Как ты?

— Фигурку сохраняет.

— Сохраняю...— сказала Маша.— Мы должны быть красивыми. Иначе нельзя.

— Что ты молчишь, Лида? Письмо получила?

Лида устала. Она только вернулась с дежурства. Ей не хочется ввязываться в разговор.

— Издалека... Аж из соседнего батальона.

— Записку...— коротко поправила Лида.— Самую обыкновенную...

— Что же в ней, в обыкновенной?— не унимались девушки.

— Приготовил вино, консервы. Так что я вас приглашаю в свой угол. На праздник...

— Какой праздник?

Лида была спокойна. Приготовилась чем-то удивить подруг.

— Вы забыли о своем празднике? Восьмое марта! Ну и поклонники же у вас. Не могут напомнить.

Она старательно поскребла котелок и похвалила.

— Хорошая каша. Спасибо, девочки. Я с дежурства... Имею право на отдых до «отбоя».

Лида спокойно двинулась в «свой угол».

— Артистка!— не выдержав, прошептала Маша!

— Молодец! Всех поставила на место...— похвалила Бобровникова.— А то расхвастались своими парнями.

Даже Каракош локтем подтолкнула подругу: как тебе нравится? Бегимхон в ответ улыбнулась.

Девушки, вероятно, привыкли к постоянным шуткам

и «крозыгрышам». Чувствовалось, что живут они очень дружно.

Бегимхон невольно вспомнила о своей бригаде. Вот так же, вечерами на полевом стане галдели, шумели девушки. Краснея, называли имена парней. Но обязательно шепотом. Никто не смотрел на часы. А ведь на рассвете нужно вставать, снова работать. Или пели. Любовались яркими звездами и пели.

Спешный скромный платочек,
Падал опущенный с плеч...

Бегимхон вздрогнула. Надо такому случиться. Только она стала вспоминать о прошлом, о песне в тихий вечер, как Маша запела.

У нее и голос хороший. Тихий, задушевный. Она, будто не поет, а делится чем-то сокровенным со своими подругами.

В бригаде Бегимхон были другие песни. Но такие же душевные. Глаза влажнели.

В бригаде на полевом стане и то свои традиции, свои законы. Здесь — армия. Здесь существует особенный строгий порядок.

— Приготовиться к вечерней проверке! — командует сержант Бобровникова.

Она с удовольствием посидела бы, послушала песню. Но в землянке она старшая по званию. Скоро придет и командир взвода... А через несколько минут землянка уже спит. Еще теплится фитиль лампы. У стола, накинув шинель на плечи, бодрствует дневальный.

Спит землянка. Во сне вздыхают девушки. Растревожили себя разговорам. Что им теперь снится, девчатам?

Каракош и Бегимхон ворочаются. Началась новая жизнь. Завтра — служба...

Сразу не заснешь...

ГЛУБОКИЙ ТЫЛ

Нормат Джаббаров был ранен зимой. Он помнит рыхлый снег... Помнит бурые пятна на снегу. Земля изредка вздрагивала от взрывов. Искореженная, разбитая земля. А он прижимался к ней, искал спасения.

Больше месяца капитан пролежал в госпитале. Потом — выписали, дали две недели отпуска.

— Доберетесь ли самостоятельно до своего Узбекистана? — спросил врач.

— Теперь доберусь... — бодро ответил Джаббаров.

И они расстались, даже не представляя, насколько трудным окажется путь. Нужно было добраться до Москвы. На Казанском вокзале выяснилось, что пассажирский поезд в Ташкент недавно ушел.

Сунулся капитан к коменданту. Где там! Комендант только разводил руками: все равно всех не отправить...

Капитану Джаббарову посчастливилось. С ним рядом оказался смуглый лейтенант. Парень, видно, ловкий.

— Здесь не дождемся ничего... Что он состав нам подаст с мягкими вагонами?

Действительно, глупо кричать и размахивать документами, если поезд ушел и следующий будет не очень скоро.

— Есть Москва-Сортировочная... — доверительно шепнул лейтенант. — Надо проявлять инициативу.

Лейтенант оказался прав. Именно на этой станции Нормату Джаббарову удалось устроиться на санитарный поезд, следующий в Ташкент. Поезд был переполнен. Но начальник эшелона, повертев документы капитана, сжалился:

— Да, молодой человек. Промотаетесь весь отпуск в дороге. Ладно, что-нибудь придумаем.

И придумал. И устроил в самый последний вагон. На последнюю полку.

— Швыряет этот вагон... Без удобств. Терпи.

О каких еще удобствах можно думать! Добраться бы до родного кишлака... Взглянуть на мать, на старшего брата. И — снова на фронт.

В дороге было время подумать, вспомнить о последних боях. На долю капитана Джаббарова за короткий срок выпало предостаточно испытаний. Месла грязь он и на фронтовой дороге. Самой трудной, страшной дороге... Приходилось отступать. Почти до самой Москвы.

Терял капитан Джаббаров друзей. Научился прятаться с ними молча, сжав зубы.

Все было... Пожалуй, слишком много выдала судьба

горьких часов и дней. На одного человека слишком много.

Возможно, теперь он спокойно проведет два-три дня в относительной тишине. Он будет теперь спать.

В санитарном поезде надолго не заснешь. Это тот же госпиталь. Стоны, крики, просьбы... На первой же станции вынесли двух мертвых. Война продолжала убивать и здесь, давала о себе знать повсюду.

До Ташкента Джаббаров доехал. Дальше дорога оказалась легче. Ему дали место в пассажирском поезде. В Андижан он ехал, окруженный вниманием спутников.

Старые женщины ахали, пытались чем-нибудь угостить фронтовика. Молодые — поглядывали с нескрываемым уважением.

В Андижане Джаббарова устроили в машину, которая шла до родного кишлака. Капитан понял, что машине придется из-за него заворачивать в сторону.

— Останови здесь! — попросил он шофера.

— Довезу, товарищ капитан.

— Не надо. Пройдусь...

Голос прозвучал искренне.

Шофер, совсем молодой паренек, понял: да, командиру хочется побыть одному.

— Счастливо, товарищ капитан!

Полуторка, подпрыгивая, дребезжа, двинулась в свой колхоз.

Джаббаров шел, вдыхая прохладный, пахнущий землей воздух. Недавно выпал снег и быстро растаял. Земля набухла от влаги. Поля лежали голые, унылые. Но Джаббаров был в восторге от этой картины. Он уже в февральский день чувствовал весну. Где-то близко, совсем рядом, весна, дом...

Джаббаров останавливался и глубоко вздыхал этот сыроватый воздух.

Вокруг никого не было. Время полевых работ не наступило. Сейчас люди возьмется с техникой, ремонтируют повозки, инвентарь...

Джаббаров считал себя кадровым военным. Но сейчас захотелось повозиться в мастерской, ощутить ладонями холодный мирный металл, послушать стук молотков. А лучше посидеть в кузнице... Бешеный огонь, веселые шутки, звон металла.

Как это далеко теперь и близко... В двух километрах.

Он шел, задерживаясь, рассматривая деревья, придорожный кустарник, далекие домики.

У входа в кишлак на шесте трепетал флаг. Материя под солнцем и дождями немного выцвела. Джаббаров знал об этом флаге, хотя его повесили позже, уже во время войны.

На улочке показался мальчишка. Вначале он застыл, словно вкопанный, потом бросился бежать навстречу.

Странно выглядывала льняная челка из-под шапки.

Мальчишка тяжело дышал, рассматривая командира.

— А я вас знаю...— наконец сказал он.— Вы — мой брат. А я — Славик...

— Ах, Славик! Ну я тебя тоже знаю.

Джаббаров опустился на корточки.

— Я же твои письма получал.

— У нас ваша фотография.

— Все ясно, Славик. Почему так пусто в кишлаке?

— Все на работе. Они не знают, что вы сейчас приехали. Вас бы встретили у флага. Там и провожают на фронт.

— Вон оно что!

— Я каждый день выбегаю. Вдруг вы придете.

— Спасибо, Славик. Но я не знал, когда доеду. Поэтому не давал телеграммы.

Мальчишка провел пальцами по петлицам.

— Я после письма. Как получили, так выбегаю...

— Целый месяц!— удивился капитан.

— Не знаю...— простодушно ответил Славик.— Уже давно.

Он хлопал белесыми ресницами и продолжал рассматривать командира. Потом потянул его за рукав:

— Пойдемте, пойдемте!

— Как же ты, Славик, с бабушкой разговариваешь?— спросил Джаббаров.— Она по-русски плохо понимает.

— Разговариваем...— пожал плечиками мальчишка.— Я и узбекский уже знаю. Правда, немного...

Ему очень хотелось спросить о главном. Славик понимал, что дома не дадут поговорить. Увидят фронто-

вика и сбежится весь кишлак. Вон уже мальчишки выглядывают, несмело делают первые шаги за калитку.

Славик остановился и, оглянувшись по сторонам, тихо спросил:

— Вы мой настоящий брат?

— Настоящий, Славик. Самый настоящий...— искренне заверил Джаббаров.

Мальчик, довольный, кивнул.

— Пойдемте...

А кишлак уже зашумел, заскрипели калитки, раздались голоса.

— Нормат прехал!

— Нормат!

— Вернулся Джаббаров! С фронта...

Славик тяжело вздохнул и серьезно, по-взрослому, сказал:

— Сейчас начнется!

К Нормату двигались, прижав ладони к груди, пожилые люди. Женщины клапаялись, утирая кончиком платков глаза. Мальчишки шествовали рядом, словно в походной колонне, стараясь держаться поближе к командиру.

* * *

— Нормат! Сынок! Свет очей моих!..

Матушка Тухта суетилась, почему-то бегала по комнатам. Потом, вернувшись, снова обнимала сына.

— Сейчас, родной! Сейчас...

А в дом заходили все новые и новые гости. Не ожидая приглашения, они занимали места.

— Как там у вас на фронте?— не выдержал один из стариков.

— Я из госпиталя...— смущенно, будто он в чем-то виноват, сказал Нормат.

— Тоже фронт...— определил старик.

— На фронте стало лучше.

— Это мы почувствовали...— согласился старик.— То писали в газетах: «Наши оставили», «отступили»... А сейчас другие слова. Совсем другие слова!

— Но пока еще трудно... Сила у врага большая.

— Знаем, сынок, знаем. А сколько ты сам уложил фашистов?

Нормат улыбнулся.

— Я не считал. Старался воевать получше. У нас все хорошо воевали.

— Награды привез...—с уважением заметил старик.— Много орденов.

— Орден один,— поправил Нормат.— Остальные— медали.

Конечно, хорошо бы сейчас остаться вдвоем с матерью, с этим замечательным мальчишкой. Славик ревниво поглядывает на гостей. Он и гордится братом, и в то же время хочет, чтобы брата оставили в покое. Видно же, как устал Нормат-ака. Пенком шел. Пусть небольшим чемонданчиком, но шел по дороге. Может быть, из города.

Нормат выбрал удобный момент и подмигнул Славку: держись!

Хороший мальчишка... Закинула его война далеко от родной Белоруссии—в один из детских домов Андижана. Там и взял к себе парнишку Эрматджан. Кстати, где же до сих пор старший брат? И мать о нем ничего не говорит.

В дом продолжают заходить соседи. Надо поздравить фронтовика, посмотреть на него, послушать, задать вопросы. Вопросов много, почти у каждого человека.

— У моего сына тоже такая медаль... За что ее дают?

Как объяснить пожилому человеку.

— У всех одно дело сейчас: бить фашиста. За это и награждают отличившихся бойцов.

— Где сейчас мой Фазилбек? Почему от него так долго нет писем?...

У женщины усталое бледное лицо. По ночам она вспоминает и плачет. Сейчас тоже глаза повлажнели. Нормат помнит Фазилбека. Хороший был парень. Страшно, если долго нет от солдата писем.

Капитан начинает успокаивать.

— Все бывает... Даже теряются письма.

Нормат понимает, как люди ждут его слова, с какой надеждой заглядывают ему в глаза.

— Вы не встречали моего внука Шермата?

Это спрашивает добрый старик. Он всегда угощал

ик, мальчишек, первыми фруктами. И Шермата помнит капитан. Горячий парень рос.

— Фронт большой, дедушка. Тысячи километров. От моря до моря... Трудно нужного человека встретить. Конечно, воюет ваш Шермат. Он всегда был смелый.

— Воюет, вдюет...— соглашается старик.— Он даже газету прислал. Его портрет напечатали. Вот...

Старик вытащил аккуратный сверток. В платке оказалась газета.

— Настоящий воин!— похвалил Нормат.

Капитан бережно достал номер армейской газеты. Во многих руках она уже побывала. Стерлась кое-где краска. Но посоветовать старику спрятать газету, не носить с собой, Джаббаров не мог.

Матушка Тухта с помощью соседок, наконец, накрыла дастархан. На новой скатерти сгрудились вазочки, тарелочки с медом, конфетами, сушеными фруктами. Появились чайники.

— Садитесь, дорогие гости...— пригласила матушка Тухта.— Садитесь...

В комнате было тесно. Но никто этого не замечал. Неторопливо пили чай, брали конфеты, припасенные на самый радостный день.

Такой день настал. С фронта приехал сын. Живой Нормат... С орденами на груди... И матушка Тухта, не стесняясь, вытирала глаза.

В последнее время ей часто приходилось плакать, но никто не видел ее слез. А сегодня пусть видят. Ничего страшного в этом нет. Это слезы радости. Слезы большого счастья.

За окном раздался стук копыт, конское ржанье.

«Эрматджан приехал...» — подумал Нормат и приготовился к встрече, встал, одернул гимнастерку.

Но в комнату, слегка похлопывая камчой по ладони, зашел председатель колхоза.

— Услышал! Все дела бросил! Ну, здравствуй, фронтовик!

Председатель положил камчу на сундучок, который стоял у входа, шагнул к Джаббарову, обнял его.

— Вон какой молодец! А наград сколько!

Присутствующие потеснились, уступая место председателю.

Он разглядел седые, жесткие усы, еще раз осмотрел капитана.

— Молодец! Молодец! Наш «Гулистан» может гордиться. Настоящий герой.

Капитан смутился.

— Что вы, Рахмат-ака... Ничего еще не успел по-настоящему сделать. Все впереди...

Председатель насторожился.

— Как впереди? Ты что? Снова возвращаешься?

— Уже через четыре дня...

Ахнула мать, затихли гости, вытянул худенькую шею Славик...

— Ну вот...— вздохнул Джаббаров.— Вырвалось. Хотел постепенно подготовит к этому...

Он грустно улыбнулся и махнул рукой.

— Что делать? Война... У меня краткосрочный отпуск.

— А мы продлим...— твердо заявил Рахмат-ака.— Нам тоже нужны люди. Поможешь. Наберешься сил.

Он сам понимал, седой человек, что говорит совсем не то... Да и он бы первым перестал уважать Джаббарова как человека, как вонна. Но продолжал говорить, не мог остановиться.

— К секретарю райкома поеду. Сам. Сейчас же. Что-нибудь сделаем.

Матушка Тухта с надеждой смотрела на председателя. Конечно, он сделает. Секретарь райкома оставит Нормата. Ну, хотя бы на месяц.

Нормат понял настроение матери. Вон как ожила, как сверкнула глазами.

— Ладно...— весело сказал он.— Поедем вместе!

— Другое дело...— наклонив голову, проворчал Рахмат-ака.

Теперь нужно игру довести до конца. Пусть, хотя бы эти четыре дня, мать поживет спокойно и счастливо.

Уже начало смеркаться... Гости благодарили за угощение, желали здоровья фронтовнику.

— Нам пора! Завтра увидимся...

Когда за последним соседом захлопнулась дверь, Нормат наконец спросил у матери.

— Где Эрматджан? Что случилось?

— Он на строительстве...— выпалил Славик.— Строит электростанцию. Мы же писали вам.

— Стронт, стронт...— машинально повторила мать.—
Писали...

Этого письма Нормат не получал. Славик назвал населенный пункт, где развернулась огромная стройка. О ней Джаббаров читал в газетах.

— Придется съездить к нему...— сказал Нормат.—
Хотя бы на один день.

— Надо, надо...— согласилась матушка Тухта.

Она была уверена, что председатель колхоза и секретарь райкома — сильные люди, они сделают все, чтобы Нормат пожил дома в тишине и покое...

* * *

Сахиб-кари приехал в «Гулистан» рано утром. Здесь у него были друзья и знакомые. Вначале он зашел в гости к старому учителю.

Несколько минут Сахиб-кари пил чай, несмело брал с тарелочки сухой урюк, больше для приличия...

Разговор не получался... Учитель понимал, зачем появился гость из соседнего колхоза. Кто в кишлаке не знает, что Нормат Джаббаров и Адолят Сахибова часто встречались, ссорились. А вот на фронт Адолят уехала вскоре после отъезда Джаббарова.

Учитель угощал гостя и не мог начать щенетильный разговор.

Но не обойтись Сахибу-кари без помощи! Нужно помочь!..

— Вчера приехал сын Тухты, брат Эрматджана...

Сахиб-кари был благодарен учителю за маленькую хитрость. Издалека начат разговор. Даже имя человека, из-за которого заявился старик, не прозвучало.

— Радость большая...— сдержанно сказал Сахиб-кари.

— Большая...— согласился учитель.—Я заходил вчера. Все соседи сбежались.

— С фронта приехал?

— Из госпиталя. Скоро возвращается на фронт.

Сахиб-кари больше играть уже не мог.

— Надо бы навестить его...

И опять учитель схитрил.

— Конечно, надо навестить. Приехать к нам в кишлак и не зайти.

— Да, да...— схватился за эту мысль Сахиб-кари.— Неудобно.

— Узнают, что подумают люди...— Был в кишлаке и не зашел. Не так часто фронтовики приезжают.

Сам-то Сахиб-кари тоже редко заглядывал к соседям.

Приличный разговор, которому позавидовали бы дипломаты, прошел.

— Я провожу тебя до тетушки Тухты...— сказал учитель.

Сахиб-кари благодарно взглянул на старого друга.

Они неторопливо двинулись к дому Джаббаровых. Встречались редкие прохожие. И со всеми надо было поговорить, узнать о здоровье родных и близких.

Но колхозники понимали причину появления Сахиб-кари, старались не задерживать его длинными разговорами.

— Не рано ли идем...— побеспокоился Сахиб-кари.

— Фронтвик!— многозначительно сказал учитель.

Тетушка Тухта с почтенным провела гостей, усадила Нормат вышел к уважаемым людям.

Они долго сидели. Долго говорили о войне. А Сахиб-кари с надеждой заглядывал в глаза Нормату. Но что мог сказать капитан, смелый человек. Не таким-то смелым он оказался в любви.

— Адолят пишет?— спросил Нормат.

Потускнел Сахиб-кари. Значит, ничего не знает Джаббаров о его дочери.

— Пишет...— вздохнул Сахиб-кари.

— На фронте о ней знают...— быстро заговорил капитан.

Надо исправить ошибку. Надо сказать что-нибудь доброе.

— В полевом госпитале дали мне газету...— продолжал он.— Вижу — наша Адолят.

Ах, лучше бы сказал: моя. Но, значит, не имеет права на это капитан.

— Стал рассказывать о ней,— продолжал Нормат.— Все удивляются и завидуют. Говорят: какие у вас, оказывается, смелые девушки.

— Дошла эта газета и до нас...— сказал довольный Сахиб-кари.

— Читали, читали... — подтвердил учитель.
— Судя по газете, мы где-то рядом, на одном участке фронта... Армейская газета.
— Может быть... полевая почта, — и Сахиб-кари назвал номер.

Нормат Джаббаров пошевелил губами. Заучивал цифры. Учитель с трудом сдержал улыбку. Он знал, что Джаббаров слабо запоминал цифры.

— Запиши... — спокойно предложил учитель. — Может, пошлешь письмо. Если рядом, то встретитесь...

— Конечно, конечно.

Не был сейчас Нормат Джаббаров похож на боевого капитана. Обыкновенный парень... Никакой солидности...

* * *

В этих местах всегда, в любое время года, гуляет ветер. Он вырывается из ущелья и начинает метаться с самого утра.

Летом — это горячий, поднимающий пыль, ветер. А сейчас в феврале он был злым, ледяным.

Капитан Джаббаров шел по территории стройки. Он не верил своим глазам. В такое трудное время здесь, в глубоком тылу, развернулось грандиозное строительство.

Нормат понимал, что людям живется нелегко. Работают они с рассвета до позднего вечера. Даже при свете костров. А вся техника — лопаты, кетмени... Люди с уважением поглядывали на военную форму капитана. Некоторые только разводили руками, узнав кого ищет Джаббаров.

— Не знаем... Здесь тысячи людей.

Кто-то посоветовал.

— Пройдите на третий участок. Вон туда. Там есть андижанцы.

На берегу реки стояла большая группа людей. Они о чем-то горячо спорили. Капитана никто не заметил. Он подошел и прислушался к голосам.

— Ничего не получится...

— Может, получится! — упрямо доказывал худенький парень.

— Конечно, может... — степенно согласился другой. — Надо только закрепить крестовину на дне. Потом вторую... Они и задержат остальные...

— Хорошая мысль...

Это похвалил кто-то из руководителей. Он стоял, уверенно поглядывая на холодную воду.

Река спокойно, величаво несла свои мощные волны.

— Попробуйте еще...

Несколько человек подошли к крестовине-сипаи и стали ее подталкивать к воде. Крестовина наклонилась и рухнула в воду. Река, играючи, понесла ее вниз.

— В эту прорву не набросаешься,— раздался чей-то простуженный голос.— Все сожрет...

На берегу были припасены эти крестовины-сипаи, которые должны лечь в основание плотины. Теперь люди не знали, что делать. Действительно, сколько ни швыряй крестовин в воду, она их будет уносить. А материал на учете. Каждое бревно.

Строители заметили незнакомого капитана.

Джаббаров поздоровался:

— Вот брата разыскиваю...— сказал он, словно оправдываясь, что потревожил занятых, озабоченных людей.

Эрматджана знали.

— А его отправили только вчера в Ташкент... Простудился очень.

Человек не договаривал. Это понял по его тону Нормат.

— Воспаление легких?

Казалось, никто не услышал вопроса.

— Домой не успели сообщить. Да он сам просил не беспокоить мать.

— Воспаление?— повторил свой вопрос капитан.

— Возможно...— наконец сказал пожилой человек.

Видно, он был на этом участке начальником.

Поверх телогрейки человек натянул жесткий, довольно неприглядный плащ. Поднял воротник.

— Возможно... Но мы устроили Эрматджана в хорошую больницу.

Говорил он глухо. То и дело кашлял. Да и окружающие его люди не выглядели богатырями. Только несколько молодых парней стояли рядом. Пройдет месяц-другой, парни тоже уедут в армию.

А эти люди, простуженные и усталые, продолжают работу. К ним на помощь приедут из городов и колхозов другие парни, подростки, которых надо вначале учить.

Но стройка будет жить... Поднимется плотина, перестанет своевольничать река, мощный поток начнет работать на человека.

Эрматджан не поехал на фронт из-за плохого здоровья. Но он пришел сюда, на важную стройку. Как и эти люди.

Откашлявшись, начальник стал уговаривать капитана не беспокоиться. Он без конца ссылался на хорошую ташкентскую больницу, которая быстро поставит брата на ноги.

— А матери, право, не нужно сообщать. Нашим матерям нелегко сейчас приходится.

— Да...— согласился Джаббаров.

Его слишком внимательно рассматривали. От теплой шапки до крепких, добротных сапог. Капитан даже почувствовал себя неловко.

— Что у вас приключилось?— спросил он.

Надо перевести разговор на главную, всех волнующую тему.

— Сносит. Сильное течение...— ответил начальник.— Если бы пару снапов укрепить на дне, задержать. Другие бы легли на них. Потом третьи...

— Ясно...— ответил капитан.

Он посмотрел на воду, на спокойную, мощную. Свинцовые волны лениво, чувствуя свою силу, перекачивались, шлепали у берега.

При виде этой реки невольно, как от жгучего холода, передернешь плечами.

— Ясно... Все ясно...— будто про себя повторил капитан.— А водолазный костюм у вас есть?

Начальник махнул рукой.

— Одно название. Легкий, резиновый. Летом хорошо, а сейчас...

Он невольно покосился на своих товарищей.

— Бутылка масла есть?— задал новый вопрос капитан.

Стронтели переглянулись.

— Конечно, можно достать. Если...— начальник, вероятно, хотел добавить: если для дела.

— Для настоящего дела...— словно угадав его мысли, продолжил капитан.

— И что?— послышался любопытный голос.

— По примеру наших саперов, — Джаббаров

подмигнула начальнику.— Давайте масло и вашу резину.

— Простите, товарищ капитан...— несмело сказал начальник.— По вашему виду я понял, что вы из госпиталю.

— Уже давно. Уже возвращаюсь на фронт. Давайте масло...— Он всмотрелся и, кивнув на ближайшую землянку, спросил:

— Там можно?

Через полчаса три крепких, молодых парня натерли хлопоквым маслом капитана Джаббарова.

Масло перекалили в небольшой кастрюльке, остудили на холодном ветру.

— Саперы пользовались льняным маслом. А мы попробуем хлопоквым. Новый рецепт привезу на фронт. У капитана было хороше настроение.

— Давайте, ребята,— подбадривал он парней.— Сильнее трите.

Начальник еще продолжал отговаривать фронтовика.

— Не ваше это дело. Зачем вы...

— Стройка общая. Значит, и моя. Вы нам лучше хорошую баньку приготовьте...

Резиновые костюмы были очень холодными. Устаревшее, легкое снаряжение водолазов. Но где взять другое?

Крестовины-сипан швыряли с берега по команде капитана. Вслед за ними Джаббаров нырнул в свинцовую воду. Бросались и парни...

— Давайте!..— минуты через две хриплоскомандовал начальник.

Столкнули в реку еще крестовину, за ней другую.

— А ведь получается!— не удержались на берегу.— Получается! Ура!

У берега плавал капитан. Взмахом руки он подавал сигнал и вновь нырял вслед за очередной крестовиной.

Вскоре пад водой, оцетнившись, показались балки.

— Ура-а!— выдохнули люди.

Капитан Джаббаров медленно поднялся на берег.

— В баню! В баню!— торопил начальник.

На дрова не поскупились. Нормат Джаббаров весело заметил:

— Ради такой бани можно было понырять в ледяную воду...

Через час все уселись за грубый стол. Среди железных кружек сиротливо, напоминая, что это все-таки тыл, белели щербатые пилалы, чайники с поблекшими узорами.

И здесь война напоминала о себе. Далеко-далеко от передовой.

О войне и шел разговор.

Пили чай, бережно брали кусочки суховатой лепешки, курагу, изюм. Люди сейчас выложили все свои запасы в честь маленькой, но ощутимой победы над рекой, в честь неожиданного гостя.

Шел разговор о войне. И землянка походила на фронттовую. Лица были строгими, усталыми.

Только стояла тишина...

Вдруг грохнул взрыв. Посыпались комочки глины.

— На котловане рвут...— авторитетно объяснил паренек.

Он по праву сидел рядом с фронтовиком: вместе с ним устанавливал крестовины на дне реки, вместе с ним справился с трудной задачей.

И ночью раздавались взрывы. И не могли приниться капитану мирные сны...

ХОЗЯЙКИ ДОРОГ

Служба Каракеш и Бегимхон началась на фронттовой дороге, у полосатого шлагбаума с неказистой будкой.

Рядом с дорогой лежало несколько сожженных машин, перевернутых вверх колесами пушек.

А сосны, основательно покалеченные бомбами и снарядами, сейчас напоминали старые тутовые деревья. Также одиноко и грустно стоят они на обочине после того, как обрежут ветви для шелкопряда.

Но здесь картина была более мрачной. Даже пышный снег не смог прикрыть раны войны. Снег мягкий, искристый, порой напоминал такой же чистый хлопок. Но выглядывали из-под сугробов остовы машин, торчали острые металлческие переборки кабин, колеса бронетранспортеров.

... Война, война...

Она была совсем рядом. Сегодня сыпал снег, и поэтому не летали самолеты. Стало немного спокойнее. Но где-то за лесом рвались снаряды, отчего глухо вздрагивала земля.

А по дороге шли воинские части. Рота за ротой, батальон за батальоном. Шли солдаты, молодые, здоровые, веселые.

Некоторые были не прочь пошутить с девушками. перекинуться одной-двумя фразами. Но остряки умолкали под строгими взглядами командиров и, вздохнув, продолжали свой путь.

Проползали танки, машины тянули орудия... Днем и ночью...

Иногда на дороге становилось тише. Девушки прятались от пронзительного, ледяного ветра в будку. Но и там невозможно было согреться.

— Костер бы развести...— мечтательно произнесла Каракош.— Вон сколько веток наломано.

Бегимхон с удивлением взглянула на подругу.

— Огонь, дым... А вдруг фрицы заметят?

— Знаю...— сказала Каракош.— Это я так! Костер нельзя разводить. Но...

Она улыбнулась и подмигнула подруге.

— Сделаем «сандал»?

Каракош сбегала к полевой кухне, принесла полведра раскаленных углей и горячей золы. Девушка хозяйничала ловко, словно это было не у фронтовой дороги, а где-то далеко, в тихом доме.

Она наполнила котелок снегом и поставила на «сандал».

— Вот и чай...

В промерзшей будке стало тепло и уютно.

А когда в котелке забулькала вода, Бегимхон невольно улыбнулась.

— Ловкие у тебя руки...

Каракош не ответила. Она заварила чай и подала подруге кружку с ароматным напитком.

— Пожалуйста, Бегимхон!

Голос Каракош прозвучал грустно.

— Ты что?— удивилась подруга.

Неужели эта тихая обстановка, мирное бульканье в котелке, душистый чай расстроили Каракош.

Так и есть.

— Сколько можно «разбойничать» на большой дороге...

Каракөш пыталась скрыть свое настроение за шуткой. Но Бегимхон понимала в чем дело. Опять начнется разговор о том, что они прячутся от настоящей войны, здесь у шлагбаума.

Бегимхон будет «охлаждать» подругу, говорить о важности ее поста, службы.

Обычно этот спор ничем не заканчивался. Кто-нибудь да помешает.

Вон опять показалась колонна.

При виде девушек солдаты бодрее шли, охотней шутили,

— До чего же черные очи!

— Нельзя ли квартиру здесь снять? Побеседовать?

Девушки уже научились отвечать.

— Не туда смотрите. На дорогу смотрите, а то заблудитесь в лесу.

— Ого! С таким характером можно рэтой командовать!— определил кто-то из бойцов.

— Можно,— согласилась Бегимхон.— Мы бы из вас сделали вонна.

В колонне раздался смех. Солдату пришлось смущенно опустить голову и побыстрее миновать полосатую будку.

— Такой красавице на язык не попадись...— определил другой боец.

Рота прошла.

Девушки с удивлением заметили, что около будки остался высокий солдат.

— А вы?— Бегимхон не знала что и спросить.— Почему...

— Мөн еще двигаются,— неопределенно кивнул в сторону тыла солдат.— Это я такой расторопный.

Он рассмеялся как-то нес естественно, оглядываясь по сторонам.

— Но здесь посторонним нельзя находиться...— строго сказала Бегимхон.— Это пост.

Солдат не обратил внимания на серьезный тон.

— А я где-то вас видел, черноглазая... Не могу припомнить.

Подобные «предположения» девушки уже не раз слы-

шали. Это были безобидные, веселые разговоры. Бойцы задерживались на несколько минут. Девушки научились бойко отвечать на шутки. Колонны двигались дальше, на передовую. И бойцы дружески помахивали оставшимся на своем посту девчатам.

— Где же я вас видел?— боец морщил лоб.

— А я вас вижу впервые...— оборвала Бегимхон.

По-прежнему не обращая внимания на этот тон, солдат продолжал балагурить.

— Я и мужа вашего знаю. Да, да... Вот где видел! На фотографии.

Бегимхон прикусила губу.

— Точно!— по-своему понял ее молчанье боец.— Видел.

— Я получила «похоронную»...— медленно произнесла Бегимхон.

Боец не растерялся.

— А-а!..— небрежно махнул он рукой.— Чепуха! Со страху писарь послал. Сколько в такой заварухе ошибок.

Странно он поглядывает на редкие машины, возвращающиеся в тыл.

— Я позову командира...— сказала Бегимхон.

— Ох, чернявая, что же плохого я сделал...— приговорно вздохнул боец.— Я хочу помочь тебе разыскать мужа.

— Мертвого?

— Зачем мертвого? Тебе ведь надо живого!— ухмыльнулся боец.

— Этим не шутят...— вмешалась Каракон.

Боец понял, что слишком заврался и поспешил успокоить.

— Я не шучу. Я серьезно видел.

Взяв винтовку, он зашагал в сторону леса, где расположилась на привал колонна пехотинцев.

— Я все-таки вернусь...— предупредил он на прощанье.

Бегимхон не обратила внимания на эти слова. Двигалась машина с ранеными. Проехала «эмка» с полковником. Надо проверить документы, пропустить. А времени — в обрез. Опять, как часто бывает, на дороге скопился транспорт. Задержать на лишнюю минуту нельзя ни одного человека, ни одну машину.

...К вечеру все стихло. Бегимхон вошла в будку, чтобы согреть над «сандалом» руки. Каково было ее изумление: в будке сидел боец-здоровяк и спокойно потирал ладони над жаром.

— Как вы сюда попали?— спросила Бегимхон.

— Прикрой дверь, черноглазая...— вместо ответа спокойно потребовал солдат.

Прежде чем закрыть дверь, Бегимхон позвала подругу.

— Сейчас!— донесся голос Каракош.

Через минуту она появилась в тесной будке. Незваный гость перестал греть руки и потянулся к вещешку.

— Встать!— скомандовала девушка.

Дуло автомата уставилось в грудь бойца.

— Ты что? Что?— боец пытался сохранить самообладание.— С ума сошла.

— Встать!— повторила Каракош.

Бегимхон открыла дверь.

— Брось свои шуточки! С оружием не шутят,— крикнул боец.

— Кругом!— скомандовала Каракош.— Марш вперед!

— Ну ты, девка, рехнулась. Право слово, походили все с ума. И куда, вы думаете...

— В комендатуру пойдем.

— В чем дело?— бормотал боец.

— Часть твоя давно ушла. Ты почему здесь остался?

— Пятку натер. Хочешь — разуюсь...

Он переводил взгляд с Каракош на Бегимхон, пытаясь найти хотя бы у одной из них сочувствие.

— Ну, хорошо, ведите...— заговорил боец.— Советского воина под автоматом. Ведите! Ведите! Я завтра за вас под пули пойду.

Каракош стало не по себе. А может, он прав? Ну, отстал от части. Может, действительно, пятку натер. Ну, догонит утром.

— Веди, веди, черноглазая...— словно почувствовав ее колебание, смелее заговорил боец.— Поблагодарят тебя в комендатуре за «бдительность». Скажут: советского воина привела... Спросят: зачем?

...Что-то он слишком подчеркивал свою принадлежность к армии.

— Веди, Каракош!— подбодрила подругу Бегимхон.— Веди, я побуду одна.

Она сунула в руки бойца его вещмешок, а винтовку повесила на плечо Каракош.

— Веди...

Бегимхон, однако, сомневалась в правоте подруги. Веселый боец. На дезертира вроде не похож. Возможно, он действительно видел ее фотографию, знаком с ее мужем? И вот, пожалуйста, вместо дружеского разговора, под дулом автомата Каракош повела бойца в комендатуру.

Да и Каракош шла с невеселыми мыслями. Впервые в жизни она разговаривала с мужчиной на «ты», впервые приказала мужчине поднять руки.

А если это друг, а не враг?

Неизвестно, как на ее поступок посмотрят в комендатуре.

Но фронтовая дорога беспокойна. На фронтовой дороге все может случиться. И она, Каракош, хозяйка этой дороги.

* * *

Когда Каракош вернулась в расположение роты, то у штабной землянки увидела Михайлову.

Девушка подошла к командиру и четко доложила:

— Товарищ старший лейтенант, пост сдан. Во время моего дежурства...

— Вольно...— Михайлова улыбнулась.— Знаю все. Ты задержала дезертира. Вот так-то!

Лицо командира стало серьезным.

— За бдительность, за отличную службу выношу вам благодарность!

Каракош подтянулась и ответила:

— Служу Советскому Союзу!

И опять у командира появилась улыбка.

— Молодец... Как ты догадалась?

— Неискренний он был. Глаза прятал. Решила, что душа у него нечистая...

— Говорил комплименты?

— Не только это... Он еще и заврался. Стал доказывать, что видел мужа Бегимхон.

— Молодцы вы...— повторила Михайлова.

Каракoш решила воспользоваться хорошим настроением командира и снова напомнить о своей просьбе.

— Товарищ старший лейтенант, я обращалась к вам...

— Помню, помню. И больше не советую обращаться.

— Я очень хотела бы...

— А я не хочу?— строго спросила Михайлова.— И разве наша служба не нужна? Пожалуйста, сегодня дезертира задержала, а завтра, может, и враг появится. Здесь тоже фронт.

Михайлова не рассердилась... Сколько таких просьб она слышала от своих подчиненных, милых девчат, совсем молодых, красивых, добрых. Да и сама бы она любую минуту пошла на передовую.

Служба... Есть в армии такое слово. Служба — это значит, твое место здесь. Здесь ты нужна, здесь на тебя надеются.

Михайлова понимала, что не из-за романтики, не в поисках подвигов девчата рвутся на фронт, у каждой — свой с врагом счеты...

Взяв Каракoш под руку, совсем не по-военному, Михайлова говорила ей об этом. Говорила спокойно, не повышая голоса. Так мать в чем-то уговаривает непослушную дочь, твердо надеясь на ее благоразумие.

Михайлова довела девушку до землянки.

— По-моему, ты все поняла. Иди отдыхай. Отдых у нас очень короткий.

В землянке было тепло, уютно. Несколько девушек уже спали. Кое-кто сидел у коптилки над письмами. Наверное, недавно принесли почту.

— Каракoш!— окликнула Бегимхон.— Что так долго?

Не ожидая ответа, она помахала конвертом.

— А ну-ка быстрее! Сюда! С тебя сунучи.

Каракoш не успела снять тяжелую сырую шинель.

— Дала бы человеку раздеться...— недовольно сказала одна из девушек.

Каракoш торопливо разорвала конверт, вытащила листок бумаги. Девушки потеснились, уступая подруге место у коптилки. Слабый круг света падал на стол.

— Садись, садись. Ох, какая ты ледяная... Замерзла? О поступке Каракош все уже знали. Но никто не расспрашивал. Не каждый день из дома приходит письмо.

Маленький листок... Он полон искренних приветов, беспокойства, скрытых тревог.

Писала подруга... Она сообщала, что Хуринисо-ая проводила сыновей на фронт, Хасана и Хусана. Теперь она каждый день выходит за ворота навстречу почтальону. Что ему бедняжке делать, если расстояния такие длинные и письма с трудом добираются до матерей. «Сейчас в вашем доме пусто, тихо... Даже страшно заходить. Как будет в таком одиночестве жить Хуринисо-ая?»

Каракош невольно шмыгнула носом. Строки расплылись, словно в тумане.

— Потерпи, матушка... Потерпи, родная...— прошептала Каракош.

— Ты что?— испуганно спросила Бегимхон.— Беда?

— Нет, все в порядке... Просто так...

Каракош хотела перечитать письмо, но Бегимхон силой отобрала его.

— Ну-ка раздевайся. Руки ледяные. Раздевайся и в постель, немедленно.

Место у стола сразу заняли две веселые, коротко подстриженные девушки. Сейчас они походили на беспокорных подростков.

— Опять гадание?— раздался чей-то недовольный голос.

Девушки не ответили, склонившись над потрепанными картами.

— Не ложись, Каракош,— бодро сказала одна из девушек.— Я и тебе погадаю.

Она почувствовала, что письмо было грустным. Редко сейчас приходят веселые письма...

— Карты — обман,— вздохнула Каракош.

— Все расскажут!— уверила девушка.— Карты не врут. Наверное, твой милый, как и ты — черноглазый. Вот он — трефовый валет.

Каракош взглянула на карту и отвернулась.

— Твой лучше?— не отставала девушка.

— Был лучше...— ответила Каракош.

Удивительно спокойно, уверенно прозвучал этот не-

ожиданный ответ. Веселые «гадалки» притихли и уже с тоской смотрели на старые карты, на стандартные лица королей и валетов.

В эту минуту, наверное, каждая думала о своем любимом.

Где они сейчас? Что мы о них знаем? А так бы хотелось узнать.

И потому, наверное, хоть и без прежнего энтузиазма, под кружок света ложились и ложились карты...

Кутаясь в одеяло, к огню подседа Маша, синеглазая, тихая. В полумраке землянки она казалась меньше своего роста.

Маша смотрела на карты, но обращалась к подругам:

— Где сейчас мой брат? Возможно, проедет по нашей дороге. Девушки, милые, вы его сразу узнаете. И среди раненых, и среди здоровых. Он чернобровый, красивый. Выделяется... Сразу узнаете.

Все молчали... Сколько парней красивых проезжают и проходят мимо. Смешная Маша... Ты совсем девчонка. Но ты больше надеешься на людей, на своих подруг, чем на карты.

— А на груди у него медаль «За отвагу»...— добавила Маша.

Ее никто не поправил. Сейчас зима, солдаты в шинелях. Да и если будут в гимнастерках... Сколько медалей сверкнет, сколько орденов...

А ведь каждая из этих девушек надеется на чудо, на неожиданную встречу.

Идут колонны, тянутся машины. И сейчас там на мосту, у шлагбаума дежурят девчата в солдатских шинелях. Хозяйки фронтовой дороги.

В землянке укладывались спать... Кое-кто уже засыпывал. Становилось тише.

Но неожиданный стук в дверь взбудоражил всех. Раздались возмущенные голоса:

— Кто это еще!

— Если парни, надо приготовить «встречу».

— Чтобы вылетели на опушку леса...

— Сейчас встретим!

Стук повторился... За дверью басил парикмахер.

— Девчата, я нужен?

— Нужен! Нужен!— хором откликнулась землянка.

Только одна недовольно проворчала:

— Дня ему мало... Почему так поздно?

— Спи! Спи! С твоим «полубоксом» можно спокойно спать,— успокоили подруги.

Девушка с мальчишеской прической действительно быстро уснула. Ей парикмахер не нужен. Не будет она в полночь сходить с ума из-за прихода такой важной особы.

— Еле до вас добрался...— вздыхал поздний гость, раскладывая на столе инструменты.

— Попробовали бы не зайти!

— Знаю, что ждете, вот и пришел...

Короток у бойцов отдых. Да разве кто сейчас о нем думает! Не каждый день в землянке появляется искусный мастер. Сейчас он начнет творить чудеса. И никто из девушек пока не думает, что утром придется на свежую «шестимесячную» натянуть шапку-ушанку. Разве заметят прическу.

— На два часа опоздал...— продолжал оправдываться парикмахер.— Понимаю, что вы не меня ждали... Молодых парней... И вот прихромал я.

Но мастер хитрил. Он знал себе цену и хотел еще раз услышать что-нибудь лестное в свой адрес. И он услышал его — искреннее, радостное:

— Вас ждали! Только вас!

Улыбнулся. Кажется, поверил. Парней можно увидеть и завтра. А его, хорошего мастера, ждут и генералы, и солдаты. Всем нужен.

Парикмахер приступил к работе. Он уже колдовал над белыми локонами сержанта Бобровниковой, расхваливая ее чудесные волосы.

Он умел и работать, и щедро рассыпать комплименты.

— Где вы научились?— спросила Бегимхон.— В гражданке?

— Жаль,— не отрываясь от работы ответил мастер,— что твоим великолепным косам не нужны мои руки. А научился я в госпитале. От нечего делать...

— Вы были в госпитале?— удивилась Маша.

— Что ж вы, мои хорошие, думаете. Неужели всю войну только и заботы у меня было, что стричь да брить?..

— Нет... Но...— смутилась Маша.

Парикмахер ее не слушал.

— Это,— он кивнул на свою ногу,— под Серпуховым... Я туда от самой границы тащился с «Максимом».

— Пулеметчик?— воскликнула Каракош.

— Что тут удивительного,— пожал плечами парикмахер.— Пулеметчик.

Он грустно добавил:

— Бывший.

— Но вы же знаете пулемет?— допытывалась Каракош.

Она устроилась рядом с «гадалками», положила перед собой лист бумаги. Решила написать подруге ответ. Пожалуй, кроме парикмахера, в землянке все знали о тайной мечте Каракош. Ей очень хотелось научиться стрелять из пулемета. Каракош раздобыла наставление к ручному пулемету Дегтярева. Но дальше этого ее занятия не двигались.

В соседних хозяйственных подразделениях не было пулеметчиков. И вот парикмахер оказался настоящим пулеметчиком. Он воевал!

Не обращая внимания на восторженные возгласы Каракош, парикмахер продолжал.

— Осколком снаряда шарахнуло по ноге. Вот, пожалуйста, искусственная.

— Вы остались на фронте?

— Остался... И, как видите — нужен.

— Очень!— сказала Каракош.

— Тебе-то зачем?— кивнул на ее косы парикмахер.

— А я вас попрошу заняться со мной...

— Чем?

— Из пулемета хочу научиться стрелять... Из снайперской винтовки тоже...

— Научиться?

— Конечно... Если бы я делала завивку, нашли бы время для меня?

— Нашел бы...

Он застыл с щипцами в руке, внимательно рассматривая Каракош.

— За счет завивки — занятия,— пояснила Каракош.— Договорились?

— Хорошо, дочка,— утвердительно качнул головой парикмахер.— Я для такого дела выкрою время. Договорились...

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

За несколько дней дежурства у шлагбаума Каракoш уже привыкла к веселым приветствиям, бодрым вопросам. Обязательно какой-нибудь разбитной парень поинтересуется здоровьем, именем, спросит о жизни.

Каракoш видела, как другие девушки, круто, беззлобно советуют.

— А ну-ка, быстрее проезжай...

Рядом стояла дивизия, которая формировалась в Узбекистане. Поэтому ничего удивительного не было, когда из кабины машины показывалось удивленное лицо.

— Сестрица, как вы здесь оказались?

Каракoш не могла поторопить парня, оборвать его на полуслове. Он действительно удивлялся, и ему хотелось узнать, откуда родом эта узбечка.

Даже короткие разговоры, разумеется, не поощрялись командиром.

— Вы на боевом посту...— почти каждый день твердила Михайлова.— Я буду строго наказывать за кокетство.

Она понимала, что нельзя обвинять этих девушек в кокетстве.

Сержант Бобровникова нашла оправдание:

— Что поделаешь... Едут, едут нормальные люди. И вот обязательно один найдется. Как специально подбирают. Взглянет — и пошло — поехало: «Где-то я вас видел. Разве такие глаза забудешь? А как вас зовут? А откуда вы родом, землячка?..»

Сержант удачно копировала этих парней. И Михайлова, не выдержав, засмеялась.

— Хватит, хватит... В артистки тебе надо было пойти.

— После войны посмотрим. А сейчас одна у нас сцена...

Каракoш правилось как разговаривают, как держатся с мужчинами ее командиры. А вот она порой смущается, растерянно глядит на незнакомое лицо. Как-то вечером Каракoш поймала себя на мысли, что ждет чуда.

Но разве оно случится, это чудо... Она же видела

холмик на тихом сельском кладбище, видела скромную звезду.

Чудес не бывает... Есть суровая жизнь. И война.

Но однажды Карakoш вздрогнула при знакомом приветствии.

— Здравствуйте, сестра...

Парень так удивленно, с непонятной надеждой смотрел на нее, что у Карakoш дрогнуло сердце.

Парень отогнал машину от шлагбаума и остановил на обочине.

Спрыгнув на землю, он пошел медленно, осторожно, словно боялся кого-то спугнуть.

— Здравствуйте, сестра...— повторил он робко.— Вы здесь служите...

— Да...— ответила Карakoш.

— Вот проезжал, увидел и хотел узнать...

Он боялся задавать вопросы. Парень стоял, то и дело расправляя складки шинели. Словно готовился идти к командиру.

— Мне говорили...— продолжал парень,— что здесь у шлагбаума дежурят молодые узбеки. Не верил...

— А что в этом особенного...— пожала плечами Карakoш.

— Особенного нет. Я встречал на фронте наших девушек. Вот, например, разыскиваю Адолят Сахибову. Вы ее случайно не знаете?

Он спрашивал совершенно спокойно, не надеясь на положительный ответ. И пока Карakoш собиралась, обдумывала, как сообщить радостную весть, боец продолжал:

— Я сам из Андижана. Меня так и зовут «Вали из Андижана».

— Вали?— удивленно переспросила Карakoш и, видимо, отвечая своим мыслям, тряхнула головой.— Не может быть... Совпадение.

Боец ничего не понял.

— Правда... «Вали из Андижана». Так и зовут.

— Не может быть...

Широко раскрыв глаза, она продолжала смотреть на смуглое лицо, припоминая рассказы своей подруги.

— Может!— заверил боец.— Спросите любого.— Он смутился.— Ну не любого. А из нашей части. Мой ко-

мандир тоже из Андижана. Капитан Джаббаров. Не знаете?

Каракош невнимательно слушала бойца. Она все еще не решалась задать вопрос.

— Не знаете?— переспросил боец.

— Нет... Капитана Джаббарова не знаю.

— А он ищет Адолят. Он знает, что эта девушка на фронте.

— Вы никого не ищете?— спросила Каракош.

Боец тяжело вздохнул.

— Не буду искать,— наконец угрюмо сказал он.

— В чем дело?— с нескрываемой тревогой спросила Каракош.

— Пока мы здесь воюем, пока валяемся в госпиталях...— он сжал кулак. На лице выступили красные пятна.— Простите. Понимаю, что не все такие. Вот вы... На фронте. Адолят Сахибова. Пусть между моим командиром и Адолят тоже что-то не ладилось. Но это пройдет. Они встретятся. А я...

Боец, наклонив голову, стал носком сапога сбивать мерзлую кочку.

Бил по кочке со злостью. Комочки снега летели во все стороны.

— Что вы? Вы обмануты?— хмуро спросила Каракош.

— Я теперь ни на кого, ни на что не надеюсь. Были клятвы, письма... Потом мне сообщили, что спуталась с проходимцем... Какой-то Ахмед Базаров из потребкооперации. Что ж, удобный человек.

— Спуталась? Базаров?— ахнула Каракош.

— Что с вами, сестрица?— испуганно воскликнул боец.

— Эх, Вали из Андижана!— с горечью сказала Каракош.— Какой же вы солдат!

Он, недоумевая, смотрел на нее.

— Кому поверили? Чье письмо?

— Там не было подписи,— пробормотал Вали.

— Вот именно! Злой человек наплел, и вы поверили. А своей жене не верите?

Вали перестал долбить носком сапога проклятую кочку. Все, что говорила эта незнакомая женщина, было удивительно просто и справедливо.

— Но письмо?— растерянно спросил он.

— Чепуха!— резко сказала Каракoш.— Я знаю эту историю.

— Вы... Вы ее знаете?— он боялся сказать вслух имя жены.

— Бегимхон...— почти по слогам произнесла Каракoш.

Боец схватил ее за плечи и крикнул:

— Что вы сказали? Повторите?

— Тише!— умоляюще попросила Каракoш.

Она уже почувствовала взгляд старшего лейтенанта.

— Боец Садыкова...— раздался строгий голос.

Каракoш бросилась к Михайловой.

— Почему вы оставили пост?— продолжала старший лейтенант.

— Я... вот встретила...

— Боец Садыкова!

Каракoш встала по стойке «смирно» и выслушала, с трудом скрывая улыбку, что на нее налагается взыскание.

Два наряда вне очереди. Да это же мелочь по сравнению с такой встречей! Вали, муж Бегимхон, жив!

— Вы чему радуетесь?— спросила Михайлова.— Повторите!..

— Есть, два наряда вне очереди.

— Теперь расскажите в чем дело!..— потребовала Михайлова.

*
*
*

Старший лейтенант Михайлова поучала своих подчиненных вполне серьезно:

— У нас два врага. И нужно об этом всегда помнить.

— Первый враг — францы...— пытаюсь выдержать тон командира, подсказывала какая-нибудь из девушек.

— Второй...— Михайлова оглядывала подчиненных.

Аня расчесывала волосы. И старший лейтенант невольно залюбовалась. Красивая девушка. Длинные волосы, синие глаза. Знает Михайлова и о испыхнувшей любви. Есть в полку молоденький лейтенант. Использует любой момент, чтобы «заглянуть» на территорию этого «особого подразделения».

— Второй...— громче повторила Михайлова.

Аня, не отрываясь от зеркала, вздохнула:

— Мужчины...

Такой разговор обычно происходил в неслужебной обстановке.

— Что же ты глазки закатываешь?

— Беда со вторым врагом, товарищ старший лейтенант. Беспомощный он. Жаль его,— томно объяснила Аня.

— Не беспомощный, а хитрый,— поправила старший лейтенант.— Умеют притворяться.

— И не говорите, товарищ старший лейтенант. Хитрости у них хоть отбавляй,— согласилась сержант Бобровникова.— На задних лапках танцуют. А потом показывают характер.

Заместной злости в этом выступлении не было. Поэтому спор опять не разгорелся. Пришли к общему выводу, что следует мужчин сторониться.

Но, конечно, у входа в землянку пулемет устанавливать не стоит.

— Безвольные вы люди...— подвела итог Михайлова.

— Женщины...— опять вздохнула Аня.

С этим вздохом все согласились. И каждая задумалась.

А Михайлова, махнув рукой, вышла из землянки.

Сегодня движение на дороге спокойное.

Вместе с Каракеш у шлагбаума дежурит Валя, тихая девушка из Смоленска. У нее грустные глаза. И не скоро в этих глазах вспыхнут веселые огоньки. У Вали погибли все родные.

Вида она не показывает. Даже иногда шутит. Но глаза всегда остаются грустными.

Сегодня разведчики привели «языка». Довольные ребята остановились перед шлагбаумом и крикнули:

— Девочки, открывайте... Встречайте гостя.

«Гость» выглядел плачевно. Он исподлобья косился по сторонам, словно искал лазейку: куда бы ускользнуть. Но с каждым шагом фриц понимал, что отходит все дальше от своих. Вряд ли кто его спасет.

— Ну, девочки!.. Заснули?

Валя и Каракеш с интересом рассматривали «языка». Они впервые так близко, в двух шагах от себя, видели врага.

— Пусть пройдет под шлагбаумом...— глухо сказала Валя.

Один из разведчиков внимательно взглянул на девушку и все понял. Он подтолкнул пленного.

— Ну, двигайся, фриц...

Пленный согнулся и пролез под шлагбаумом.

— Вот такими я их хочу видеть...— сказала Валя.

— Ты права...— уже без улыбки согласился разведчик.

По дороге проходили редкие машины. Да... Сегодня спокойно. А вот на душе у Каракoш тревожно.

Каракoш не может стоять на месте, прикусив губу, ходит вдоль шлагбаума.

— Что с тобой?— наконец спрашивает Валя.— Неужели из-за этого взыскания? Смешно.

Валя даже не улыбнулась. Глаза по-прежнему печальны.

— Стоит ли расстраиваться...— продолжает Валя.— В нашей жизни чего только не бывает.

— Я не об этом...— торопливо отвечает Каракoш.— Ты знаешь, с кем я разговаривала?

— Ну, земляк, какой-нибудь. Их столько встречается..

— Земляк...— согласилась Каракoш.— Но это муж Бегимхон.

— Господи!— ахнула Валя.— Вы же твердили об убитых мужьях.

— Твердили...— вздохнула Каракoш.— Он и появился. Значит...

— Что, значит?— насторожилась Валя.— Ты не дури. Ошибки бывают в этой проклятой суматохе, но... Могилу своего мужа ты видела. Не дури, Каракoш. Не терзай душу.

— Не могу...— прошептала Каракoш.

— На месте командира я тебя бы сняла с поста...— рассудительно заявила Валя.— Какой ты сейчас солдат. У Каракoш дрожали губы. Лицо горело.

— Так нельзя.

— Понимаю, понимаю...— твердила Каракoш.— А с поста я не уйду.

— Вот это правильно. И еще об одном подумай...

Каракoш показалось, что в глазах Валентины на какую-то долю секунды зажглись огоньки.

— Подумай, какое счастье пришло к твоей подружке,— продолжала Валя.— Нежданно-негаданно.

— Счастье...— смутилась Каракош.— Конечно, большое счастье. Я думаю об этом.

Каракош рада за подружку. Но...

— Послушай, Валечка, у них же беда...

— Какая беда?— удивилась Валя.

— Муж ее и не искал. Нашелся злой человек, написал ему письмо, что она отвечает... Ну, не гонит от себя одного проходимца.

У Валентины сошлись брови. Лицо стало строгим, угрюмым.

— Господи. И в такое время! Как можно жить этим подлецам...

— Да она не отвечала на его ухаживания.

— Я не о том. Я о подлецах, которые не поленились написать на фронт грязную анонимку. Расстреливать их надо. На месте...

Валя говорила твердо, уверенная в правоте своих слов.

— Что же будет теперь?..— встревожилась Каракош.

— Ничего не будет. Неужели, он дурак? Не поймет женщина ищет его в огне. Должен понять...

* * *

Вали был тяжело ранен. Он долго не приходил в сознание. И когда очнулся, то первым делом спросил: где командир?

У постели стояла пожилая женщина в белом халате.

— Без тебя, сынок, покомандует... А ты пока лежи.

Вали ощутил боль. Он не мог понять эту резкую, страшную боль. Где она рождается? Кажется, по всему телу проходит, стоит только шевельнуть рукой или ногой.

— Отделали тебя фрицы, милый...— продолжала женщина.— Задал ты работу нашим хирургам.

Он попробовал не шевелиться. Так лучше. Намного лучше. Можно собраться с мыслями, задать вопрос.

— Где я?

Своего голоса Вали не слышал. Может, пожилая женщина только догадывается о его вопросе?

— Ты в госпитале. Здесь тихо. Немец редко появляется. Не как в первое время. Осторожней стал.

Женщина не скрывала радости, что раненый очнулся, что она первая услышала его срывающийся голос.

— Так что лежи. Без командира обойдешься. Командиром твоим теперь будем мы. А мы — добрые командиры.

— У меня был хороший командир...— с трудом произнес длинную фразу Вали.

— Ишь ты,— удивилась женщина.— Разговорился...

Она поправила одеяло и посоветовала:

— Поговорил и хватит. Твое дело теперь молча лежать.

В госпитале Вали вспоминал события прошедших дней.

Особенно хорошо он помнил землю. Столько пришлось к ней прижиматься! Земля еще не остыла от летнего тепла, и первые осенние дожди только сбивали пыль. Был какой-то особый запах от порыжевшей травы, упавших листьев, прохладной свежести.

Запах напоминал узбекскую осень. Тогда Вали в ожидании, пока подготовят канары, высокие, огромные мешки с хлопком, ложился на траве, недалеко от своей полуторки.

А вот той, сельской тишины, Вали не мог припомнить.

Теплую, добрую землю сейчас рвали чужие снаряды и бомбы. Рвали с каким-то остервенением, торопливо, продуманно, не давая ей покоя ни на минуту. Враг, вероятно, готовился к новому броску.

Тогда командир батальона, отобрав несколько молодых солдат, послал их ночью к передовым позициям немцев.

Впервые шел в разведку и Вали. Не было времени подготовить молодых солдат к новому заданию. Командир с какой-то грустью взглянул на бойцов. Может, вспомнил тех, опытных разведчиков, которые недавно погибли? Может, догадывался, что больше не увидится и с этими бойцами?

Молодые солдаты сдали документы и ушли в ночь, под теплым редким дождем.

Вали спросил о командире, как только открыл глаза. Он был благодарен человеку, который доверил ему

большое дело. Вали мог бы о многом рассказать комбату. Но, наверное, уже поздно. Гитлеровцы на рассвете вновь пошли в наступление. Вали подобрали санитары другой части. А из своей — пошла официальная бумага: «геройски погиб при исполнении...»

И не знал Вали, что эту бумагу бережно везет на фронт Бегимхон. Не знал. И даже не думал.

В ответ на письмо, которое он послал из госпиталя, пришло чужое, написанное с нескрываемым злорадством. Все было в этом конверте... «Пока вы проливаете кровь...» «Базаров выгодный любовник...» «Бежала с ним в Ташкент».

Слова подбирались умело, без спешки. Тот, кто писал, готовил настоящий удар, способный свалить и здорового человека.

Это письмо нашли под подушкой, когда Вали потерял сознание. Нашли и спрятали. Позже Вали требовал, шумел. Но сосед по палате, хладнокровный, рассудительный сибиряк, сказал ему просто и убедительно.

— Брось, парень, психовать. Живи... Тебе вернули жизнь, а ты мечешься на койке. Плюнь на все... Разве она заслуживает этих мук?.. Живи на горе врагам.

Бегимхон стала врагом. Самый близкий и любимый человек.

И когда Вали, ворвавшись на полуторке в расположение части, разыскал «женскую землянку», то без стука толкнул дверь. Так не поступал никто из бойцов этой части. Девушки взвизгнули. Но он не дал им опомниться.

— Бегимхон! Где Бегимхон?

Она спала. И этот крик, казалось, снился ей.

Узкая тропинка, серебристые ветки джиды, далекий рокот мотора... И вдруг крик.

— Бегимхон!

Девушки поняли только одно: случилось что-то важное, необычное. Медлить нельзя. Они растолкали подругу. Бегимхон долго, не понимаяше смотрела на Вали. Боец тоже замер.

— Бегимхон!

Теперь он только прошептал ее имя. От этого шепота Бегимхон покачнулась, закрыла ладонями лицо и медленно стала клониться на бок.

Вали подбежал, схватил ее за плечи, крепко сжал.
— Бегимхон! Родная!

Она ничего не слышала. По-прежнему боялась отнять ладони от лица. Неужели такое может случиться!

Присутствующие девушки знали, что у Бегимхон погиб муж. Кто же этот человек, который так стремительно ворвался в землянку? Они боялись пошевелиться, нечаянным движением или словом выдать свое присутствие, помешать неожиданной встрече.

— Вали!— наконец Бегимхон отняла ладони от лица, посмотрела на мужа.— Это вы?

— Я... я!— твердил он.

— Где же вы были... Где? Я плакала над чужими могилами... Я искала...

Дрожащие пальцы не могли расстегнуть нагрудный карман. Пуговица вырывалась. Наконец Бегимхон вытащила бумажку и молча протянула мужу.

— Но я вас искала...

Вали читал официальные строки о своей гибели, чувствовал рядом дыхание жены, ее взгляд... И все те слова из чужого злого письма, и какой-то Ахмед Базаров, сейчас показались до удивления мелкими, ничтожными недоразумениями, о которых не стоит и вспоминать.

МЕСТО В СТРОЮ

Встретившись с Бегимхон и Каракош, Адолят Сахибова рассказала им о своей фронтовой жизни.

Этот рассказ часто прерывался восклицаниями.

— Не могу поверить, что ты здесь...— удивлялась Адолят, обращаясь к Бегимхон.— Ты же у нас самая тихая была. Помню, звала с собой на фронт.

Бегимхон даже побледнела:

— Я не фронта тогда испугалась...

— Знаю, знаю...— Адолят сверкнула глазами.— Ох, эти старые законы. Что скажут родные? Что скажут соседи? Женщина бросила дом, поехала в чужие края. А там, конечно, есть мужчины.

— А мы вот так с этими законами.— Адолят сжала кулачок.— У нас есть свои права!

Каракош невольно залюбовалась девушкой. Адолят

красива. И сразу видно, что смелый человек. О последних неприятностях она отозвалась небрежно.

— Какой солдат без взысканий... Опоздали мы минут на десять. Но не по нашей вине. И, конечно, не к кавалерам ходили. Глупо. В соседний батальон прибыло новое пополнение из Узбекистана. Решили, что вдруг земляков найдем. Ничего... Взыскание пустяковос.

— О тебе многие знают...— успокоила подругу Бегимхон.— Говорят, о тебе в газете писали.

— Писали...— неохотно согласилась Адолят.— Но я...

Она задумалась, подыскивая нужные слова.

— Я хорошо понимаю... Есть в этом деле какая-то случайность выбора. Вот девушка. Приехала издалека. Давайте напишем.

Бегимхон замахала рукой.

— Перестань, перестань. Если бы ты струсил, и тогда в кишлаке не поверили бы...

Адолят опустила голову, вздохнула, помолчала. Так готовятся к самому откровенному разговору.

— Я тоже считала себя не из трусливых. Но когда приехала сюда, милые мои, сознаю, что стало страшно. Ой, как страшно... И вы знаете чего боюсь?

Она смотрела на женщин. В глазах исчез задор. И говорила Адолят уже тише.

— Смерти не боюсь! Другое меня страшит. Видела, я одну девчонку. Наташей звали. Красивая, стройная. Когда в учебном батальоне проходила, все ребята подтягивались. Вот у нее, у Наташи, оторвало ногу... Ой, девочки!

Адолят замотала головой.

— Не могу забыть. Не могу. До сих пор!

Сейчас она совершенно не была похожа на бойкую девушку. В кишлаке Адолят побанвались даже уважаемые люди. Однажды она выступила на собрании и от имени комсомольцев так отчитала председателя, что тот дня три отсиживался дома. Бухгалтер бегал подписывать бумажки к нему. Колхозники вежливо передавали через бухгалтера свои приветы и добрые пожелания здоровья. Это еще больше бесило человека, повинного во многих бедах артели.

Адолят первой поехала на фронт. Она иначе не могла поступить.

Кто-то пустил слух, что Адолят уехала за Норматом Джаббаровым, молодым командиром. За год до войны молодой лейтенант появился в районе. Родом он был из соседнего кишлака. Девушки, краснея и смущаясь, шептались, опускали глаза, когда в клубе появлялся лейтенант. А вот Адолят Сахибова пригласила молодого командира на занятия кружка «Ворошиловский стрелок».

Лейтенант был удивлен неплохими результатами стрельб из малокалиберной винтовки. Особенно результатами Адолят.

— Меткий глаз!—похвалил он.

Адолят не смутилась.

— Да... На свои глаза не жалуюсь.

Боевой командир не знал, что ответить. Фраза явно двусмысленная. Глаза у девушки были черные, огромные. К тому же эти глаза смеялись.

Вышло так, что лейтенант проводил Адолят по узкой кишлачной улице.

Высились глинобитные дувалы. Не скрипели калитки. Но они оба чувствовали на себе любопытные взгляды.

Адолят не выдержала и со смехом спросила:

— Не бонтесь?

— Чего? — не понял лейтенант.

— Теперь о нас пойдет разговор. Жених и невеста. Достаточно пройтись один раз.

— А мы будем ходить чаще. Все равно не избежать разговоров.

— Вы смелый человек, товарищ лейтенант...

— Да и вы, Адолят, не из робкого десятка.

— Иначе нельзя...—с вызовом ответила девушка.

— Со всеми вы так поступаете?—поинтересовался командир.

В голосе появились странные нотки, которые не понравились Адолят.

«Почувствовал внимание к себе, загордился»,—мелькнула догадка.

— Со всеми!—вызывающе ответила она.

Не было у них особой причины ссориться. Но какая-то неведомая сила, словно подогрела их: кто кого?

— Думаю, что с такими глазами вы сделаете большие успехи...—сказал Джаббаров.

— Постараюсь, товарищ лейтенант...—с прежним вызовом ответила Адолят.

Потом они избегали друг друга. До самого отъезда Джаббаров ни разу не увидел Адолят.

Что за глупая выходка. Ругала ли себя Адолят?

Об этом она ни с кем не делилась.

И вдруг известие... муж Бегимхон жив. Служит в соседней части. «Вали из Андижана», оказывается, разыскивал Адолят. По просьбе капитана Джаббарова.

Да, Адолят часто вспоминала молодого командира. Надеялась она и на случайную встречу. Из кишлака ей все-таки сообщили, что капитан Джаббаров недавно был в краткосрочном отпуске. Приехал из госпиталя.

Спрашивал ли капитан о ней?

Об этом ничего в письме не было сказано. Наверное, не спрашивал.

А на фронте разыскивает...

Она не знала, что ответить Бегимхон. Радость прятала. Опустила свои огромные глаза, которые всегда выдавали ее настроение.

* * *

— Ты счастлива, родная Бегим, ты не скрываешь этого.

— Не скрываю, Каракош. Не скрываю. Я могу кричать об этом.

Бегимхон сдвинула шапку и задорно подняла голову.

— Хочешь, крикну.

— Не надо. Верю тебе, — улыбнулась Каракош.

Они шли по узкой лесной тропке. В просвете деревьев виднелись землянки, повозки, машины. Мирно дымилась походные кухни.

Выпало несколько свободных минут. Можно пройтись не спеша, поговорить о самом сокровенном.

— А твое настроение мне не нравится, — сказала Бегимхон. — В последнее время ты всегда задумчива. В чем дело, Каракош?

— Когда-то этот разговор все равно должен произойти.

— Я не могу больше так, Бегим... Не могу.

Каракош говорила с горечью, говорила о своих планах, о своем желании мстить врагу.

— Но что получилось? Мы стоим на дороге, смотрим

на раненых, смотрим на здоровых. А сами... Что сами сделали?

Бегимхон, конечно, не задает этот вопрос. Ее можно понять. Голова кружится от счастья. Бегимхон удивленно смотрит на подругу.

— Мы же на фронте...— напоминает она.

— Знаю, знаю... Но я хочу...

Легла складка на лбу. Все чаще появляется она при разговоре. Каракош — упорный человек. Каким только преграды не стояли у них на пути. Доехали до Москвы. Оказались на фронте. А Каракош этого мало.

-- Что же ты решила?— спросила Бегимхон

Каракош пожала плечами. Наверное, твердого решения пока нет. Она хочет проверить свои силы. Ей нужно посоветоваться, все взвесить.

— Может, ты обиделась на старшего лейтенанта?

Михайлова, конечно, сгоряча «влепила» два наряда вне очереди бойцу Садыковой. Но чего не бывает в солдатской жизни

— Глупо обижаться. Любое наказание можно вынести из-за такой встречи.

Бегимхон сжала локоть подруги. Редко они проявляют свои чувства открыто...

— Спасибо, Каракош...— прошептала сдержанно Бегимхон.

Скрипел под ногами снег, потрескивали сухие веточки. Изредка, нарушая тишину, раздавался далекий гул самолетов.

Слабый ветер донес запах дыма. В морозном воздухе он особенно давал о себе знать.

Не хотелось выходить из леса, из тишины и покоя. В последнее время Каракош и Бегимхон даже привыкли к холоду. Плохо, если подует ледяной ветер. А сейчас, когда даже веточка не дрогнет, ничего... Только за уши чуть-чуть пощипывает.

Ничего... Скоро весна... Здесь она не такая быстрая, теплая. Но все равно, будет легче.

Будет ли?.. Затишье не может долго продолжаться. Это чувствуется по интенсивному движению. Проходят колонны машин, идут батальоны... Туда, к передовой.

С тоской поглядывает вслед Каракош. Конечно, и здесь война. И здесь можно столкнуться с врагом. Каракош об этом знает. Она уже имеет благодарность за

бдительное несение службы. Так отмечалось в приказе. Но Каракош продолжает смотреть вслед уходящим войскам.

— Тебе, Бегим,— говорит Каракош,— хорошо перейти в автобат, к Валиджану. Быть вместе, рядом! Какое счастье...

— А как же ты?— спросила Бегимхон и сама почувствовала, что вопрос прозвучал не очень искренне. Мысль о переходе в автобат несколько дней не дает покоя Бегимхон. Но она уже столкнулась с армейскими законами, знает о строгих порядках. Что же получится, если каждый начнет по собственному желанию выбирать место службы?

Правда, Бегимхон схватилась за спасительную фразу, которую произнесла сержант Бобровникова.

— В виде исключения...

Серьезная фраза. И она понравилась Бегимхон. Но Бобровникова сказала ее не очень твердо. Сама, наверное, не верила в возможность перехода. Однако посоветоваться со старшим лейтенантом Михайловой следовало бы. Этот человек должен понять Бегимхон. Понять и помочь. Неужели в автобате не найдется дела для одной женщины.

Бегимхон опять поймала себя на мысли, что думает только о своей судьбе. Каракош заметила:

— Ты что сникла? Замерзла?

— Нет, нет. Мне даже жарко...— оправдалась Бегимхон.

Каракош не стала спрашивать подругу, а просто кивнула, согласилась:

— Бывает... Мне вот тоже подумать надо.

— Что же ты решила?— с некоторым опозданием спросила Бегимхон.

— Решила...

У землянки женщины неожиданно встретили парикмахера. Он сам задержался, раздумывая заходить или вернуться к требовательным клиенткам попозже.

— Как хорошо!— обрадовалась Каракош.

— А тебе-то зачем я?..

Каракош сделала резкий жест рукой.

— Хочу отрезать...

— Такие волосы!— ахнул парикмахер.— С ума сошла! Разве они мешают?

— Пока нет.

— А потом?

— Будут мешать. Я решила проснуться в снайперы.

— Ишь ты...— улыбнулся парикмахер.

Так улыбаются неожиданным заявлениям детей.

— Да, да... Я приехала воевать.

— Не горячись,— посоветовал парикмахер.— Пойдем в «курилку», присядем и спокойно все обсудим.

«Курилка» — одно название. Это просто скамеечка, а в ногах ржавый бочонок от солярки. Кури и бросай окурки. Собственно, как ие тут окурки. Люди пальцы обжигают, а продолжают дымить.

— Садись...— пригласил парикмахер и стал старательно свертывать «козью ножку».

— Может — закуришь? — усмехнулся он.— Ведь ты настоящий солдат уже.

Каракош отрицательно мотнула головой. А на усмешку решила не обращать внимания.

— Ты, помнится, пулеметом интересовалась...— спросил парикмахер.

— Было... Трудно с пулеметом. Там такие здоровые ребята.

— Это мне нравится, что ты серьезней стала рассуждать.

Он с наслаждением затянулся и выпустил синеватый дымок.

— В снайперы?!— парикмахер задумался.— Почему именно в снайперы? Услышала о чужой славе?

— Нет!— резко ответила Каракош.— Я ни о какой славе не слышала и не думаю. Я приехала сюда воевать. Мстить за мужа...

Парикмахер покосился на разгоряченное лицо Каракош, тронул ее за локоть.

— Прости. Я так... Давай о деле поговорим.

Он внимательно слушал Каракош. Повидавший жизнь человек, располагал людей к откровенному разговору, пытался им помочь в меру своих сил.

— Мстить...— повторил парикмахер.— Ты думаешь, что если надела шинель, то все можешь. Ошибаешься. Солдатскому делу нужно учиться. Фриц это не травинка, не былинка, которую взял и вырвал. Фриц умеет воевать. Он хорошо вооружен. А ты... Пока легко у тебя получается.

— Почему легко?— удивилась Карakoш.

Кажется, она все хорошо обдумала, подробно растолковала. А ее опять не поняли.

— Потому и говорю, что мало отрезать волосы! Ты можешь их сберечь и бить фрица. Волосы не помеха. Снайперское дело тоже требует таланта. Не всякий сможет.

— Меня хвалили на курсах...— сказала Карakoш и почувствовала, как запылали щеки.

— Что там на ваших курсах. Пару раз пальнули и все.

Он докурил «козью ножку», старательно, до последней затяжки. Уже запахло горелой бумагой.

— Сведу я тебя с одним человеком. Проверит. Потом будем решать...— заключил старый боец.

* * *

«Вот тебе и свел!»— с горечью подумала Карakoш.

Она готова была разреваться на всю землянку. Но с трудом сдерживалась. Всполошатся девушки, начнут успокаивать.

«Вот тебе и свел!»

Почему в жизни столько неожиданностей. Только поговорила с хорошим человеком, как на крыльях, возбужденная, влетела в землянку, а здесь...

— Тебя старшина Акимов вызывает...

Ни разу еще Карakoш не сталкивалась с этой строгой женщиной. Как и многие, побаивалась ее.

Старший лейтенант Михайлова — совсем другое дело. С ней можно поговорить. В конце концов объяснить.

Старшина Акимов — еще совсем молодая женщина. А похожа на суровую свекровь. Все ей не по праву. Много рассказов ходит об Акимовой. Даже не поймешь, что в них правда, а что выдумка горячих голов.

Карakoш еще не сталкивалась по-настоящему со старшиной. Недавно, когда Карakoш «отрабатывала» свои наряды, Акимова заглянула на кухню.

— Молодец!— похвалила старшина.

Карakoш действительно хорошо потрудилась, но все равно не ожидала похвалы. Говорили, что от Акимовой доброго слова не услышишь.

На этом и закончилось знакомство со старшиной.

И вот вызов.

Ничего хорошего от новой встречи Каракош не ждала.

Так и есть.

— Вы — на все руки...— издалека начала Акимова.

А лицо у нее совсем не строгое. Просто усталое, как у людей, обремененных постоянными заботами.

— Вот мы вас и пошлём спасать положение. На кухню.

Акимова улыбнулась. И сразу у глаз сбежались морщинки. Ранние, совсем недавние морщинки.

Каракош растерянно смотрела на старшину. Всего ожидала. Только не этого. Приехать на фронт, чтобы проторчать у котла. Ничего себе!

— Что же вы молчите?— спросила старшина.

— Я слушаю...— неуверенно ответила Каракош.

— До меня дошло, что вы хорошая кулинарка.

Акимова поняла растерянность бойца. Все стремятся к героическим делам. Конечно, должность повара — довольно скромное место.

— Кулинарка?— переспросила Каракош.

— Это значит, великолепно умеете готовить.

— Как все женщины. К тому же я не умею варить такой борщ. Или кашу...

— Одно название...— поморщилась Акимова.— Всем осточертела порядком эта каша.

Старшина считала вопрос решенным, согласованным с командиром.

— Завтра приступите!— коротко заключила она.

...Ну как тут удержать слезы.

Бегимхон тоже не спит. Рассказала Каракош о новом назначении. Говорит, а сама кусает губы.

Бегимхон понимает состояние подруги. Завтра явится парикмахер, чтобы познакомить с хорошим снайпером, а она орудует у кухни, пробует суп: не пересолила ли.

...Утром ее подняли раньше всех. Еще было темно, когда дежурный потряс за плечо.

Дежурила Валя. Перевода Каракош на кухню она не одобряла. И все-таки зрело заметила:

— Что поделаешь — приказ...

На рассвете ей тоже хотелось сказать что-нибудь бодрое, веселое. Однако Валя разучилась шутить.

— Иди... Ничего, все образуется.

Кухни уже дымили. Привыкнув к дисциплине, Каракош почти побежала. Надо же в первый день и опоздать! Что о ней подумают...

Но у полевой кухни возился пожилой боец. Он не был похож даже в солдатском бушлате на военного человека.

— Ты чего, как на пожар?

Никаких знаков различия. Как ему доложишь...

— Я вот... На работу...

— У нас — служба, — проворчал боец.

— На службу, наверное, опоздала, — поправилась Каракош.

— Не опоздала, — успокоил он. — Это я пораньше встаю.

Боец осмотрел Каракош и спросил:

— Новенькая? К нам?

Не ожидая ответа, он попросил рассказать о «своих кулинарных способностях».

— Ну, что умеешь делать?

Каракош с трудом удержалась, чтобы негрубо ответить о полном отсутствии этих «самых способностей». Но перед ней был пожилой человек... Он годился ей в отцы. Нельзя такому человеку грубить. И она перечислила: плов, лагман, шурпа...

— Мудреные названия. Но делать будем, исходя из наличия продуктов. На сегодня продукты уже отпущены. Будем варить...

— Кашу... — подсказала Каракош.

Он понял по интонации. Каша давно всем надоела. Вот и эта девчонка не выдержала, уколола.

— У нас, наверное, одинаковая судьба... — дружелюбно сказал боец. — Я рвался воевать... Искал свое место в строю. А мне говорят, куда тебе, старый хрыч. Винтовку не удержишь. Отбухал свое в гражданскую и хватит. Давай, становись к кухне. Вот и кормлю солдат. Меня, значит, по старости за настоящего бойца не принимают. А тебя по молодости. Наверное, не научили как следует. Оно — военное дело, мудреное. Каждый день учиться надо. Фриц-то может первым подстрелить.

У повара рыжие, жестковатые усы. Иголками топорщатся. Он то и дело проводит по ним тыльной стороной ладони, подправляет.

— Ясно, девушка? Кстати, как тебя зовут?

— Каракoш... Бoец Каракoш Сaдыкoвa...

— Мудрeнoе имя... Каракoш. Нo я зaпoмню. Пaмять, слaвa бoгу, eщe eсть. A мeня зoви Гaврилычeм. Прoстo, пo-русски. Зaпoмнишь?

Он впeрвыe улыбнулcя, и жeсткие уcы мeтнулcя ввeрх.

— Кoнeчнo, зaпoмню.

— A учитьcя cолдaтcкoй нaукe ты будeшь! Мы eщe пoкaжeм нa чтo cпocобeн oбoз. Хoрoшo?

— Хoрoшo! Пoкaжeм. Нaйдeм мecтo в cтpoю...— cкaзaлa Каракoш.

И лeгкo cтaлo нa ceрдцe у нee пocлe этoгo рaзгoвoрa. Тaк лeгкo лeгкo пocлe вcтpeчи c дoбрым чeлoвeкoм. Зa пocлeднee вpeмя Каракoш нe рaз иcпытывaлa пoдoбнoe чувcтвo. Вeзлo eй нa вcтpeчи c хoрoшими людьми.

Вapить кaшy? Будeм пoкa зaнимaтьcя и этим нужным дeлoм. Каракoш oбъяcнилa Гaврилычy, пoчeму кaшa пoлучaeтcя нeвкycoнoй.

— Прeснoвaтa, чтo ли?— cпpocил пoвap.

— Вoт, вoт... Имeннo прeснoвaтa.

— Ишь ты!— уcмexнулcя Гaврилыч.— A гдe я нaйдy тeбe вcякнe cпeции?

— Дa вoт жe ящик лyкa.

— Ну и чтo?

— Пoджapим...

— C лyчкoм, знaчит?

Кaшa нa этoт рaз пoлучилaсь дoвoльнo вкycoнoй. Сoлдaты cтaли блaгoдaрить Гaврилычa. A он cидeл нa бpeвнe, кypил и кивaл нa нoвyю пoмoщницy.

— Ee рaбoтa...

— Смoтpи, Гaврилыч, чтoбы нe cбeжaлa.

Oкaзывaeтcя, oт этoй тихoй, нo в тo жe вpeмя дoвoльнo хлопoтнoй cлужбy чacтeнькo уклoнялись бoйцы.

— A вы oб этoм мoлчaли...— c укoрoм cкaзaлa Каракoш.

— Тaким oпытoм дeлитьcя нe cтoит,— рacсудитeльнo зaявил Гaврилыч.— Eщe нaвocтpишь лыжи...

Каракoш пpомoлчaлa.

— Ну, чeм зaвтpа удивишь?— cпpocил Гaврилыч.

— Eсли мoркoвь дocтaнeтe, плoв будeм дeлaть.

— Смoтpи, дeвкa, избaлуeшь нaрoд. Будeшь вcю вoйну кyхapить... Дo Бepлинa c пoвapeшкoй дoйдeшь...

— Пoсмoтpим...— нeoпpeдeлeннo oтвeтилa Каракoш.

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Стояла плотная темнота. Доносился гул издалека. На небе ни одной звездочки.

— Погодка не для десантов,— проворчала Валя.

— Разговорчики...— раздался резкий голос Акимовой.

Бойцы притихли. Все находились в предчувствии боевой тревоги.

Неужели немцы снова двинулись в наступление?

— Шагом а-арш!— прозвучала приглушенная команда Михайловой.

Конечно, противник где-то еще далеко. Однако все может случиться. Боевая тревога.

Взвод за взводом двигаются к темной кромке леса. Что там притаилось за мрачными деревьями? Кто ждет?

— Говорят, десант высадился.

— Ночью гудели самолеты.

— Они всегда гудят.

И опять, перекрывая шепот, голос Акимовой.

— Разговорчики...

Наверное, только у старшин прижилось это слово. Стоит ли из-за каких-то реплик беспокоиться.

«Пожалуй, стоит...— подумала Каракош.— Разрешите только нам поговорить».

Она даже хмыкнула.

— Ты что?— удивилась Валя.

— Так... Представила одну картину...

— Что тут представлять...— прошептала Валя.— Немец под носом.

А страха не было. Удивительно... Но не было. Может потому, что они все вместе, что в руках у них оружие, что надоело долгое, томительное ожидание неизвестности.

На курсах было три-четыре учебных тревоги. Девушки стремительным марш-броском проходили по темным улицам города. Беда, когда у кого-нибудь из бойцов, например, звякнет малая саперная лопата о приклад винтовки. Или даст о себе знать котелок. Все снаряжение нужно пригнать быстро и ловко.

Жаль, что дни учебы были короткими...

Сейчас за это «звяканье» одним нагоняем старшины

не отделаться. Можно нарваться на пулю. Или вызвать огонь вражеских минометов и орудий!

— Бегом!— раздалась новая команда.

Придерживая противогазы (всегда они отчаянно болтаются), девушки, тяжело дыша, бежали по проселочной дороге.

Деревья равнодушно застыли, скрывая небо. А может, где-нибудь и был просвет. Но небо тоже темное, угрюмое. Его не отличишь сейчас от хмурых ветвей.

Лес стал редеть... Там, за деревьями, начинался простор полей. А дальше снова зазеленились островки хвойного леса.

Взвод развернули в цепь и приказали занять оборону.

Земля была твердой, мерзлой, будто камень. Саперная лопатка со звоном отскакивала. Казалось, вот-вот выскочит искра.

Бегимхон приходилось работать на поле. Она знакома с доброй, мягкой землей.

А эта...

Но ругать землю нельзя. Вон какие огромные деревья она подарила людям... Даже мерзлая, суровая земля заслоняет солдат от пули.

Удобное углубление, которое называется ячейкой для одиночного бойца, нужно приготовить быстро. До Каракос и Бегимхон уже доносятся недовольные голоса командиров.

— Еще не готово?

— Сколько можно копать?

В данном случае это слово очень удачно подходит. Каракос опять хмыкнула.

— Ты что?— прошептала Бегимхон.

— Русский язык изучаю.

Бегимхон, ничего не поняв, продолжала долбить землю. Мерзлые куски ложились перед ячейкой: бруствер должен служить надежным укрытием. Чтобы не было заметно свежих комьев, бойцы прикрывали их ветками.

— Плохие из нас солдаты...

Каракос критически осмотрела свою работу.

— Не сразу рождается солдат...— раздался шепот Вали.

Но у нее ячейка получилась лучше. И бруствер прикрыт аккуратней.

— Вы слишком перестарались. Вишь, сколько хворо-

ста положили. Словно костер решили делать. Сразу видно, что здесь человек скрывается.

Каракoш и Бегимхон стали отбрасывать лишние ветки.

— Что вы здесь копошитесь?

Акимова подползла совсем незаметно.

— Веток набросали...— неодобрительно продолжала она.— Все не по-людски. Чему вас учили...

Ох, товарищ старшина, всему учили. Беда в том, что мало учили. Торопились. И разве сейчас, в эти тревожные минуты, в ожидании врага, все запомнишь. Надо привыкнуть. Если сегодня будет бой, то это первый бой в жизни.

Понимает старшина... Все понимает. Но существует дисциплина, уставной порядок. В тоненьких книжечках, в воинских уставах все сказано. Определены размеры ячейки и размер бруствера. И не должно это вылетать из головы в самой сложной обстановке.

Старшина Акимова долго, удивленно смотрела на Каракoш.

— А вы почему здесь?

Каракoш не менее удивлена таким вопросом.

— Тревога...— забормотала она.— Все построились.

— Господи,—совсем не по-командирски вздохнула Акимова.— Что же мне делать с вами?

— Мы здесь...— начала Бегимхон.

Что она хочет сказать в защиту Каракoш?

— Молчать!— оборвала старшина.— А вы, боец Садыкова, немедленно возвращайтесь. По тревоге вы должны быть на своем месте.

— У кухни?— удивилась Каракoш.

— Да... Вы — у кухни. Там ваш боевой пост.

Каракoш с трудом сдерживала слезы. Почему так не везет! Здесь будет бой, а она должна чистить картошку.

— Люди выйдут из боя, а им нечего будет есть. Немедленно!..

Каракoш поднялась.

— Бегом!— напомнила Акимова.— К лесу. И смотрите не заблудитесь.

— Каракoш!— торопливо заговорила по-узбекски Бегимхон.— Если что со мной случится, передай Валиджану...

Но Карakoш уже не слышала шепота подружки. Она бежала к лесу. Спешила, не пытаясь вытирать слез.

* * *

Карakoш все-таки заблудилась. Она помнила проселочную дорогу. Но сейчас, на рассвете, не могла ее узнать. Где-то дорога расходилась в разные стороны. Наверное, там Карakoш и свернула не туда. Стали одолевать сомнения.

Не может быть, чтобы она так долго шла к расположению части.

Ни запаха дыма, ни шума... За спиной раздавалась приглушенная расстойным стрельба. Не иначе шел бой...

Лес заглушал звуки. Он словно приглашал Карakoш отдохнуть под защитой своих могучих ветвей.

Шел бой, а Карakoш обесспленная сидела у толстого ствола. На свой «пост», к кухне, она, конечно, опоздала. С передовой позиции — ушла. Как это называется? Это называется одним страшным словом: дезертирство.

Конечно, можно найти оправдания.

Хотя на фронте не существует оправданий. Все правильно. Старшине Акимовой есть чему удивляться. Но сигналу боевой тревоги каждый занимает свое место. Карakoш вспомнила, как девушки-радистки, которые жили у них в землянке, метнулись куда-то в сторону.

Разумеется, на свое место.

Командиры были уверены, что и Карakoш знает о простейших уставных положениях. Но они...

Карakoш задумалась. Почему, например, старшина не заметила оплошности молодого бойца сразу, еще в строю.

Нет... Не надо никого обвинять. Сама виновата.

Там идет бой... Теперь и туда Карakoш не найдет дорогу. А если идти на выстрелы?

Она продолжала сидеть, прислонившись к стволу огромного дерева, продолжала думать о сложившейся ситуации.

На курсах было несколько занятий по военной топографии. Девушки учились «ходить по азимуту», пользоваться компасом и картой. Но даже если бы у Карakoш были сейчас все эти предметы, она не смогла бы ими воспользоваться.

Та же причина — слишком мало учили. Кого обвинять? Враг подошел к Москве. Страшное, тяжелое время. На фронте нужны солдаты. Будущий боец получает минимум знаний. Остальное в ратном деле зависит от смекалки, воли, смелости и характера вонна.

Нужно идти. Нужно, в конце концов, присмотреться к дороге. Здесь прошли бойцы. Здесь должны остаться следы. Но следов нет. Значит, Карakoш на развилке свернула не в ту сторону. Она сейчас идет параллельно передовым позициям. Звуки выстрелов не отдаляются.

Надо взять себя в руки, принять решение.

И Карakoш повернула назад.

Она была уверена, что так и следует поступить. Именно так.

Уже совсем стало светло. На развилке дорог Карakoш нашла следы. Даже на твердой мерзлой земле их можно было заметить

Теперь выстрелы отдалялись.

Что происходит там? Судя по выстрелам шел бой, как о нем говорят, местного значения. Перестрелка с какой-нибудь вражеской группой. Наверное, действительно выброшен немецкий десант.

Карakoш зашагала быстрее. Старшину Акимову можно понять, когда она возмущалась такой военной неопытностью. Бросить пост?! Пусть это будет обыкновенная полевая кухня.

И что же сейчас получится. Ее подруги вступили в бой с фрицами, а Карakoш разгуливает в тихом лесу, встречает рассвет.

Сжав ремень автомата, Карakoш побежала. Однако с «полной выкладкой» далеко не убежишь. В этом, кажется, убедились девушки еще на курсах.

Самое страшное в ее положении — растерянность, неизвестность. Никаких указателей в лесу нет. Карakoш остановилась, перевела дыхание, осмотрелась. Что-то белело впереди на ветвях деревьев.

Словно кусочек неба. Но оно не могло быть таким светлым

Карakoш подбежала ближе... Это был парашют. И, конечно, немецкий. Карakoш сдернула автомат, резко щелкнула затвором. Звук оказался слишком громким.

«Разве так можно... — с досадой подумала Карakoш. — Настоящий боец не будет поднимать шум...»

Она прижалась к дереву и стала ждать: откликнется ли кто на резкий звук металла.

Лес молчал... Этот немец, чей парашют болтался на ветках, изредка пузырясь от легкого ветра, видно, был труслив. Он позже всех прыгнул из самолета, и фрица отнесло в сторону.

Лес молчал. Перебегая от дерева к дереву, Карakoш прислушивалась к этой, теперь уже обманчивой тишине.

И вдруг... Она замерла. Скорее всего Карakoш ощутила присутствие людей, прежде чем их увидела. Три или четыре бойца двигались цепочкой по лесу. Они держали винтовки наперевес, готовые немедленно открыть огонь по врагу.

Бойцы двигались медленно, соблюдая все меры предосторожности, прячась за стволами деревьев.

Карakoш стремительно прижала ладонь к губам: крик мог вырваться. Ясно, что кричать и разговаривать сейчас нельзя.

Она подождала, когда один из бойцов оказался совсем рядом. Карakoш услышала его дыхание и, подняв левую руку (так поступала на посту, у шлагбаума), вышла навстречу. Боец вздрогнул, остановился. Остановились и другие.

— Там... — шевельнула Карakoш губами и показала в сторону, где на дереве застрял парашют.

Боец понимающе кивнул и сразу же зашагал вперед. За ним — остальные. Карakoш решила, что ей тоже надо идти с ними. Раз молчат — значит, надо идти.

Изредка он поворачивался, словно спрашивал: правильно ли. Карakoш кивала: да.

Парашют продолжал болтаться на дереве. Боец внимательно осмотрел следы.

— Ушел.

Приблизились еще двое.

— Ушел! Надо двигаться за ним.

Теперь они разговаривали спокойно. Судя по следам, немецкий десантник, освободившись от парашюта, стремительно побежал. Это теперь видно по обломанным веткам.

«Как же я не заметила?..» — сокрушенно подумала Карakoш.

— А ты как сюда попала, девушка? — не слишком вежливо спросил один из бойцов.

— Я возвращалась в часть.

— Ты чья?

— Из подразделения Михайловой... Старшего лейтенанта Михайловой.

— Что же ты все секреты выбалтываешь? А если мы переодетые немцы...

— Не-е!— сказала Карakoш.— Я вас видела в части, товарищ сержант.

— Значит, заметная личность?— улыбнулся сержант.— А я и не знал.

— В газете был портрет.

Сержант нахмурился.

— Хватит комплиментов. Ты как сюда попала?— повторил он вопрос.

— Возвращалась...

— Взвод Михайловой вступил в бой с десантниками. А ты разгуливаешь по лесу? Сбежала?

У Карakoш дрогнули губы.

— Послали на кухню.

— Из боя? На кухню? Ты нам что морочишь головы, милая?

— Я... Там мой пост.

Голос ее дрожал, и она не могла внятно рассказать о том, что с ней произошло.

Бойцы слушали Карakoш невнимательно.

— Ну, это дело не наше...— серьезно сказал сержант.— Вернемся— расскажешь кому следует... Из боя— на кухню. Видал, чего захотела?— Он посмотрел на Карakoш.— Пойдешь с нами... Вернее за нами. Ясно?!

Снова колючий кустарник, спасительные стволы деревьев. Под одним из них были следы.

— Отдыхал... Выстрегал себе палку. Да вы смотрите, он хромает... Наверное, вывихнул ногу.

Карakoш с восхищением посмотрела на сержанта. Молодец, как он представил всю картину! Карakoш даже простила сержанту грубые, оскорбительные слова.

Немецкого десантника они догнали часа через полтора...

— Ложись!— крикнул сержант.

Но было уже поздно. Автоматная очередь распорола тишину. Пули зашелкали, обивая кору деревьев, срезая ветки.

Каракoш вскрикнула. Она не успела лечь, спрятаться от этого шального, страшного града. У нее еще не было такой споровки, как у бойцов.

— Ах, девка!— не выдержал сержант. Потом крикнул:— Сдавайся, сволочь! Хенде хох!

И снова в ответ — длинная очередь.

— Что с тобой?— не поворачивая головы, спросил сержант.

— Ничего...— ответила Каракoш.— По-моему, нуля только задела.

— Терпи, черноглазая, терпи... Мы его, гада, сейчас все равно возьмем!

* * *

Адолят Сахибову привезли в госпиталь на рассвете. У нее была перебита рука. Одна из пуль задела щеку.

— Смотри, как чиркнула, подлая...— не выдержала медсестра.— По такому лицу!

Несмотря на кровь, на бледность, Адолят выглядела красивой.

— Бедняжка. Теперь будет со шрамом...

— Ты о своем, Лариса. Право, ветер у тебя в голове. Человеку надо жизнь спасать, а ты о красоте.

— Жизнь-то спасем...— сказала медсестра. А это... Будет ли она радоваться жизни.

— Кто жизни не радуется...— заметил пожилой фельдшер.— Воробей и тот...

У фельдшера за спиной долгая и трудная жизнь. Только за первые месяцы войны вдоволь насмотрелся на человеческое горе. Он видел, как некоторые бойцы, очнувшись после сложной операции, металась на койке, и просили их пристрелить.

— Кому я нужен калека...

Все было. Но жизнь брала свое. Учились солдаты ходить, осваивали костыли, скрипучие протезы. Пытались зубами сжимать карандаши и писать: ма-ма.

Все было...

А Лариску можно понять. Сама смазливая, потому и переживает за лицо совсем молоденькой узбечки.

— Что с ней будет?...— не унимается Лариса.

— Перестань, глупая...— говорит фельдшер.

Но сам отворачивается. Пусть не видят, как дрогнули губы.

Днем Адолят Сахибову увезли на операцию. Долго, терпеливо хирург накладывал швы, «приводил в порядок» раздробленную руку.

— Что с ней будет? — не выдержала Лариса. — Что, товарищ майор?

Майора медицинской службы ждут новые больные. А значит — новые операции еще и еще... Но он понимает Ларису.

— Очнется — посиди с ней. Успокой. Все будет хорошо. Главное, чтобы с рукой обошлось.

— А шрамы?

— Шрамы — чепуха. У этой девушки огромные черные глаза. Достаточно для человека и этой красоты.

Он еще пытается шутить, майор медицинской службы.

— Следующего!

Это как команда к бою. Начинается сражение за новую жизнь. Из такого сражения нельзя выходить побежденным.

В утренние часы привезли еще одну девушку.

Лариса открыла красноармейскую книжку: Каракoш Садыкова. Возраст 20 лет.

У Каракoш легкое ранение. Потребовалось несколько минут, чтобы перевязать руку.

— У вас все в порядке, — радостно сообщила Лариса. — Кость цела.

Каракoш слабо улыбнулась. Приятно увидеть сверкающие глаза. Совсем незнакомый человек, а радуется за тебя.

— Спасибо, родная... — сказала Каракoш. — Как вас зовут?

Услышав имя девушки, Каракoш похвалила.

— Красивое! Впервые это имя я услышала в кино.

— Островский... — улыбнулась Лариса.

— Да. Потом в школе...

— А как по-узбекски?

Каракoш совсем стало весело.

— Имена так и остаются.

— Ах, да, — покраснела Лариса.

— Сколько вам лет? — спросила Каракoш.

— Я только на год моложе тебя.

И снова стало хорошо. Милая девочка, ровесница, радуется за ее руку. Даже счастлива.

Все хорошо. Заживет рана. Карakoш вернется в полк. Ей надо обязательно вернуться. Карakoш не успела сделать ни одного выстрела, как и Уткур. Немцы убили Уткура. Немец стрелял и в нее. Гулко, с бешеной ненавистью раздалась автоматная очередь.

Этот звук трудно забыть.

Карakoш невольно закрывает глаза.

— Отдыхайте,— тихо говорит Лариса.— Отдыхайте.

Звук автоматной очереди становится все глуше и глуше... Наконец пропадает в грохоте арыка.

Вода стремительно несется по сверкающим камням. Летят брызги.

Кто-то стоит и хохочет.

— Выйди... Простудишься...

Небольшая речка — мелкая, но сильная и шумная. Вода в ней ледяная.

— Выйди, Уткур.

Конечно, он смеется... Но опять нарастает звук автоматной очереди. Или так стучат капли? Лицо Уткура пропадает. Его захлестнула ледяная, пеннистая волна.

Холодно. Очень холодно.

Карakoш открывает глаза. Ее бьет озноб. Рядом приглушенный стон. Карakoш лежит у входа в землянку. Дверь открыта. Опять привезли раненых.

Карakoш натягивает легкое одеяло. Задевает раненую руку. Больно. Но нужно молчать. С таким ранением стыдно жаловаться на боль.

Карakoш видит все, что творится рядом. Не легко и здесь людям.

Только в полдень Лариса выбрала время, чтобы присесть на койку Карakoш. Поинтересовавшись здоровьем, она сразу же заговорила о делах. Этот моментальный переход как-то успокоил Карakoш. Значит, с ней, действительно, все в порядке.

Медики могут успокаивать добрыми словами, а сами не отходят от тяжелобольного.

— Бои местного значения...— вздохнула Лариса.— Что же будет. Что же будет потом.

Золотистый локон выбился из-под косынки.

... Вы красивы, Лариса...— не выдержала Карakoш.

— Что ты...— искренне смущается медсестра.— Вот в соседней землянке есть одна девушка. Кстати, она узбечка,— вспомнила Лариса.— Глаза — чудо! Но все время в слезах.

— Кто?— насторожилась Каракош.

Она даже попыталась приподняться.

— Не пугайся. С ней все в порядке,— торопливо заговорила Лариса.— Все в порядке. Только останется шрам на щеке.

Лариса, видимо, забыла об элементарном: разве можно волновать больную?

— Ее оперировал хороший хирург...— успокаивала медсестра.— Все будет в порядке.

— Я хочу ее увидеть...— сказала Каракош.— Помоги, Лариса.

— Ну, хорошо, хорошо. Увидишь. Только не сегодня. Дня через три. Ты лежи, родная.

Вот они и подружились. Разве можно в этой землянке оставаться чужими.

Через несколько дней Лариса проводила Каракош в соседнюю «палату».

— Если будете плакать,—предупредила медсестра,— быстро разгону.

Плакали втроем. Хорошо, что в это время в землянке не было врача или фельдшера. Досталось бы Ларисе за это свидание. Досталось бы и за кусочек зеркала, который она принесла по просьбе Адолят.

— Ну, видишь, какие глаза!— уговаривала Лариса.— Что тебе еще надо.

Много нужно Адолят. Очень много. И здоровую руку, и чистое лицо, и встречу с любимым, и остаться на фронте.

Здоровой рука не будет... Значит, на фронте ее не оставят...

И поэтому не слышит Адолят успокаивающих слов. Как ни стараются Каракош с Ларисой.

* * *

Армия еще набирает силы, сжимает кулак, чтобы понастоящему ударить по врагу.

У армии еще долгий путь до победы.

Адолят Сахибова — инвалид войны, возвращается домой. Списана... Подчистую...

Странные, даже оскорбительные слова для солдата. Разве можно списать человека, война. Но это определенно придумали сами инвалиды. Они шутят грубо и открыто. Наслышалась таких шуток Адолят и в полевом госпитале, и в тылу, где завершала лечение.

Рука пока в гипсе. В зеркало Адолят старается не смотреть. Несмотря на заверения врачей, шрам остался — красноватый, грубый.

Лариса успокаивала: пройдет.

Но разве так утешают? Что это: след от сажи? Смысл — и нет его.

В полевой госпиталь приезжал Джаббаров. Адолят подговорила Ларису. И та смело, глядя в глаза командиру, ахала и охала, сожалея, что Джаббаров оноездал на два дня.

— Как жаль! Как жаль! Только отправили в тыл...

Если бы Нормат Джаббаров постоял еще минут десять, то Лариса не выдержала бы.

Потом они опять плакали, уже вдвоем. Каракош давно выписали. Наверное, именно она передала Джаббарову горькую новость. Хотя Адолят долго уговаривала Каракош молчать, ни в коем случае не сообщать и Валиджану, если тот появится в полку.

Девушки плакали... Зашел фельдшер, посмотрел спокойно на эту картину и заметил:

— Тебе, Лариска, в маникюрной работать. Здесь ты всех раненых перебаламутишь.

Уехал Джаббаров, не повидав Адолят.

А вскоре ее отправили в тыловой госпиталь.

Теперь все далеко. И Джаббаров, и Лариса, и Бегимхон с Каракош. Все далеко. Словно в разных мирах.

Адолят медленно шла по перрону маленького вокзала. Люди торопились, бегали, задавали какие-то вопросы.

Она не спешила. Ей было все равно, когда вернется домой... Завтра или через месяц.

Адолят поставила чемоданчик у стены и присела.

Не пугало и наступление ночи. Неужели в набитом битком зале вокзала не найдется еще одного места. Так не бывает. За несколько месяцев службы Адолят убедилась, что всегда «еще одно место» можно найти и в

теплушке, и в землянке, и в машине. Как бы переполнены они не были.

Стало смеркаться. Адолят поднялась, взяла свой легкий чемодан и прошла к окошку военного коменданта.

То же самое столпотворение. И утром, и днем, и сейчас. Ничуть не убавилось красноармейцев и командиров. Пробриться к окошку с больной рукой практически невозможно.

Адолят безучастно смотрела на бурлящий поток.

— Вы так простоните месяц, два...— раздался хриловатый голос.

Адолят резко повернулась. Она не увидела этих армейских ухажеров. Казалось, все они были на одно лицо. Те же словечки, те же прищуренные глаза, улыбки. И частенько — усики. Будто их, ухажеров, готовили в одном месте, подгоняли под один стандарт и потом рассылали по частям. На каждую часть по несколько экземпляров...

Но перед ней стоял майор средних лет. Он с участием смотрел на раненую руку Адолят.

— Вам куда, товарищ?

— В Ташкент...

— Я так и подумал. Давайте ваш литер. А сами постоите в сторонке.

Он говорил спокойно. И ему нельзя было возразить.

Через полчаса майор вернулся.

— До Арыси. Другого варианта не было.

— Спасибо! И это хорошо,— согласилась Адолят.— Там доберемся.

— Конечно, доберемся. Поезд ночью. У меня есть еще дела! А вы?

— Я подожду на вокзале.

— Все переполнено...— сказал майор.— Может, в комнате матери и ребенка?

Адолят впервые за долгие дни улыбнулась.

— Не положено.

— Для матери, вы, действительно, слишком молодые, для ребенка — слишком взрослые. Но это поправимо.

И вскоре Адолят сидела в этом суматошном зале. К счастью, здесь было уютно и тепло. И, конечно, нашлось «еще одно место».

Адолят задремала... Усталость дала о себе знать.

Откинувшись на спинку массивной деревянной скамьи, Адолят сквозь сон слышала крики, чей-то плач. Но не было сил открыть глаза.

Шум нарастал.

— Чей же ребенок?— в который раз спрашивал визгливый женский голос.— Чей?

— Может... Вот с перевязанной рукой.

До сознания Адолят не сразу дошел смысл этих слов.

Ее потрясли за плечи. Снова раздался визгливый голос.

— Эй! Товарищ боец.

Адолят открыла глаза и непонимающе посмотрела на толстую женщину в черной форменной одежде.

— Не ваш ли?

Рядом надрывался ребенок. Одевяльце было развернуто. Ребенок махал сжатыми кулачками.

— А чей?

Дежурная уже подняла на ноги весь зал. Вокруг Адолят стояла толпа.

— Вот мамаша пошли...

— Может, ее в живых нет...— рассудительно сказала одна из женщин.— Я видела какая-то еле шла. За стенку держалась.

— Не ваш?— продолжала допрашивать дежурная.

— Что к человеку пристали?— вступилась за Адолят женщина.

— Спросить нельзя!— обиделась дежурная.— Я всего уже насмотрелась. Почему у нее не может быть ребенка...

Адолят с удивлением смотрела на злое лицо. Редко на фронте она видела такие злые лица.

— Обязательно в мое дежурство. Подбросила какая-то. Не иначе подбросила...

Через толпу к дежурной двигался милиционер.

— Тише...— поморщился он.— Тише. Там скончалась женщина.

У дежурной дернулась щека. Она испуганно осматривалась по сторонам.

— Вот, вот... Именно в мое дежурство.

Адолят поднялась и стала одной рукой заворачивать ребенка в одеяло.

— Да помогите же...— грубо сказала дежурная.

К. Адолят бросилась на помощь худенькая женщина.
— Ты что задумала, милая?— шепотом спросила она.
— Разве можно ей ребенка оставлять?— Адолят кивнула на дежурную.— Пока она будет заполнять бумаги...

— Подумай, остынь! Это же человек...

— Скоро мой поезд. Вы только помогите мне. Я не одна... Там будет ждать майор.

— Хорошо, хорошо, милая.

Женщины расходились. Ругая свое «проклятое веzenье», ушла за милиционером и дежурная.

* * *

Сержант первым узнал Каракош.

— Что, красавица, отворачиваешься?

Он не умел разговаривать с девушками. Этот нарочито небрежный тон ему явно не подходил.

— Давайте, давайте, товарищ сержант...— Гаврилыч не очень вежливо показал на тропинку.— Ножками, ножками.

Возраст Гаврилыча позволял ему нарушать субординацию. Он мог одернуть и сержанта, если тот из-за Каракош «задержался» у кухни. Эти задержки надоели Гаврилычу. Только мешают работать «дон-жуаны» проклятые. Вот и сейчас: издали начал и не без комплиментов:

— О, это вы нас кормите. И надо же — так вкусно...

— Мы кормим,— резко заговорил Гаврилыч.— Мы о вас беспокоимся. Не отвлекай человека.

— Ты что, старый?!— миролюбиво сказал сержант.— Чего в атаку-то пошел?

Но Гаврилыч сдвинул брови, и сержант поторопился успокоить его.

— Я же встретил ее в лесу. Думал сбежала девка с передовой. Хотели даже передать кому надо.

— Следовательно все-таки приезжал в госпиталь,— сказала Каракош.

— Как приехал, так и уехал...— заключил сержант.— Ну, как вы себя чувствуете?

— Работаю...— неопределенно ответила Каракош.

— Служишь!— поправил Гаврилыч.

Сержант покосился на старого солдата, но решил больше с ним не связываться.

— На нас не обижаешься?— спросил сержант.

— За что?— улыбнулась Каракош.— Все правильно. Это же фронт.

— Молодец. А я, честно говоря, переживал. Даже в госпиталь хотел пойти.

— Спасибо...

Сержант потоптался, посмотрел по сторонам, будто заинтересовался этой обстановкой.

Каракош молчала. Гаврилыч раздраженно гремел каким-то ведерком. Всем своим видом подчеркивая: вот работаю, а вы мешаете.

— Не надоело здесь?— спросил сержант.— Человек вы смелый. Так я подумал тогда в лесу.

— Надоело...— ответила Каракош.

О своей смелости она решила не распространяться.

— Как же вы...

Каракош не могла понять, что, собственно, нужно сержанту. Может, действительно переживает за свою подозрительность тогда, при встрече в лесу? Их-то миловали нули немецкого десантника. Она провалялась в госпитале.

— Как сюда попала?— переспросила Каракош.

— Ага...— кивнул сержант.

— Армня. Послали. Мечтала о вашей специальности.

— В снайперы?— обрадованно спросил сержант.

— Очень мечтала. И в пулеметчицы тоже...

Он улыбнулся. Так ребенок перечисляет любимые профессии, когда его спрашивают: кем будешь?

— В снайперы можно...

Гаврилыч перестал бесцельно громыхать ведрами и с неудовольствием прислушался к разговору.

— Кончай перекур!— грубо крикнул он.

— Черт старый...— совсем беззлобно сказал сержант.— Не даст поговорить. Насчет вашей мечты решим вечером. Я подожду у штаба батальона. Знаете эту землянку?

С нее начинался солдатский путь Каракош.

— Конечно...

Гаврилыч почти все слышал.

— Ты этим трепачам не верь. Ишь благодетель выискался. Дон-жуан проклятый.

— Он не похож...— вступилась в защиту Каракoш.

— А ты их видела? Ишь, как петухи, расхаживают вокруг...

Каракoш не стала расстраивать Гаврилыча. Ему не хочется, чтобы она уходила. В последнее время обеды стали вкуснее. Гаврилыча хвалило начальство и бойцы.

О прошлом инциденте, когда Каракoш по сигналу тревоги не явилась по месту службы, стали забывать.

Да и как накажешь... Немецкая пуля уже наказала. Старшина Акимова переживала, что в горячке послала Каракoш одну через лес. Нашла время для воспитания.

Взвод старшего лейтенанта Михайловой помог ликвидировать большую группу немецких десантников. Был настоящий бой. Бегимхон каждый вечер рассказывает об этой схватке. Ее можно понять. Первый бой в жизни.

У Каракoш — только первая рана.

А вдруг этот сержант поможет Каракoш?

— Не ходи!— в который раз предупредил Гаврилыч.

Но Каракoш пошла вечером к штабной землянке. Сержант ждал ее.

— Отпустил старый черт?

— Не надо так,— спросила Каракoш.— Он хороший человек.

— Это я к слову...— пробормотал сержант.— Мне что... Я только фрица ненавижу...

Они не знали с чего начать разговор. Проходящие мимо бойцы откровенно посмеивались над ними.

— Я хочу вам чем-нибудь помочь...— нерешительно заговорил сержант.

Каракoш так и знала. Сержант чувствует себя виноватым перед ней. Или...

Она внимательно посмотрела ему в глаза. Или этот парень решил объясниться ей. Один из тех, о которых предупреждал Гаврилыч.

Нет... Сержант — хороший, добрый человек.

— Чем вы можете?— спросила Каракoш.— Я очень хочу пойти в снайперы. Но...

Как сказать сержанту: вашего звания маловато. Обидится человек...

— В дивизии готовят снайперов. Моёй рекомендации

будет достаточно,— неожиданно сказал сержант.— Конечно, и согласие командира должно быть.

— Неужели?!— воскликнула Каракош.

Она никогда не предполагала, что ее судьба может решиться так неожиданно, в обыкновенный морозный вечер. И не в штабе. А у штаба.

Каракош знала: не сегодня — завтра ее вызовут в дивизию. Сержант должен с ней позаниматься! Это не так просто в прифронтовой полосе. Нужно время.

Но Каракош радовалась: первый шаг сделан. Она теперь не ступит. Ей помогут и старший лейтенант Михайлова, и Гаврилыч, и старшина Акимова.

Помогут все...

В этом Каракош не сомневалась.

Часть вторая

БОЙ

ВРЕМЕННОЕ ЗАТИШЬЕ

Радио и газеты продолжали сообщать, что на фронте «существенных изменений не произошло».

Но по дороге из штаба дивизии в батальон Каракош почувствовала тревогу: под прикрытием темноты к переднему краю шла техника, тянулись колонны.

Один маршрут: на передовую.

Среди спутников нашелся словоохотливый боец.

— Куда едем, красавица?

Совсем недавно обращение незнакомых мужчин с вопросами пугало Каракош. Сейчас она спокойно посмотрела на солдата. Очень молод. И совсем мальчишка. Именно у таких появляется минутная лихость. Хочется ему показать себя на людях: вот, мол, какой я бравый мужчина.

Конечно, можно оборвать юношу, поставить на свое место.

Но у бойца хорошее настроение: наверное, долго ждал этого дня.

— Значит, с нами, красавица?— не унимался молодой боец.

— С вами, с вами...— добродушно ответила Каракош.

По голосу он почувствовал: эта женщина — не новичок на фронте. Боец приумолк, делая вид, что безучастен и к дороге, и к спутникам.

А Каракош с интересом рассматривала лес и дорогу. Свою, очень знакомую. Правда, дивизия немного продвинулась вперед. Теперь и шлагбаум стоял на новом

месте. Интересно, кто сегодня дежурит? Вот бы Бегимхон!

Но подруги не было. Стояла аккуратненькая в прищипанной шинели Маша с незнакомой девушкой.

Каракош знает, сколько бессонных ночей ушло на эту щегольскую шинель.

У Маши такая же, как у всех шапка-ушанка. А вот сидит на головке — одно загляденье. И прядка волос. Та самая небрежная, на которую тоже нужно время.

— Маша! — радостно замахала рукой Каракош.

Машина не успела остановиться, как регулировщица подбежала.

— Каракош! Откуда? Куда?

Сразу на все вопросы не ответишь. Вдруг Маша сдвинула бровки.

— Контрольный пункт... Проверка документов.

И снова бровки разошлись.

— Милая Каракош. Почему не остановишься?

— Нельзя. Сегодня срок прибытия.

— Куда?

— Хозяйство Джаббарова...

— Так это же рядом.

— Все равно не успею... Передай Бегимхон, что я жива-здорова.

— Вот бы вам поменяться!

Маша рассмеялась, потом вздохнула и глубокомысленно произнесла.

— Судьба играет человеком.

Шофер с откровенным неудовольствием наблюдал за этой сценой. Судя по осуждающе-усталым глазам, шумная встреча ему не понравилась.

— Как сороки! — грубо произнес он. — Аж голову заломило.

— Ну, ну... Много говоришь, водитель...

Маша укоризненно покачала головой и сверкнула глазками. Она знала их силу. Сейчас этот небритый битюг успокоится. И, действительно, прикрыв ладонью левую щеку, шофер откинулся в темноту кабины.

Маша передала новости, касающиеся почти исключительно «девичьих тайн». Из этой беспокойной речи, пересыпанной всевозможными междометиями, трудно было что-нибудь понять.

Маша проверила документы.

— Всем, всем привет!— воспользовалась паузой Каракoш.

— Даже старшине Акимовой?..— улыбнулась Маша.

— Даже ей! Самый горячий!— серьезно подчеркнула Каракoш.

Маша кивнула напарнице, и та подняла шлагбаум.

— Жаль Адолят...— сказала Маша.— Пишет что-нибудь?

— Нет... Как расстались в госпитале и все...

— Жаль. Ну, всего Каракoш! Не нарывайся больше на фашистские пули.

— Спасибо, Маша.

Машина снова загромычала по дороге. Молодой боец после этой встречи помалкивал. Он смотрел на Каракoш с уважением. Да и другие спутники поглядывали на молодую женщину иначе. Ясно, что она уже побывала в бою; лежала в госпитале.

Лес торопливо расступался перед машиной. Каракoш за несколько месяцев успела привыкнуть к могучим соснам, пушистому снегу, к длинной русской зиме.

Где только не побывала за эту зиму... И Москва, и курсы, и контрольный пункт, и госпиталь, и кухня, и снова курсы... Кишлячковой девушке хватило бы таких впечатлений на три жизни...

А зима все не кончается. По-прежнему на этом участке затишье. Если не считать «боев местного значения».

За это время Каракoш научилась понимать людей, с какой-то необыкновенной остротой ощущала людские радости и беды. Казалось, все теперь касается ее. За все она должна отвечать.

За это время Каракoш узнала мир. Узнала друзей и врагов. Она раньше судила по сообщениям газеты и радио о силе нашей армии. Теперь Каракoш — часть этой силы.

А врагов она увидела сама; услышала свист пули. Каракoш не просто смотрела на солдатские могилы, сожженные деревни, разбитые дороги. Она запомнила. И крепче сжимала оружие, чтобы мстить.

Зима все не кончается. Лежит снег на деревьях.

Сколько же прошло времени?

Совсем мало! Недаром на фронте день считают за три.

Расступается лес. Вон опять на повороте указательная стрелка. Отсюда надо идти пешком. Обычно, расставаясь, спутники начинают шутить: не заблудись, не испугайся волков.

Сейчас молчат... Да и что скажешь на прощанье солдату. Только пожелаешь счастливого пути.

* * *

Штаб батальона устроился неплохо. Это сразу опытным глазом отметила Каракош. Землянка — просторная, чистая.

— Садитесь. Садитесь.

Старший лейтенант Эминджан Раджабов был обрадован этой встрече.

— Я — заместитель Джаббарова. О вас он меня предупредил.

Опять Каракош не дали возможности щелкнуть каблуками, доложить по-уставному о своем прибытии для дальнейшего прохождения службы.

Каракош невольно вспомнила, как однажды Маша сделала откровенный вывод.

— Бойцы-то мы бойцы. Но не забывайте, что мы и женщины. Любой строгий командир об этом помнит.

— Кроме старшины Акимовой... — заметила спокойно Валя.

Девушки рассмеялись. Однако об услышанном не забыли.

Вот, пожалуйста, незнакомый старший лейтенант, замкомбата, а не знает куда посадить Каракош.

— Вы давно из Ташкента?

— Кажется, прошла целая вечность... — говорит Каракош. — Ехала сейчас и думала: неужели можно за считанные месяцы столько увидеть и испытать.

— Можно... — соглашается замкомбата. — Наша дивизия формировалась в Узбекистане. Было лето — прошло быстро, а вот зиме нет конца. Вечность.

Раджабов невысокого роста, подвижный человек. Отпустил усики.

— Вы очень похожи на одну девушку... — сказал старший лейтенант.

Каракош знает на кого она похожа. Замкомбата это сказал не ради поддержания разговора.

Когда Каракош узнала о повсем назначении, она испугалась. Встречаться с человеком, которого любила Адолят Сахибова, не очень весело. Каракош мало была знакома с Адолят... Но, интересно, за сколько дней засчитывается один, проведенный в госпитале среди бинтов с запекшейся кровью, среди стонов и криков.

Никто этого соотношения никогда в жизни не определяет по всей справедливости. Один полжизни отдаст, другой — отделается шрамом...

Теперь Каракош не похожа на Адолят Сахибову. У нее нет красного шрама через всю щеку. Возможно, и глаз поврежден у бедняжки.

Нет! Не похожа.

— Видел я одну фотографию.

Голос старшего лейтенанта доносится издалека. Сейчас Каракош еле слышит. Знает она у кого замкомбата видел фотографию Адолят.

Люди не разобрались в своих чувствах и отношениях. Разберутся ли сейчас? Адолят — гордая девушка.

Не нужно вспоминать о Сахибовой. Тем более вслух. Начнутся расспросы. А какое имеет право Каракош отвсчаты. И что она сможет утешительного сказать Джабарову.

— Вы давно в этом полку? — спросила Каракош.

— Я же сказал. Со дня создания.

Последнюю фразу Раджабов произнес не без гордости. Что ж, он прав. Ему есть чем гордиться. На груди медаль «За отвагу», три «кубика» на петлицах замкомбата.

«Наверно, ровесник Уткура», — невольно подумала Каракош.

Обычно в этих случаях люди успокаивающе говорят: судьба. Пустое короткое слово. Опрометчиво объяснять им свои удачи или горести, подводить итог жизни, делам, борьбе.

Каракош не слишком внимательно слушает замкомбата. Она попала к людям, которых пока не знает, но с ними уже давно связана невидимыми нитями. Опять судьба? Нет, конечно.

— Сначала нас бросили на Украину...

Раджабов говорит, как заправский военачальник! «Бросили!» А между тем их дивизия со своим сложным

хозяйством двигалась к передовой, вступала в бой, выходила из окружения.

Все было у этих людей. Каракош слышала о пути дивизии.

— Наша дивизия, как Амударья. Состоит из потоков — саев. Случалось, потоки были слабыми. А весной неслись, все сметая на своем пути.

— Значит, скоро весна! — понимающе улыбнулась Каракош.

— Она началась. Вы убедитесь.

— Скорее бы! — произнесла Каракош.

Замкомбата, взглянув на молодую женщину, понял, что она, как весны, ждет наступления. И не только она. Весь народ ждет, вся армия: от маршала до солдата.

Старший лейтенант взглянул на часы.

— Задерживается комбат. Пожалуй, вам не стоит ждать. Я устрою вас. А утром вы доложите капитану о своем прибытии. Снайперы нам очень нужны.

Он впервые произнес название почетной и ответственной специальности.

— Придется поселить в «ичкари»... — пошутил Раджабов. — Есть у нас — женская половина: медицина, связь...

— Конечно, в ичкари... — согласилась Каракош. — Мы знаем свое место.

Раджабов промолчал. Что скажешь о месте женщины. Может, несколько лет назад вполне серьезно говорили об «ичкари» — женской половине дома. А сейчас шутят.

Каракош Садыкова — снайпер. Она вместе с прославленными стрелками будет бить фрицев.

— Как поживает Великанов? — спросила Каракош.

— Молодец, парень... А вы о нем знаете?

— Сказали в дивизии, чтоб он еще позанимался со мной. Посоветовали... — чистосердечно созналась Каракош.

— Так вы... — разочарованно начал Раджабов и во время оборвал фразу.

Каракош рассмеялась.

— Только начинаю. Только... Поэтому еще нужна помощь.

У старшего лейтенанта Раджабова — глаза маленькие. Слово пуговки. Но сверкают огнем.

От прямоты Каракош ему тоже стало весело.

— А нам наговорили. Была раненна в бою. Опытный солдат...

— Много наговорили. Но я постараюсь оправдать доверие.

Она снова засмеялась.

Старший лейтенант нахмурился.

«Кокетничать начинает...— подумал он.— Мое ли дело провожать каждого нового бойца до землянки».

Но Каракош Садыкова не кокетничала. Даже не умела.

А настроение у нее было хорошее. Она попала в боевое подразделение. Завтра ей выдадут личное оружие. Все получается так, как задумала.

* * *

Раньше Каракош пугалась: как ее встретят в новой землянке, какие будут соседки.

Удивительный народ фронтовики... Познакомился и можешь быть спокойным: никто тебя не обидит, не подведет.

Каракош успела сообщить девушкам свое имя.

— Ничего. Запомним...— успокоили ее.

— Значит, снайпер.

— И кого только в нашей обители нет! Теперь настоящий снайпер появился.

Каракош, тронутая вниманием, поспешила объявить.

— Пока не настоящий. Только начинаю.

— Лиха беда -- начало!...— раздался звонкий голос.

В этой суматохе Каракош как следует не запомнила имен и лиц. Одни девушки уходили в медсанбат на дежурство, другие в штаб, третьи только вернулись с дежурства.

Каракош растерянно оглядывалась.

— Смена караулов...— точно определила одна из девушек.— Сейчас утихнет обитель. Ты сразу после ужина ложись, отдыхай.

— Не хочу ужинать...

— Тогда спи.

Каракош почувствовала, как гудят ноги, как ноют плечи. Не может она привыкнуть к жесткому обмундиро-

важно, к лямкам вещмешка. Нет никаких тяжелых предметов в этом мешке... А к вечеру — горят плечи, ност спина.

Кому на это пожалуешься, солдат? Даже близкой подруге не скажешь.

Каракoш заснула быстро. Во сне повторялись встречи прошедшего дня. Только вместо строгих огромных деревьев тянулись вишневые аллеи. Белые лепестки кружились в воздухе, словно снег.

Затянутый ремнями, по аллее, шел старший лейтенант. Но его лица не видно. Оно прячется за букетом цветов.

А Машу сразу узнала Каракoш. Красивая девушка, в нарядном платье...

Странный сон. Знакомые люди, которых она недавно видела или о которых думала.

Каракoш проснулась от шума, беспокойных обитателей «женской землянки».

Надо идти... Доложить кому следует, сдать документы.

Через несколько минут она была в штабе батальона.

Старший лейтенант Раджабов остановил ее у порога. Поинтересовался, как она устроилась, завтракала ли...

Каракoш не успела сдать продовольственный аттестат. Но умолчала об этом. Ложная шепетильность... Разве на фронте придают значение какому-то аттестату. Всегда найдется чем накормить вновь прибывшего бойца. Только не отстала бы кухня от батальона...

— Если все в порядке, — довольный ответами Каракoш, сказал Раджабов, — то подождите минуту.

Он зашел в землянку. За неплотно закрытой дверью Каракoш услышала его бодрый голос.

— Мой капитан приготовил тебе сюрприз.

«Наверное, они в дружеских отношениях», — мелькнула догадка.

— Да, мне сейчас до сюрпризов...

Голос у капитана Джаббарова резковат, говорит с раздражением.

«У него плохое настроение. Или он очень занят», — снова забеспокоилась Каракoш.

— Сейчас! — многозначительно произнес Раджабов.

Не понравилось молодой женщине это приготовление. Как в театре. Теперь замкомбата уже не казался ей

таким милым, внимательным человеком, как в первые минуты знакомства.

— Заходите!

Он резко открыл дверь. Каракoш шагнула навстречу.

Вот оказывается, что скрывалось за этим словом: «сюрприз». Каракoш сразу поняла...

Капитан Джаббаров вздрогнул и медленно, опираясь ладонями о маленький столик, поднялся.

Злую шутку сыграл старший лейтенант Раджабов со своим другом и командиром. Злую, страшную шутку... Сам того не понимая. А когда понял, было уже поздно. Раджабов побледнел и представил:

— Рядовая Садыкова. Снайпер...

В полутемной землянке, напряженно всматриваясь в лицо женщины, забыв о присутствующих, не расслышав помощника, капитан прошептал:

— Адолят...

— Рядовая Садыкова...— четко произнесла Каракoш.

Капитан подтянулся и, словно ничего не случилось, спокойно сказал:

— Здравствуйте... С приездом, товарищ Садыкова!

Вся сцена заняла одну минуту. А возможно, и меньше. Какой-то миг.

Капитан Джаббаров не выдал своей растерянности. Его заместитель чувствовал себя неловко. Появилась суетливость. Он передвинул тяжелую грубую скамейку, стряхнул ладонью воображаемую пыль. Откуда ей, пыли, в этот холод взяться.

— Может, чай сделать?— несмело спросил Раджабов.

Еще одна оплошность. Если комбат начнет распивать чай с каждым бойцом? Да в такое время? Но капитан не мог отрицательно ответить на это предложение.

— Конечно, старший лейтенант...

Раджабов был счастлив убраться с глаз долой. Хотя бы на несколько минут. Пусть за это время остынет, придет в себя капитан.

Но Джаббаров уже ничем не выдавал своего волнения. За месяцы войны он привык к неожиданным выходам, часто необдуманым шуткам Раджабова.

Сегодня старший лейтенант вышел за рамки и приличия, и дружбы. Но он сам это понял. Теперь будет казнить, виновато заглядывать в глаза.

Капитан расспросил Каракoш о ее жизни.

Она упомянула о своем пребывании в полевом госпитале. Слегка дрогнули и поднялись брови у капитана. Но он ни словом не обмолвился об Адолят.

Каракoш тоже промолчала.

Капитан старался меньше смотреть на нового бойца. Каракoш похожа на Адолят. И это сходство мешало разговору.

— Пока ни одного выстрела не сделано?— улыбнулся капитан.

Не было упрека в его словах. Что ж поделаешь, если так сложились обстоятельства?

— Я думаю, что он прозвучит здесь, на переднем крае,— немного торжественно сказала Каракoш.

— И не в «молоко»,— улыбнулся капитан.— Сейчас я вызову старшего сержанта Великанова. Это отличный снайпер.

— Я слышала о нем.

— Вот и хорошо. Только он неразговорчив.

— Это к лучшему.

Капитан снова поднял брови: что хотела сказать Каракoш.

Старший сержант Великанов явился быстрее, чем ординарец с чаем. Капитан, представив Каракoш Садыкову, выразил уверенность, что снайперы батальона не будут давать врагу пощады даже в часы затишья.

Старший сержант Великанов поднялся. Каракoш тоже встала. Задерживаться в штабе батальона было уже неприлично, нескромно.

— А как же чай?— напомнил Раджабов.

Он вошел раскрасневшийся с мороза.

— В следующий раз товарищ старший лейтенант...— осмелела Каракoш.

А Великанов шелкнул каблуками.

— Разрешите идти, товарищ капитан...

Он вышел вместе с Каракoш, осмотрелся по сторонам. Вдали темнела стена леса. Сегодня опять был хмурый серый день. Низкие облака давили свинцовой тяжестью.

— Там...— коротко сказал Великанов, показывая на лес.

Каракoш не сразу поняла нового командира.

— Наше место...— пояснил Великанов.

Высокий, худой, с виду неуклюжий, застенчивый парень, он не очень-то оправдывал свою фамилию.

— Пойдем...— сказал старший сержант.

От него — лишнего слова не жди. К лучшему это, — думала Каракош.— Надо только знать свои обязанности, службу, свое место в батальоне, среди людей, которые уже прошли большой трудный путь.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Майор не очень одобрительно отнесся к поступку Адолят.

— Вы сами еще ребенок. К тому же вам надо лечиться и отдыхать.

В вагоне было тесно и душно. Поезд медленно полз через казахские степи. Сероватый снег покрыл огромный простор. Было слышно, как мечется ветер.

От этого однообразного пейзажа, от боли в руке, от плача ребенка, от тесноты становилось тоскливо.

Что, собственно, Адолят знает об этом ребенке? Какой он национальности, откуда, здоров ли?

Майор покачивает головой.

— Я понимаю ваше состояние. Вы решились от отчаяния. Вы теперь решили жить в одиночестве. А ребенок — соломинка, за которую вы схватились.

Может быть, он прав. От отчаяния...

— Но этим поступком вы оскорбляете маленького человека. Он нуждается в добром отношении. А не в жалости... Я имею в виду унижительную жалость.

Слишком строг майор... Слишком глубоко копаются в чувствах.

А может, он прав.

— Я, пожалуй, в ту минуту ничего не думала. Я решила спасти его. У нас ему будет хорошо.

Адолят говорила запальчиво. Нужно спасать. Ну, что хорошего: кто-нибудь отнес бы ребенка в детский дом. Начали бы писать бумаги, звать свидетелей.

Майор, соглашаясь, кивал: в этом мало хорошего. В то же время нельзя так по-партизански действовать. Схватили живого человека и на поезд...

— Война...— коротко ответила Адолят.

— Войной мы многое списываем...— недовольно проворчал майор.— Быстро научились. Хотя бы адрес свой оставила?

— Оставила. Дежурной.

Майор недоверчиво посмотрел на девушку.

— Да, да...— повторила Адолят.— Уже в вагоне.

— Что ж, хорошо!

Счастье встретить в трудной дороге доброго спутника. Таким оказался майор. Он навел порядок. Рядом не дымили этой «жуткой махрой». Бойцы безропотно подчинились. Одному из солдат было сделано слишком серьезное внушение. Адолят слышала последние слова: «с поезда высадим».

Рыжеватый нахальный парень, заняв верхнюю полку, пещадно дымил. Он сам задыхался и без конца кашлял. Что он сказал по поводу ребенка?

— В подоле тащит домой. Ребеночком от фронта прикрылась...

Он говорил зло, даже с ненавистью. Он сейчас ненавидел весь мир. Особенно женщин. В госпитале боец получил письмо. Жена ушла, не дождалась, когда он вернется.

Боец ехал с протезом вместо левой ноги. Он демонстративно прыгал, задирая культяшку. И много курил.

— Высадим с поезда...— сказал майор.

— Меня? Меня давно высадили. Дальше некуда...— хрипел солдат.

Адолят стояла у окна, повернувшись спиной к мужчинам. Ребенок посапывал на нижней полке, рядом с майором.

— И ведите себя поскромней,— посоветовал майор.

Он не стал доказывать, что с войны все возвращаются не по своей воле. Но не все показывают раны и шрамы. Боец, видимо, сам понял это... Он слез с полки, взял костыль и ушел в конец вагона.

Нет, Адолят его не обвиняла. Можно понять инвалида. Не скоро он придет в себя. Кто-то должен обогреть человека. Постепенно, в спокойной обстановке.

Нет, Адолят не обиделась на грубые намски бойца.

Кто покажет пальцем на нее в родном кишлаке? Она же привезла сироту. За это не осудят...

Но мальчишка будет расти именно сиротой, если сказать правду.

Майор как-то посоветовал:

— Если хотите, чтобы вырос нормальный человек, усыновите его. По-настоящему...

Что скрывалось за этим «по-настоящему»? Никто в кишлаке, никто и никогда не должен знать, что мальчик сирота! Он — родной. С самой первой минуты.

— Остановитесь в Ташкенте,— посоветовал майор.— У вас есть где остановиться?

— Есть... Дали адрес. Вместе в полевом госпитале лежали.

— Вот и хорошо. Остановитесь. Поживите, обдумайте все.

Есть над чем подумать...

Она явится в кишлак с ребенком. Со своим мальчиком. Вопросы: почему он светлый, почему голубые глаза, кто отец, сколько месяцев?..

Их десятки, этих вопросов.

А потом...

Майор спокойно говорит:

— Встретится хороший человек — поверит.

Не хочет Адолят сама верить такой встрече. Ночами она твердит: никаких встреч не будет. Куда, кому она нужна с этим шрамом, с этой рукой.

Твердит слишком часто, упрямо.

А где-то в душе шевелится большая, но пока еще робкая надежда: все будет хорошо.

Она еще встретится с Норматом Джаббаровым. И он спросит: как чувствует себя наш сын.

Потом у них будет дочь...

Даже в темноте Адолят закрывала лицо руками. И ладонь чувствовала горячий рубец. В эти минуты он особенно горел... Жег ладонь, напоминал о себе опять и опять.

Так никто и не провел грубоватыми, но теплыми пальцами по ее щекам. Не провел и не проведет...

Снова упрямо, настойчиво Адолят твердила: никто, никогда. Но мечта продолжала жить.

Поезд медленно пробивался к узловой станции. Чем ближе она была, тем труднее составу пройти лишние километры.

Шли эшелоны... Шли санитарные поезда. Их пропускали вперед. Там страшнее беда... На крупных станциях выносили мертвых, отправляли документы умерших.

И свои беды, свои шрамы отступали куда-то: далеко-далеко...

В Арыси Адолят увидела состав с детьми. Плакали маленькие. Чуть постарше как-то не по-детски серьезно смотрели на чужих людей. Бойцы несли к эшелону сахар и хлеб. Какой-то летчик вытащил плитку шоколада. Эту плитку вертели детские тонкие пальцы, не решаясь разломить. Как разделить ее, маленькую плитку...

Адолят решила: никому она не отдаст мальчишку. А майор твердит: остановись в Ташкенте, подумай в тишине...

* * *

Она остановилась в Ташкенте. Орзи-датхо ахала и охала. Не знала куда усадить неожиданную гостью. Орзи-датхо ловко купала мальчишку, хвалила его.

— Здоровенький! Крепкий...

И торопливо бормотала молитву: не сглазить бы.

Ребенок болтал ручонками.

— Ну-ка, мамаша, подай мне простынку...— попросила Орзи-датхо.

Адолят застыла, рассматривая довольное лицо старой женщины. Морщины и те будто разгладились.

Орзи-датхо была счастлива от теплого тельца.

— Крепкий малыш...— продолжала восхищаться она.— Отец-то, наверное, воюет.

— Не знаю...— созналась Адолят.

Старуха удивленно посмотрела на нее.

— Ты что? Неужели убит...

— Не знаю...

— Отца не знаешь?

Ребенок словно почувствовал, что на него не обращают внимания, пронзительно заплакал.

Орзи-датхо слегка пошлепала малышку.

— Отец-то русский?

— Не знаю, бабушка. Не знаю. Подобрала я его.

— Боже. Слово какое! Разве можно про ребенка так говорить,— возмущилась старуха.

— Ну, получилось... Мать умерла на моих глазах. Я взяла и увезла.

— Боже. Проклятый фашист. До чего дошло. Кругом смерть, сиротство...

Она долго ругала войну, фашистов, продолжая купать ребенка.

Мальчик утих, пригрелся в теплой воде,

— Как же ты будешь с ним? С чужим?

— Он будет моим ребенком!— сказала Адолят.

— Трудно тебе будет...

Странно... Орзи-датхо будто была знакома с ее попутчиком, майором. Так же, точно так же рассуждает старая женщина.

— Вырастит моим!

Орзи-датхо вспомнила, что давно купает ребенка.

— Поддай простынку...

Ребенок нежился на простыне. Мягким пушком чернели волосы на голове.

— Иди отдохни...— посоветовала Орзи-датхо.— Посиди на террасе. Я сама уложу.

Адолят вышла... В Ташкенте уже наступили солнечные дни. Весна торопилась навести свой порядок в саду. Зеленела трава, набухали почки. Какие-то нетерпеливые цветочки уже потянулись к солнцу.

Кудрат-ака возился в саду. Старик покосился на девушку, но ничего не сказал.

Что он думает о ней, этот пожилой человек? Не спрашивает о войне, спрашивает о жизни.

Можно догадаться о мыслях Кудрат-ака. Он потерял сына. Невестка поехала на фронт. Пройдет время, и Каракош вот также явится с ребенком на руках.

Ведь Кудрат-ака ничего не знает. Он думает, что этот мальчишка — родной сын Адолят.

О чем старик будет говорить с «такой женщиной»?

Ну, ничего, сегодня все прояснится...

Адолят стало легче... Она представила, как за ужином Кудрат-ака начнет подливать чай гостю, ненавязчиво проявит внимание.

А в кишлаке? Там каждому человеку нужно объяснить откуда этот ребенок, чей он? Там нужна правда.

К Адолят будут относиться с уважением. И вырастет сирота в их доме... Тоже ничего не случится страшного. Только как-нибудь, после мальчишеской ссоры придет малыш со слезами на глазах и потребует объяснить

значение слова — подкидыш... А может, найдутся слова и похуже.

Правы и майор, и Орзи-датхо... Нужно подумать, решить вопрос сейчас, в Ташкенте.

Вечером, как она и предполагала, Кудрат-ака был разговорчивее, добрее. Он будто только сегодня встретился с гостьей, расспрашивал о фронте, покачивал головой и восхищенно цокал языком.

— Герон! Настоящие герои!

Кудрат-ака был счастлив за Каракош, молодую женщину, верную память его сына.

— А у нас беда...— вздохнул он.

Орзи-датхо загремела посудой, взяла чайник и сним вышла на кухню. Старуха не могла присутствовать при шепетильном разговоре.

Кудрат-ака с осуждением посмотрел на это стремительное бегство.

— Беда,— повторил он.— У Каракош было два брата...

Было!

Адолят ненавидела это слово! Казалось, оно родилось сейчас, в войну... «Было...» Это значит, остался один, другой брат погиб.

— Такое горе пережить. Бедная Каракош... Она уже знает?

— До сих пор не пишем ей...— сознался старик.— Не придумаем как быть.

Адолят всегда хотела знать правду, какой бы она ни была...

Нет! Хитришь, Адолят... Ты часто избегала прямого разговора. Сейчас ты тоже уклоняешься от него. Ведь не можешь написать письмо Джаббарову. Сесть и написать: любила, люблю, жду...

Ты, наверное, потеряла больше, чем красоту: ты перестала верить в силу чувств, возможность счастья...

— Много бед обрушилось на Каракош...— сказала Адолят.

— Привязалась она к братьям... Как к родным...

— Разве они не родные?— удивилась Адолят. — Каракош ничего не рассказывала.

— Зачем рассказывать... Тяжело ей вспомнить, как в детстве злые девчонки подкидышем подрашивали. Потом все забылось. Теперь — вспомнилось...

... Ночью Адолят долго не могла заснуть. А утром решительно взяла ребенка, коротко сообщив Орзи-датхо:

— Скоро приду...

— Может, помочь?— робко спросила Орзи-датхо.

— Не надо...

Адолят быстро отыскала детский дом. Потребовала заведующую!

Женщина вышла в белом, но помятом халате. Видно, в нем недавно прилегла отдохнуть.

— Я хочу сдать ребенка...

Адолят заговорила торопливо, не представившись. Ей нужно было высказать основную мысль.

— Ваш?— спросила заведующая.

— Нет. Сирота...

— Документы?

— Их нет... Я подобрала мальчика на железнодорожном вокзале. Недалеко от Мытищ. Там был госпиталь.

— Вам придется сесть и обо всем написать...

Адолят торопилась все рассказать. Заново все пережить?

Ребенок спокойно спал, доверившись Адолят. Он не мог знать, что в эту минуту совершается предательство.

— Что вы говорите — не поняла заведующая.

— Я? Я раздумала...

— Послушайте, товарищ...— строго заговорила заведующая.— У вас на руках живой человек. Подумайте о его судьбе. Нельзя так метаться. Вы же предаете его. Может быть, позже...

И заведующая сказала вслух это страшное слово: предаете.

— Я не знаю всех обстоятельств. Но, наверное, его лучше действительно оставить у нас.

Вышла пожилая няня. Близоруко шурясь, она внимательно посмотрела на Адолят.

От этого взгляда девушке стало не по себе.

— Я ничего еще не решила... извините! До свидания...

Адолят стремительно, словно боялась, что ее задержат, выбежала на улицу.

Ворота были крепкие... Никогда не замечала Адолят, что эти ворота отличаются от других и свидетельствуют о благосостоянии хозяина.

Сейчас ворота пугали Адолят. Перед ней была крепость со своими законами и порядками.

Однажды Адолят уже нарушила эти законы: она ушла из дома. Не было разрешения отца, благословения матери. Ушла единственная дочь. Уехала ни куда-нибудь, а на фронт.

Никто не знал об ее отъезде.

Даже калитка не скрипнула, чтоб не выдать...

В этом доме все построено добротнo, надолго. Калитка никогда не скрипит у хорошего хозяина.

Сахиб-кари был серьезный человек. С ним любили побеседовать односельчане, к нему шли за советом.

И Сахиб-кари очень переживал, что единственная дочь ушла, как чужая. На людях старик бодрился, степенно разговаривал. Делал вид, что ничего особенного в его жизни не произошло. А по ночам ворочался, вздыхал, подолгу не мог уснуть...

Адолят писала редко. Так же редко шли письма из дому. Сахибу-кари, уважаемому, грамотному человеку, приходилось чаще писать письма по просьбе соседей.

Он писал знакомому парню, а думал об Адолят.

Может, поэтому его письма получались такими задушевными.

Что стоило гордой, слишком самостоятельной девочке, прислать несколько покаянных строк.

Молчит... А если и придет ее треугольничек, то там только сухая информация: живем, воюем, пока все хорошо.

Смотрит Сахиб-кари, как его жена Халида выскользнет с долгожданным письмом в другую комнату. Сахиб-кари не мешает жене. Пусть поплачет. Легче станет.

А он не плакал... Он ждал следующего письма. Или стука в массивные ворота.

Стук раздался без него...

Адолят приехала утром, когда все жители кишлака, кроме детей и больных, были в поле. Попутная полторка лихо, с грохотом подвезла женщину с ребенком к ее дому.

Ее дом... И в то же время — это крепость, в которую нужно войти победителем. Сразу, с первой минуты все решить. И потом уже стоять на своем...

Халида-апа услышала стук... С трудом поднялась. В последнее время она чувствовала себя все хуже и хуже.

Кто может стучать? Днем калитка открыта. У всех открыты калитки.

Неужели этот человек — чужой. Или забыл...

Халида-апа схватилась за последнюю мысль. Забыла! Отвыкла от дома.

Прижав ладонь к сердцу — не выпрыгнуло бы! — Халида-апа поспешила во двор.

Стук повторился..

Но когда Халида-апа вышла, калитка уже была открыта. Дочь вспомнила, что не нужно стучать. Это с виду ворота такие крепкие, грозные... Толкни поспильнее калитку. И смело входи...

Дочь стояла с ребенком на руках. Дочь ждала свою мать.

Халида-апа запричитала. Никто бы не понял ее слов. Они прорывались сквозь плач.

— Родная! Милая!

Шершавая ладонь скользила по лицу дочери и на какую-то долю секунды задерживалась на рубце. Потом ладони ошупывали шинель, словно старались ощутить тело дочери, проверить все до косточки. Мать поняла сразу: что-то неладно с рукой дочери. И к этой правой руке боялась притронуться.

— Родная! Милая...

— Вот, приехала... — прошептала Адолят.

Она держалась, крепилась, боялась разреветься. И хорошо, что в это время заплакал ребенок.

Халида-апа замерла.

— Мальчик плачет... — почему-то сообщила Адолят.

— Мальчик? — испуганно переспросила Халида-апа.

Другие вопросы она боялась задавать.

— Что же мы стоим? Пойдем в дом.

Чемоданчик стоял за воротами.

Халида-апа шагнула, подняла его. Господи, до чего же легонький чемодан. Вот так, с пустыми руками явилась дочка.

Нет, не с пустыми... Господи! Что же произошло с ней?

Халида-апа бегала по комнатам. Она забыла о болезнях, хотя то и дело прижимала руку к сердцу. Ныло, люрой кололо до нестерпимой боли, старое сердце. Но Халида-апа не чувствовала этой боли.

— Отдохни, дочка. Отдохни.

Адолят стояла посреди комнаты и плохо видела мать. Не сдержалась-таки. Слезы рванулись ручьем. Как сквозь туман увидела сухонькую женщину, которая за чем-то перекалывала подушки, поправляла дастархан и снова взмахивала руками.

— Милая моя...

— Мама, куда положить маленького? — напомнила Адолят.

— Сюда, сюда.

— Сними покрывало.

Наконец Халида-апа поняла, что нужно помочь дочерн раздеться, смыть дорожную пыль, дать отдохнуть с дороги.

— Давай, я его уложу.

Она ловко развернула одеяльце и невольно воскликнула.

— Ой! Он же беленький.

Адолят промолчала. Мать вопросительно посмотрела на дочь.

— Чей же он? — прошептала она.

— Мой...

Ребенок, освободившись от одеяла, заболтал ручками и сразу же перестал плакать.

— Твой?

— Да, да, мама... Это мой ребенок.

— Сын Нормата? — наконец спросила Халида-апа.

Адолят сняла шинель, повесила ее на косяк двери. Сейчас, в гимнастерке, она снова стала похожей на хрупкую девчонку, которая из-за озорства влезла в чужую одежду.

Халида-апа забыла о ребенке. Она внимательно, прищурившись, смотрела на руку.

— Что с ней?

— Было ранение. Заживает.

Адолят постаралась улыбнуться. Но эта улыбка получилась неестественной. Девушка сжала кулак, подняла его.

— Все в порядке, кость цела...

— Боже, боже! — простонала Халида-апа. — Боже! Что с тобой сделали...

Она обняла дочь. Снова ладонь скользнула по щеке и замерла, ощутив шрам.

— Проклятые... — шептала Халида-апа. — Проклятые звери.

— Все пройдет, маме. Мы живы! Все пройдет. А мальчика надо накормить.

Халида-апа растерянно повернулась к кровати. Не знала, на кого обратить внимание, чем заняться.

— Хорошо бы достать молоко.

— Достану, достану... — заверила Халида-апа. — Сейчас...

До конца не доведен разговор с дочерью. Чей ребенок? Кто отец? Сейчас Халида-апа пойдет по соседям. Пожилые женщины будут поздравлять с возвращением дочери. Не удержишь их. Примчатся хотя бы на минуту, чтобы взглянуть на Адолят. У кишлака свои законы. Здесь радость и беда — общие.

Не скроешься от людских взглядов, не убежишь от людской молвы.

Халида-апа, накинув платок, остановилась у порога.

— Это сын Нормата?

Она и сама понимала, что задает ненужный вопрос. Разве светленький мальчишка может быть сыном Джаббарова?

— Отец этого мальчика убит... — сказала Адолят.

Халида-апа взмахнула неловко руками и прижалась к косяку двери.

— Боже! Боже!

Не может, не имеет права в эту минуту Адолят сказать правду даже матери! Сейчас взбудоражится кишлак. И не выдержит мать. Вступится за честь дочери... Хорошо, веско оправдывая все поступки, появится слово: сирота. И потом катиться ему за мальчишкой всю жизнь...

Нельзя даже матери сказать правду...

А за молоком идти надо...

Адолят едва успела переодеться, как одна за другой в дом осторожно, не высказывая любопытства, потянулись старые женщины.

Всех знала Адолят... Конечно, надо бы с дороги помыться и отдохнуть. Не просто отдохнуть, а по-настоящему выспаться. Но нужно отвечать на вопросы. Нужно самой расспрашивать о жизни родных и близких каждой гостьи.

Неведомо какими путями молва добралась до полей. Разыскала новость и Сахиба-карн. На полевом стане все притихли. Знали о размолвке дочери с отцом.

— Езжайте...— сказал председатель.— На моей бричке.

Сахиб-карн поблагодарил и, опустив голову, зашагал к дороге.

Он шел твердо, коренастый, крепкий человек, спрятав руки в карманы. Пусть никто не видит, как дрожат его пальцы. Впервые в жизни...

Халида-апа встретила мужа во дворе.

— Приехала...— прошептала она.— С ребенком приехала... Отец ребенка погиб...

И она зарыдала.

— Что ты, старая?..

Сахиб-карн зашел в комнату. Много гостей. Очень много... Нужно окончательно решить. От первой встречи с дочерью зависит жизнь — его, жены, Адолят, ребенка. Жизнь всего дома.

— Здравствуй, доченька... С возвращением...

Он поцеловал Адолят.

— Хорошо, что приехала... Мать стара, больна: Помогать ей надо.

— Да, отец...

— А теперь показывай своего богатыря.

Халида-апа шептала молитву, благодарила аллаха: в семью пришел покой, пришло счастье...

И вдруг, вспомнив о молоке, побежала на кухню.

Начались заботы. Беспокойные и радостные...

Кишлак несколько дней обсуждал приезд Адолят Сахибовой. Обсуждал на все лады. Но без единого злого слова или ехидного намека.

Только в райцентре, узнав об этой новости, Ахмед Базаров две ночи сидел над письмом. Он давно ненавидел и Адолят, и ее подругу Бегимхон.

Ненавидел за первые неудачные ухаживания... Ненавидел за то, что об этих женщинах говорят, как о солдатах. О нем же идет совсем другой разговор.

Базаров не писал, а рисовал крупные печатные буквы.

Он наслаждался своей работой. Перечитывал строки, задумывался и снова писал.

Этот человек всю жизнь устранился. И, как ему казалось, преуспевал. Он всего добивался.

Люди шли своим путем. Ахмед Базаров им не завидовал. Он хотел, чтобы завидовали ему.

И сейчас чувство, появившееся у него, пожалуй, нельзя назвать завистью.

Он просто ненавидел людей, у которых жизнь складывалась честнее и лучше, чем у него.

Приезжал Джаббаров на несколько дней.

А сколько о нем разговоров!..

Интересно, как он будет чувствовать себя, командир, после этого письма...

Базаров рисовал буквы. От каждой становилось легче на душе.

Он писал уважаемому фронтовику от группы молодежи, возмущенной поступком Адолят Сахибовой...

Адолят опозорила честь женщины, честь фронтовиков, вернувшись с ребенком. Об отце никто не знает... Ребенок — беленький.

И опять шли слова возмущения.

Утром Базаров перечитал письмо. Так складно он никогда еще не писал!

Ахмед выбрался в город и оттуда отправил конверт на фронт капитану Нормату Джаббарову. Пригодился, наконец, адрес, который случайно услышал в кншлаке.

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Нет ничего хуже ожидания.. Считать минуты, часы... Другое дело, если ты живешь в ожидании радости, встречи с любимым. Ты волнуешься, горишь.

А здесь учат ждать врага. Медлительный, неразговорчивый Великанов почти каждый раз напоминает об этой немаловажной черте снайперского характера.

Уметь ждать — великое искусство. Внимательно следи за каждой веточкой, прислушивайся к каждому шороху. И все для того, чтобы засечь врага. А потом...

Каракосх медленно шла за Великановым, пытаеьсх водражать каждому движению снайпера.

Правда, он идет и словно не думает, как, куда поставить ногу. У него легкий шаг.

— Научишься,— однажды успокоил он Каракосх.— Не велика мудрость. Ходила же в своем кишлаке спужойно. Так и здесь.

Для прославленного снайпера это — целая речь. Бедняжка даже устал. Ему легче уложить несколько «фрицев», чем подробно объяснить своей ученице, как это делается.

— Просто...— говорит он.

Любимое словечко. При этом посмотрит удивленными голубыми глазами на ученицу. А в глазах — укор: разве не понимаешь.

Сейчас Каракосх поняла, что настоящая учеба здесь, на линии фронта. Нужно внимательно следить за Великановым. Он шагнет, прижмется к стволу дерева, постоит, прислушается, не доверяя мертвой тишине.

Потом кивнет Каракосх: нужно ближе подойти. Как можно ближе к передовой.

Лес редкий... Деревья разбрелись, будто поссорились между собой.

За лесом — передний край. Но ни дымка, ни запаха пороха.

Может, «фрицы» зарылись в землю и тоже ждут своего часа.

— Передохнем...— сообщил Великанов.

Эти места ему хорошо знакомы. Он не раз «охотился» здесь. И с ним, опытным снайпером, Каракосх спужойна. Скоро настанет время. Ей самой, без провожатых, придется выбирать позицию и часами ожидать появления врага.

Еще несколько осторожных шагов, и Великанов даст знак: мы пришли.

Они часто говорили о выборе позиции.

— Почему именно это место вы считаете самым лучшим?— спрашивала Каракосх.

— Тактика. Здесь «фриц» не ждет.

— А если?..

— Без всяких «если»! «Фриц» должен из окопа спужойно появиться на свет божий и так же спужойно уйти на тот...

— Вдруг почует?

— Значит, выдала себя.

Снайперская наука — первы! Конечно, нужен и талант, чтобы овладеть ею.

Есть ли такой талант у Каракош? Великанов уверяет, что есть.

Снайпер глазами показал в сторону передовой.

— Видишь?— шевельнулись губы.

Каракош пристально, до боли в глазах, смотрит вперед. Деревья... Редкие, одиночные деревья.

— Еще раз смотри!— приказывает Великанов.

Каракош вытащила из кармана платок и вытерла глаза. На лице Великанова — возмущение. Каракош поняла оплошность и моментально спрятала платок.

Но через считанные секунды недалеко от них взорвался снаряд. Качнулось дерево, уронило несколько, словно обрубленных веток.

— Засекла?— спросил Великанов.— Эх, ты. Слепая еще. Пошли!

Он, повернувшись, зашагал смелее, не обращая внимания на треск сучьев. Шагает и молчит. Лучше сказал бы что-нибудь. Выругался бы.

— Поняла?— спросил снайпер.

— Да...— вишовато прошептала Каракош.

— Пятнышко белое мелькнуло. И все... не дремлет «фриц». Все видит...

Отходчив Великанов. Знает, что Каракош сама переживает. Зачем еще ругаться. Разве этим поможешь?..

— Сюда пока не будем ходить... Теперь они настроже. Хотя и себя выдали. По-всему видно, подтянули артиллерию на прямую наводку. Пронюхали о наших танках...

— Ну и что?

— Доложим. Передадим кому следует. Накроют.

Чувствуется, что Великанов совсем успокоился. Все-таки польза есть.

Интересно, была ли обстановка, в которой терялся Великанов? Казалось бы неудача, а он радуется: «Накроют!» Конечно, фашистская артбатарея будет уничтожена.

Вообще, Каракош повезло с учителем. Только не очень торопится Великанов «выпускать» ее одну.

Вчера в армейской газете напечатали портрет Ази-

ма Ташматова. Каракoш вместе с ним получала свидетельство снайпера. Парень из Янгиюля «ухитрился» за день пристрелить шесть гитлеровцев. Так и написано: шесть.

Каракoш не везет. Как на прогулке вытащила платочек. Может, совпадение? Неужели «фрицы» заметили, как мелькнуло белое пятнышко?

Спасибо Великанову. Вовремя сменил позицию, увел ее от беды.

Каракoш встретила его на другой день.

Великанов был мрачен. Он только что вернулся из разведки.

— Одного оставили. Какой парень был!..

Каракoш молча смотрела на снайпера.

— Какой парень!..— повторил он.— А вынести его не смогли.

Оглядев Каракoш, снайпер наконец-то сообщил:

— Завтра утречком... Покажу место. Пойдешь одна. Сама.

Каракoш кивнула и выжидающе посмотрела на Великанова: не передумал бы.

— Пора!— повторил снайпер.

* * *

Чуть слышно хрустнула ветка. Каракoш стремительно повернулась.

Рядом у дерева стоял капитан Джаббаров.

— Ну и слух!— откровенно восхитился он.

Каракoш смутилась.

— Что вы...

— Молодец!— похвалил капитан.

Она махнула рукой.

— Не везет мне.

— Слышал, слышал. Но сразу все не делается,— успокоил Джаббаров.

Он провел ладонью по снайперской винтовке. Точно, как несколько дней назад. Тогда он похвалил оружие.

— Замечательная... С ней можно чудеса творить. Таких прицелов раньше не было.

Капитан Джаббаров помнит трудное время отступления. Он был свидетелем и первых успехов армии.

— Мне ведь посчастливилось увидеть один из первых залпов «катюши», — рассказывал Джаббаров. — Это случилось вечером. Сумерки наступили. И вдруг все вокруг вздрогнуло, сверкнули тысячи молний... Настоящее светопредставление. Что творилось в гитлеровских окопах! Трудно передать..

Карakoш любила слушать Джаббарова. Много повидал капитан. Быть свидетелем одного из первых залпов «катюши»!

— Хвостатые кометы прорезали небо. А мы, замерев, следили за ними. Огонь метался над окопами «фрицев». Вот когда и на нашей улице был праздник!..

О прошлых боях, зимой сорок первого, Джаббаров не любил вспоминать.

Как-то Карakoш все-таки спросила его:

— Трудно было?

Он промолчал. Брови сошлись. У глаз легли морщинки, словно у старого человека.

— Не то слово. Страшно подумать: мы отходили к Москве.

Карakoш пожалела... Не надо было задавать вопроса. Ей самой вспомнился холм на окраине подмосковной деревни. Звездочка и дощечка с фамилией Уткура Садыкова. Сколько она пробыла у могилы мужа? Весь день... Ее увели. Долго успокаивали. Потом она вышла, постояла недалеко от фронтовой дороги. Карakoш твердо знала: вернется регулировщицей. Лишь бы вернуться на фронт! А там...

Да... Она добилась всего. Теперь в руках у Карakoш снайперская винтовка.

— Замечательная! — говорит Джаббаров.

О делах он не спрашивает. В полку все известно. Наверное, и о платочке, демаскировке знают. Пожалуй, нет. Свидетелем был только Великанов. А он даже в шутку не скажет. Ему Карakoш верит. Как бы на месте Великанова поступил Джаббаров?

Карakoш поймала себя на этой мысли. Слишком часто она стала думать о Джаббарове.

— Я желаю вам удачной «охоты»... — сказал капитан.

Не мог же он задерживать человека, который идет на боевое задание. И так всегда. Побеседовать удается только на ходу, несколько коротких минут. На большой

разговор времени не хватает. Или они боятся этого разговора? Сами избегают.

— Что-то такой «охоты» не получается...— ответила Каракош.

Ей хотелось поделиться с ним, только с Джаббаровым, самым сокровенным, рассказать о неудачах.

— Сегодня получится...— твердо сказал капитан.

— Вы верите?

— Верю!

— Спасибо...— опустила голову Каракош.

Резко повернувшись, она торопливо зашагала в лес. Удивительно! Ни одна веточка не хрустнула. Прав Великанов... Нужно увереннее ходить, чувствовать себя хозяином.

Уверенно и осторожно...

Каракош прислушалась к звукам леса. Рядом с передовой лес, кажется притихшим, настороженным. Лес, как и люди, не верит в этот временный недолговечный покой. Достаточно одному выстрелу, как в ответ, огрызаясь, застрекочат пулеметы, ошалело ахнут мины и снаряды.

Где-то вспыхнет сухое дерево. Едкий ленивый дым поползет над землей, пробираясь между стволами.

Птицы чувствуют тревогу. Редкая птица задерживается у передовой. Летит куда-нибудь в глушь.

Но, видно, не все покинули свой хвойный край. Изредка вздрагивали ветки, кто-то шелестит прошлогодней листвой. Жизнь продолжается и здесь, где рвутся снаряды и пахнет гарью. Все равно, дождавшись своего срока, потянутся вверх молодые побеги, лопнут почки, выпустив клейкие молодые листочки. И, конечно, вернутся птицы...

Эти дни зависят от нее, от Каракош. Чем быстрее уберется «фриц» с родной земли, тем скорее наступит мир. Значит, надо изгонять врага, бить беспощадно. Из-за этого и ехала сюда Каракош.

...Могучий ствол сосны показался Каракош хорошим укрытием. В просвете деревьев белел спокойный простор. Если бы не изрытая земля, не ряды колючей проволоки...

Каракош удобней улеглась и, положив перед собой винтовку, внимательно осмотрелась. Тихий, тревожный лес. Надломленные ветви соседнего дерева, обгорелая

верхушка... А там, впереди, окопы врага. Оптический прицел приближал эти окопы. Они тоже казались споконными, давно покинутыми. До поры, до времени «фрнцы» зарылись в землю.

Снайпер должен уметь выжидать.

Пройдет час, другой и мелькнет каска, сверкнут окуляры бинокля...

Кто-то там есть... И этот «кто-то» не выдержит гнетущей тишины и покажется на свет божий.

Так любит говорить Великанов: «На свет божий...»

Каракoш будет ждать...

Она лежала, рассматривая в прицел мертвую полосу земли, и думала, думала. Как отделаться от воспоминаний. Наверное, человек бессилен против этого упрямого, настойчивого чувства.

...Уткур прощается с ней, успокаивает, уверяет, что все будет в порядке.

— Ты будешь ждать?

Глуный, разве ей нужно задавать такие вопросы? Ведь для этого достаточно взглянуть в глаза.

Он так и сделал. Посмотрел и сказал:

— Прости. Я знаю. Я верю...

...Неловко топчется почтальон у ворот. Почему он такой медлительный... Слишком долго возится с тяжелой, страшно тяжелой сумкой.

Почтальон все-таки вытаскивает казенный конверт. Конечно, это не письмо от Уткура. Это «черное письмо», «похоронная».

...Тесный кабинет военкома. Усталый голос.

— Подумайте, сестрицы...

Каракoш и Бегимхон обо всем уже подумали. Разве не может этого понять военком?

...Орзи-датхо... Ее темные руки с десятками морщин.

— Ты теперь у нас одна...

Но Каракoш не может остаться в пустом доме.

...Окраина подмосковной деревни. Могила Уткура. Русские женщины успокаивают Каракoш...

...Десятки воспоминаний. Разве от них отделаешься. Они будут тебя сопровождать по длинной фронтовой дороге. Они никогда не оставят тебя одну.

Тихо! Кажется, что-то мелькнуло на дереве, которое одиноко стоит на опушке леса.

Тихо! Нужно замереть, прислушаться, огмотреться...

На ветках дерева, которое стояло почти у окопа, резвилась белка... Откуда она взялась, смелая, шустрая. Белка не чувствовала никакой беды. Веточки, вздрогнув, под ее упругими лапками, замирали, словно удивлялись невероятным прыжкам.

Каракош хотела проследить за белкой, но оптический прицел соскользнул вниз.

Должно быть, этим рыжеватым созданием заинтересуются и другие. Должно быть...

Белка металась, радуясь хорошему дню, тишине, солнцу.

Но Каракош уже не следила за ней. Оптический прицел скользил по брустверу окопа. В перекрестии попадались комья земли, осколки металла, небрежно натянутая проволока.

И вдруг...

Конечно, это каска. Кто-то все же заинтересовался белкой, ее невероятными прыжками. Заинтересовался от скуки. Собственно, так случилось в первую минуту и с Каракош.

Белка, наверное, продолжает прыгать. Можно судить по хвойным иголкам, которые изредка падали вниз.

Щелкнул выстрел...

Не выдержал «фриц». Выстрел был одиночным, безобидным. По движению каски Каракош поняла, что во вражеском окопе кто-то недоволен выстрелом.

Но все равно, они должны заинтересоваться результатом своей невольной охоты.

Белка была сражена меткой пулей. Каракош невольно поежилась. За бруствером окопа прятался опытный враг. Его пуля беспощадна и точна.

Задевая ветки, белка мягко упала на ворох листьев. Красновато-бурая шерсть едва различалась в тени дерева.

И сразу каска показалась над бруствером. Любопытные глаза, толстоватое лицо, широкие плечи. Отличная грудная мишень... Силуэт человека. Этот «силуэт» двигался, жил, сжимал в руках оружие. Он пришел, чтобы уничтожить все живое. Шевельнись Каракош, дай о себе знать, и новый выстрел оборвет еще одну жизнь.

В перекрестие прицела попала грудь врага. Впервые Каракош стреляет в человека.

В человека?

Оказывается, даже в такую напряженную минуту воспоминания не дают покоя. Только эти воспоминания рождаются на долю секунды. Словно события, освещенные вспышкой молнии.

В человека?

Каракош за несколько месяцев на фронте увидела много бед. Ее путь начался от могилы Уткура. Сколько пятиконечных звезд над скромными холмиками. Звезды оставались позади... А солдаты двигались вперед, входили в сожженные города и деревни.

Каракош однажды увидела здание догорающей школы... Метались тетрадные листки. Какой-то листок с красной «четверкой» лежал у нее под ногами.

Каракош подняла его. Всего две ошибки.

Что стало с учительницей, с учеником?

Здание школы догорало, тлели, дымилась сырые балки.

В человека?

Каракош видела, как дергался труп гитлеровца на бруствере окопа. Это, наверное, друзья пытались стащить убитого вниз. Он был грузен, тяжел, этот «фриц».

Наконец каска дернулась, исчезла.

И снова наступила тишина.

«Теперь они носа не покажут»...— говорил в подобных случаях Великанов.

Но Каракош знала и о другом. Сейчас полетят мины, захлебнется от неистовой стрельбы пулемет. Надо менять позицию.

Она отходила, прячась за стволы деревьев. Отходила стремительно от опушки леса.

За какие-то считанные секунды она успела отойти на солидное расстояние.

Глухо ухнул взрыв мины, ворвался лай пулемета.

Гитлеровцы не видели цели. Они стреляли вслепую.

Каракош миновала сильно укрепленный передний край нашей обороны, протянувшийся почти по кромке леса, выбралась на знакомую тропинку и уже спокойно пошла к своей землянке, которую правильнее, пожалуй, было бы назвать блиндажом. Ее встретил обеспокоенный Великанов.

— Жива?..— почему-то спросил он.
— Жива... Конечно...— попыталась улыбнуться Каракoш.

Он посмотрел на бледное, взволнованное лицо.

— Понимаю.

— Все в порядке...— сказала Каракoш.

Ей не хотелось, чтобы Великанов думал о ней, как о сентиментальной девчонке. Она — солдат, снайпер. Она сегодня открыла счет беспощадной мести. За все... За Уткура, за сожженные дома, за развороченную землю, за тысячи холмиков с пятиконечными звездами.

За все...

— Иди отдохни...— Великанов легонько подтолкнул Каракoш.— Одного уложила?

— Только одного...— с искренним сожалением ответила она.

Рыжеватые брови Великанова метнулись вверх.

— Иди... Завтра будет трудный день.

Каракoш невольно улыбнулась.

Смешной человек... А когда у них были легкие дни?

И скоро ли будут...

ПРАЗДНИЧНЫЙ УЖИН

Об успехе Каракoш уже знали в батальоне. Удивительно быстро разнеслась весть. Когда Каракoш вошла в землянку, ей устроили шумную встречу. Девчата, имитируя оркестр, исполнили туш. Русоволосая Катя шагнула вперед и «от имени и по поручению»... весело, но не шутя воздала хвалу в адрес славного воина, настоящего солдата, которому «скоро будет завидовать весь полк».

Каракoш невольно улыбнулась...

Милые девчонки. Вы же очень устали. Вам отдыхать давно пора, а вы ждали.

Вскипятили чай. Разложили на столе сахар, несколько принасенных для торжественного случая конфет.

— Спасибо...— прошептала Каракoш.

Она обняла Катю. И та почувствовала, как дрожит «славный воин».

— Перестань. Возьми себя в руки...— поняла Катя.— Ты же уничтожила фашиста, который теперь никого не убьет. Понимаешь?!

Катя говорила очень тихо.

— А то сейчас уведем тебя в госпиталь и покажем наших ребят... Убедисься...

Разве Каракoш не понимает Разве она не видела перебинтованных бойцов!

Каракoш все видела. Она посмотрелась на десятки лет вперед. Сколько нужно времени, чтобы в памяти стерлись шрамы земли, чтобы погасло пламя пожаров, чтобы утихли стоны раненых и плач матерей.

— Возьми себя в руки! — повторила Катя и сжала плечи Каракoш горячими ладонями.

— Есть! — слабо улыбнулась Каракoш.

— Что вы там шепчетесь? — крикнул кто-то из девушек. — Садитесь пировать.

Каракoш быстро сняла шинель и присела к шаткому столу.

В «девничьей землянке», куда «подселили» снайпера Садыкову, умели и обычное чаепитие превращать в праздник.

— Будем гулять! — объявила Катя.

Первую кружку с чаем протянули Каракoш. Кружка обжигала ладони. А хотелось именно так держать ее, сжимая в ладонях, чтобы избавиться от проклятой внутренней дрожи.

— Ой, девчата, чай какой пахучий! — не выдержала одна из медсестер.

В эти минуты чай не мог быть обыкновенным... Каракoш улыбнулась. Действительно, надо иметь хорошее настроение, чтобы поверить такому утверждению: пахучий.

— А конфеты! Конфеты!

— Редкость, а не конфеты!

— Каракoш, не стесняйся!

— Сегодня на твоей улице — праздник!

Возгласы веселые, искренние... В землянке тепло, уютно.

«Славный воин» польщен вниманием этой шумной компании. Только вот Каракoш не относится к числу сластен. Но взять конфету нужно... Обидятся девчата.

— Комбату доложила? — не выдержала Катя.

И все замерли, придерживая кружки на весу. Хитровато переглянулись.

Ничего не утаишь в батальоне... Наверное, кто-то за-

метил, что Каракош Садыкову провожал до опушки леса сам комбат, капитан Джаббаров.

— А встречал все-таки Великанов...— притворно вздохнула одна из медсестер.

— Но не так внимательно...— подхватила другая.— Проводы были трогательнее...

Каракош смутилась, опустила голову. Но девушки уже «завелись».

«Я на подвиг тебя провожаю...» — пропел тоненький голосок, изменив известную песню.

— Надо было бы доложить...— произнесла Катя.

— Сам не догадался встретить...

— Мог бы догадаться...

Каракош не могла обижаться на девушек. Но все-таки ей трудно привыкнуть к таким откровенным шуткам. Там, в ее родном кишлаке, да и позже, в городе, на эту тему обычно не шутили.

Катя будто догадалась о мыслях Каракош.

— Ты брось загораться... Ишь щеки пылают. Давно нужно привыкнуть.

— Я... я ничего...— пробормотала Каракош.

— А вы... Хватит вам! Успокойтесь...— строго прикрикнула Катя на подруг.— Каракош на посиделках не бывала. У них свои обычаи и законы.

— Сейчас одни законы на всех...

— Точно...

Правы девушки... Как же иначе жить на фронте, в солдатской землянке. Без шутки нельзя. И ведь шутки добрые.

Что видят эти девушки?.. Сейчас отдохнут немного и снова в полевой госпиталь.

— Отдохнем! — напомнила Катя.— И Каракош нужно отдохнуть.

Но Каракош не дали отдохнуть. В дверь постучали. Значит, мужчина.

— За тобой...— почему-то определила Катя и крикнула:— Входите!

В землянку вошел замкомбата Эмин Раджабов.

— Товарищ старший лейтенант...— Катя хотела доложить, что бойцы находятся на отдыхе.

Взмахом руки замкомбата остановил доклад, поздоровался. И, подойдя ближе, позддравил Каракош.

— Значит, идут дела?

— Так точно.

Эмин Раджабов поморщился, давая понять, что он не настроен на официальный тон.

— Устала?

— Нет, товарищ старший лейтенант.

— Допустим...— согласился замкомбата.— Но идти придется. Ненадолго...

— Хорошо...

Взглянув на стол, Раджабов улыбнулся и, сожалея, произнес:

— Опоздал на пиршество...

— Можем специально организовать...— предложила Катя.

— Хорошо... Ловлю на слове. В следующий раз...

Раджабов вышел вместе с Каракош и только потом объяснил:

— Комбат вызывает...— Он пожал плечами.— Говорит, неофициально.

Каракош знала, что Раджабов прошел вместе с комбатом большой путь. Их дружба испытана тяжелым временем.

Рассказывали, что в одном бою, когда капитан Джабаров был ранен и потерял сознание, его зампострой и друг взял командование на себя и вывел батальон из плотного вражеского кольца.

После боя Раджабов доложил в штаб полка о выполнении приказа от имени своего командира.

— А где капитан?— спросили Раджабова.

— Он на перевязке.

— Что с ним?

— Легко ранен. Руководил боем. Все в порядке.

Позже, узнав об этом, Джаббаров рассердился.

— Ты что мне приписываешь свою славу?

— Не все ли равно...— удивился Раджабов.— Приказ выполнили. Вышли... А что еще надо?

— Правда нужна...

— Я и доложил...— продолжал спокойно объяснять Раджабов.— В штабе пока довольны. Людей — сохранили. А это — главное.

Эмин Раджабов умел улаживать любой вопрос. Быстро и просто. Его логика ставила в тупик самых пристрастных начальников.

Джаббаров давно перестал сердиться на своего за-

местителя, полюбил, подружился с ним. Они часто бывали вместе и, так сказать, в неофициальной обстановке.

Сейчас Раджабов шел рядом с Каракош. «Красивая... — размышлял Эмин. — Умная... Смелая... Да, теперь можно говорить, что смелая... Не много ли достоинств для одной женщины. Не дремлет мой капитан. Губа не дура...»

Зашевелилось предательское по отношению к другу, подленькое чувство — ревность. Зашевелилось... Неужели появление Каракош ставит под удар крепкую мужскую дружбу?

В последнем бою Раджабов действовал в критическую минуту самостоятельно. Оборвалась связь. А гитлеровцы прорвали левый фланг обороны. Раджабов сам повел людей в контратаку...

Вскоре появился встревоженный Джаббаров. По обстановке он догадался, какое решение принял его заместитель.

На всякий случай Раджабов кивнул на телефон.

— Ясно! Все правильно... — коротко сказал комбат.

В эту минуту они оба почувствовали, что так понимать друг друга могут только настоящие побратимы, друзья.

Говорят, что для этого нужно вместе съесть пуд соеи.

Нет... На фронте потребуется намного меньше, чем пуд.

Раджабов был уверен: он дойдет со своим командиром и другом до победы. Никакой враг им не страшен. Никто не помешает.

А здесь появился друг. Вот и коснется старший лейтенант на этого «друга». Коснется и вздыхает... Хочется старшему лейтенанту как-то подчеркнуть, какая у него с комбатом закаленная дружба. Короче говоря, дать понять девчонке, что у нее ничего не выйдет... Не подорвет она... Не сумеет...

Но как сказать? Может, Каракош и не покушается на их дружбу.

Воп... Идет себе спокойно...

А если вдуматься, страшная штука спокойствие. Может многое натворить.

— Товарищ старший лейтенант! — неожиданно обращается Каракош.

«Наверное, спросит, за чем ее вызывает комбат»...— подумал Раджабов.

— Да...

— Почему наши девушки вас называют Ильей...

Ильей...— с трудом выговорила Каракoш.

— Меня зовут Эмин.

— Я знаю.

— Но кому-то из этих ваших подруг вздумалось так.

Он смутился. Заметила Каракoш. Она хорошо знает, кому «вздумалось» назвать его Ильей. Неужели подрастить решила? Ну, это слишком...

Каракoш, как ни в чем не бывало, продолжила:

— Услышала и удивилась...

У нее усталый вид. Нет. Не дразнит.

— Зашел как-то к ним...— сказал Раджабов.— Пил чай. Попросил без официальности. Они сразу по поводу имени. Говорю «Эминджан».— «Трудно! — кричат.— Полегче... На Илью похоже». Спрашиваю: хорошее имя? «Нам — нравится» — ответили дружно.

— Один Илья даже святым ухитрился стать,— в шутку вспомнила Катя. Ну, я и согласился. Святым, говорю, еще не был. Попробовать надо...

Каракoш рассмеялась...

— Ну, на святого вы не похожи.

— А наш комбат? — неосторожно спросил Раджабов.

— Комбат?— Каракoш строго посмотрела на старшего лейтенанта.

Он выдержал ее взгляд с грузом.

— Да, комбат,— подтвердил Раджабов.

— Комбат тоже не похож на святого,— серьезно ответила Каракoш.— Вы... Комбат и вы, Эмин-ака, солдаты. Вы настоящие воины! Вот почему к вам относятся с большим уважением. Больше, чем к святым...

Раджабов не знал, что ответить. Хотел отделаться шуткой, но не нашел нужных слов.

— Интересно, что затеял каштан...— пробормотал Раджабов.

Они подошли к землянке.

Старший лейтенант толкнул ногой дверь и пропустил вперед Каракoш.

В землянке пахло. О чудо! Пахло настоящим пловом.

«Да...— подумал Раджабов.— Конечно же, мы будем

отмечать удачу Каракеш. Так еще не отмечали ни одно «боевое крещение». Вот тебе и дружба...»

Настроение у старшего лейтенанта окончательно испортилось.

* * *

— Разрешаю садиться!— сказал комбат. Он пожал руку Каракеш, поздравил с удачным началом ее снайперской службы.

— Ну вот. Не зря вас учили. Теперь дело пойдет.

Заметив сдвинутые брови у своего помощника, Джаббаров удивленно спросил:

— Ты что? В такой день?

— Обычный день...— пожал плечами Раджабов.

Он мог бы добавить, сказать, что ничего в этом особенного нет. Подумаешь, прихлопнула фрица. Нельзя же по такому случаю бить в барабаны. На фронте — затишье. Настоящие бои еще впереди.

Капитан хотел все-таки узнать: в чем дело, какая муха укусила Эмина.

— Что нибудь стряслось?

— Тишина...— коротко ответил Раджабов.

Всем своим видом он давал понять: ничего не может произойти. Затишье.

Больше вопросов капитан не задавал. Если все в порядке, нужно накрывать на стол. Два бойца внесли по котелку с пловом. Медали позвякивали на груди сержанта Крупени.

— Запах какой! — восторженно сказал сержант.— Аж аппетит появился.

Второй боец счел нужным спросить:

— А когда его у тебя не было, аппетита?

Сержант не стал отвечать. Отряхнув ладони, он добавил:

— Познакомимся с вашими кулинарными способностями, товарищ капитан.

— Трудно сказать, что получилось...— улыбнулся Джаббаров.— Не те условия... Кастриули разве посуда?..

— Другая обстановка...— согласился сержант.

Раджабов продолжал молчать. Обычно в компании это самый веселый партнер. Он умеет поднять настроение самому хмурому человеку.

Сержант Крупеня тоже заметил сдвинутые брови замкомбата. Заметил, но промолчал. Мало ли что у человека на душе.

— Из последних запасов...— сообщил капитан, показывая на котелки с пловом.

— Ничего... Шефы еще подошлют...— успокоил Крупеня.

Каракош чувствовала себя неловко. Собственно, ей впервые пришлось вот так, одной, участвовать в мужском разговоре.

— Кстати... По поводу шефов...— комбат шагнул в угол землянки и, повернувшись, поднял бутылку.— «Баян-ширин»...

Сержант Крупеня молча посмотрел на незнакомую этикетку.

Раджабов не без удивления заметил:

— Ого!

— Настоящий «Баян-ширин»!— повторил капитан.— Солнце! Сок земли...

— Вино?— осторожно спросил Крупеня.

— Самое легкое. Золотистое...— пояснил капитан.— Ты такого не пил.

— Легкое...— хмыкнул боец.— Специально для Крупени. Его любимый напиток.

— Помолчал бы...— тихо посоветовал Крупеня.— Развеселился очень.

— А я что... Я ничего...— пробормотал боец.— Конечно, мы такого вина не пробовали.

Сержант Крупеня не понял: продолжает ли его друг шутить или говорит серьезно.

— Не пробовали...— на всякий случай повторил боец.

— Ну вот и попробуем. Садитесь, товарищи...— предложил капитан.— Каракош, не стесняйтесь. Вы же снайпер, солдат.

«Начинается!»— сверкнул глазами Раджабов.

— У нас, товарищи, сегодня праздник...— сказал Джаббаров.— И хорошо, что мы имеем возможность его отметить.

Каракош заметно смутилась и умоляюще посмотрела на капитана. Но он, открыв бутылку, разливал по стаканам золотистое вино. Потом поставил бутылку в центр стола. Все посматрели на этикетку.

«Баян-ширин...» Такие бутылки Каракош видела

в первый и последний раз во время своей свадьбы. Больше у нее праздников не было.

«Зря Раджабов все это устроил...— думала Каракон.— Нельзя же возводить в подвиг обыкновенный поступок».

Она невольно взглянула на боевые медали сержанта Крупени. Известный разведчик... Он давно в полку. Вместе с Джаббаровым и его помощником прошел большой путь. На счету Крупени четыре «языка». Говорят, очень важные «языки». Неужели каждую удачу отмечали таким торжеством?

Капитан взял стакан, поднялся, осмотрел присутствующих. Каракон невольно опустила глаза. С опущенной головой сидел и старший лейтенант.

Крупеня переглянулся со своим другом. Балагур перестал шутить. То ли после замечания Крупени, то ли почувствовал, что в землянке не та обстановка.

— У нас, товарищи,— повторил комбат,— сегодня праздник.

После короткой паузы капитан весело заключил:

— У моего боевого заместителя и друга Эминджана, Илюши Раджабова, день рождения...

Старший лейтенант с недоумением взглянул на комбата, потом хлопнул ладонью по столу и рассмеялся.

— Забыл! Честное слово, забыл!

Капитан поднял руку. Но трудно усноковать замкомбата. Он горячо доказывал, как замотался и совсем потерял голову.

— Ведь надо. Забыл. Совсем забыл...

— А ваш друг и командир помнит...— тихо произнесла Каракон.

Она была счастлива. Необыкновенно счастлива. За капитана, за его заместителя, за всех.

Какой молодец Джаббаров!

Как замечательно, что есть солдатская дружба, что есть такие люди...

— Вот это праздник!— сказал сержант Крупеня.— Нужно выпить за товарища старшего лейтенанта.

На своего друга Крупеня старался не смотреть. Да, он не знает дней рождения своих подчиненных. Даже не думал об этом в сложной боевой обстановке.

А капитан не забыл. И у капитана побольше дел и забот.

— Что же вы, сестрица, не пьете?— обратился Раджабов к Каракош.— За меня...

Замкомбата не скрывал своего счастья.

— Я.. Я пью...— ответила Каракош.

Она-то и на своей свадьбе только пригубила вино. До сих пор не знает его вкуса.

— В такой день...— продолжал Раджабов.

Капитан молчал, улыбаясь, поглядывая на Каракош.

— Хотя бы глоток...— не унимался Раджабов.

— Нас не надо уговаривать...— сказал веселый боец.

Сержант Крупеня подозрительно покосился на друга: не выкинет ли какую-нибудь штуку.

— Хорошее вино...— сказал Крупеня.— Пусть все, товарищ старший лейтенант, обойдут все несчастья.

— Прав сержант,— поддержал Джаббаров.— Вынь-ем за нашего боевого товарища. Пожелаем ему, чтобы все пули, все осколки пролетели мимо. Пусть он живым и здоровым вернется домой. А мы потом придем к нему в гости.

— Согласен!— крикнул Раджабов.

Они допили вино, и капитан подал на стол большую тарелку с пловом. Где он только ее разыскал, эту тарелку. Неужели о каждой мелочи подумая, готовясь ко дню рождения друга?

Каракош давно уже не видела такой золотистой горки, излучающей удивительный запах.

От плова, конечно, она не отказалась. Дух захватывало...

От души похвалила кулинарные способности капитана.

— Нашему комбату цены нет!— согласился Раджабов.

— Согласна с вами...— неожиданно произнесла Каракош и покраснела.

Ну и слова сорвались! Что только с ней происходит...

Капитан постарался сделать вид, что не слышал этого разговора. И Каракош оценила его тактичность.

— Теперь о деле...— сказал капитан.

Все невольно притихли.

— Ешьте, ешьте...— засмеялся Джаббаров.— Только хотелось бы сочетать приятное с полезным... Времени у

нас не так много. Каракош надо как следует отдохнуть. Да и другим.

Каракош и Крупеня особенно внимательно слушали капитана. Оказывается, не случайно пригласил их комбат.

Это им завтра предстоит выполнить важное задание.

Командир решил послать именно самых опытных разведчиков. Затянувшееся затишье всех давно беспокоит. Тишина на фронте настораживает. Не может быть, чтобы враг сидел сложа руки. Конечно, идет подготовка к новым боям. Какая подготовка? Что затевает «фриц»?

Короче говоря, нужен «язык».

С разведчиками пойдет и Каракош. Сержант Крупеня попросил хорошего снайпера. Вот и остановились на кандидатуре Каракош.

Ее не хвалили... А просто сказали: остановились на ее кандидатуре.

...Каракош вышла из землянки вместе с Раджабовым.

— Я и не знала, — извиняюще сказала она, — что у вас день рождения. Без подарка.

— Сам забыл... — улыбнулся Раджабов. — А по поводу подарка зря беспокоитесь. Будем считать, что вы его мне преподнесли. Того «фрица».

— Хорошо...

Темнело. Каракош вернулась в свою землянку, когда девушки из полевого госпиталя собирались на дежурство.

— Умоталась? — спросила Катя.

— Немного...

— Видно, как немного... Ложись, отдыхай...

Каракош с трудом разделась и через несколько минут крепко заснула.

На этот раз ей приснилась весна... Тихий вечер... Легкий ветерок. И рядом с ней было чье-то лицо... Доброе, веселое...

НЕЙТРАЛЬНАЯ ПОЛОСА

День выдался по-настоящему весенний. В землянку ворвалась Катя и радостно крикнула:

— Девочки, а там воздух какой! Голова кружится.

— Она у тебя еще зимой начала кружиться...— сказал кто-то из медсестер.

В землянке засмеялись. Но Катя не обиделась.

— Такая наша доля...— притворно вздохнула она.— Горькая женская доля.

— Ай, бедненькая. Пожалеть некому.

— Есть...— серьезно ответила Катя.— Вернес, захочу — и будет. Только не до этого сейчас.

Конечно, не до этого... Карakoш тоже хорошо понимает, какое время. О чем люди думают? Только о войне. И все-таки...

Вот приснился сон... Доброе, веселое лицо. Карakoш старалась рассмотреть, запомнить его. Лицо растаяло в дымке. Полз легкий туман над землей, и за ним прятались чьи-то глаза, прятались деревья и цветы. И все это кричало: «Весна!», будило радость и боль.

Непонятный, странный сон... Что значит война, если даже во сне, окутанные легким туманом, приходят к людям весны... А может быть, это не легкий туман, а самый настоящий черный плотный дым, который часто стелется над землей.

— Выйди, подружка!— посоветовала Катя.— Все-таки хорошо весной. Как дышится!..

Карakoш вышла и замерла у землянки. Права Катя. Воздух необыкновенный. Из леса выползает тот самый легкий туман, который ей приснился.

Очень тихо... На войну не похоже. Если бы еще не «паутина» окопов, не солдаты, не расчехленные орудия...

Весна...

Откуда взялась смутная тревога. Закрадывается в сердце. Никуда от нее не денешься.

Карakoш поймала себя на мысли, что в каждом проходившем мимо офицере она хочет увидеть только одного — ей нужного человека. А вот об имени офицера боится даже подумать.

Умывшись, Карakoш снова нырнула в землянку. Многие уже проснулись. Здесь не было точного распорядка дня. Девушки уходили на дежурство в полевой госпиталь по своему, им только известному, расписанию. У девушек были и бессонные ночи, и самые неожиданные вызовы во время их короткого отдыха.

— Карakoш, как провела вечер?

Нужно кому-то все точно знать.

— Она великолепно выспалась...— решила встать на защиту Катя.

— Да, хорошо...— сказала Каракoш.— Такого давно не бывало. Что на фронте?

Катя вернулась с дежурства и, наверное, в курсе событий.

Сводка невеселая. Катя с неохотой рассказывает о боях, в которых под напором «превосходящих сил противника» наши опять вынуждены отступать.

В землянке стало очень тихо. Никто не решается нарушить эту тишину.

— Вынуждены...— повторяет Катя.— И мы сидим. Чего сидим, не ясно.

Всем хорошо известно, какой путь проделала дивизия. Наверное, и немцы живут в ожидании пополнения.

Лежит между окопами нейтральная полоса. Тянется редкий, вымерший лес, под легким туманом дремлют коварные болота.

Это и есть временное затишье. Порой кажется — нет на широком просторе ни единой души. Но зоркие глаза, чуткие уши дозорных и разведчиков не верят этой тишине.

Люди живут ожиданием боя и готовы к нему в любую минуту.

...Очередная дежурная притащила в землянку завтрак.

— Налетай, девчата...

Для удобства в каждом котелке — три-четыре порции каши.

— Я вчера ела плов,— сознается Каракoш.

Из девушек никто не знаком с этим блюдом. Поэтому особой зависти не высказывается.

— Значит, гуляли?— равнодушно спрашивает Катя.

— Гуляли. Причина была уважительная...

— Спайпер Садыкова ухлопала «фрица»,— Катя, видно, готовит дружескую шутку в адрес виновницы торжества.

Зря готовит. Она еще не знает, что ее ждет.

— Нет... Садыкову не чествовали... Другого, настоящего героя...— сказала Каракoш.

Теперь нужно помолчать. Любопытство не оставит девушек в покое.

— Какого еще героя?— насторожилась Катя.
— Есть такие... Тебе-то зачем знать?..— равнодушно сказала Каракош.

Ложки перестали стучать.

— Ну, ну... Не тяни!

— Говори же, Каракош...

— Катя обидится...— сообщила Каракош тем же равнодушным тоном.

— Почему?— удивилась Катя.— Что-то ты, подружка, тянешь?

— Ешьте, — спокойно продолжала Каракош.— Мне скоро уходить надо. Котелок не успею помыть.

— Твоя школа...— обратилась одна из медсестер к Кате.

— Разыгрывает!— констатировала другая.

— Точно. Научилась у Катерины.

Каракош продолжала завтракать. Отложив ложку, потянулась к кружке с чаем.

Конечно, сейчас Каракош уйдет. Допьет чай и уйдет.

— А если серьезно?— забеспокоилась Катя.

— Был день рождения...— коротко ответила Каракош.

— Чей?— почти хором выкрикнули девушки.

— Одного человека... Обиделся он очень...

— Кто?

Каракош торжествовала. Вот вам, Катенька, за все шуточки!

— На кого?— не унимались девчата.

Каракош начала одеваться.

— На Катю обиделся... Не поздравила.

— Кто? Кого?

Девушки забыли о завтраке. Уйдет Каракош! Неужели уйдет, жестокий человек.

— Кто? Кто?— недовольно повторила Каракош.— Неужели не догадаетесь?

— Илюша!— выдохнули девушки.

— Старший лейтенант Раджабов...— поправила Каракош и небрежно добавила:— Ну, я пошла...

Вот так-то, Катенька! За все шуточки.

— Я пошла...— повторила Каракош.

Она вовремя вышла из землянки, словно чувствовала, что за ней уже направился сержант Крупеня.

Они шли через лес... Шаг у Крупени, такой же легкий, как у Великанова. И он чем-то похож на прославленного снайпера.

За Крупеней двигался боец, с которым вчера познакомилась Каракoш. Боец просил называть его «просто Сашей».

На инструктаже у комбата была детально разработана операция. Конечно, обстановка могла измениться. И тогда бы пришлось действовать по обстановке.

Но пока цель одна: дойти через болото до расположения противника, выследить и захватить «языка». Каракoш должна прикрывать действия разведчиков, обеспечить их безопасность.

Сержант Крупеня шел по лесу смело и решительно. Видимо, едва заметная тропинка давным-давно знакома разведчику.

Наверное, так оно и есть...

Прежде чем выбрать эту тропинку, Крупеня несколько раз обошел лес, подходил к болоту. Только потом тонкая, извилистая линия легла на карту.

Какое-то особое чутье у разведчиков. Но это чутье всегда подкреплено большой тщательной подготовкой.

Тихий шорох, редкие голоса птиц... И здесь лес вымер. И здесь покачиваются сожженные, обрубленные вершины.

Через некоторое время Крупеня дал знак подчиненным: отдых.

Они присели на хворост, откинувшись спиной к стволам деревьев.

Каракoш не устала. Конечно, не устали и мужчины. Но Каракoш хорошо понимала, для чего нужен отдых. Впереди самое трудное. Трудное и неизвестное. Сколько еще идти? Сколько потребуется сил? При любой тщательной подготовке вряд ли учтешь все случайности.

Сержант Крупеня, словно спортсмен перед стартом, слегка пошевелил носками сапог.

Саша смотрел на сержанта выжидающе. Тот не по-

нял этого взгляда. Тогда боец вытащил из кармана кисет. Но подумав, тяжело вздохнул и спрятал его.

Каракош жила ожиданием. Ее не пугала предстоящая операция. Только было не по себе от полной неизвестности, большого внутреннего напряжения.

Интересно, как чувствует себя сержант Крупеня?

Он покусывает губу. Нет, это не волнение. Вероятно, Крупеня в уме перебирает десятки вариантов операции.

— Пошли...

Крупеня не сказал, а кивнул, едва пошевелив губами.

Они поднялись и снова, легко ступая, двинулись по тропинке. Лес становился реже. Донесся запах мокрой, перегнившей травы, тухлой болотной воды.

В просвете деревьев показалась зыбкая, странная полянка. Болото... В ста-ста пятидесяти метрах от опушки леса среди болота возвышался островок.

На островке — несколько деревьев и чахлах кустов.

Группа должна перебраться на островок. Там останется Каракош, а Крупеня со своим другом двинется через болото дальше, к чужому берегу.

Об этих действиях и говорилось у комбата Джаббарова.

На этот раз он ее не провожал. Он задержал горячую ладонь Каракош в своей.

— Желаю успеха...

Каракош опять вспомнила лицо капитана. Брови, глаза, губы...

Почему человек иногда беспилен... Она не хочет, не желает думать о Джаббарове. Но даже в такой сложной обстановке все-таки вспоминает. Брови, глаза, губы...

Глаза черные... Ничего особенного в них нет. Разве только побольше смелости, уверенности, чем у других. А брови?

Сержант Крупеня дернул Каракош за рукав и неодобительно кивнул головой. Вероятно, Крупеня по своему понял ее рассеянность.

Каракош улыбнулась и бодро кивнула: все хорошо.

Зыбкая тропинка с мохнатыми кочками покачивалась под ногами. Каракош поняла, что кочки — спасе-

ние. Ей об этом утром твердил Крупеня: не бойся, шагай.

Но впервые взглянув на болото, Каракош недоверчиво отнеслась к мохнатым пятнышкам среди бурой мокрой травы.

Бойцы шли медленно. Крупеня с длинной палкой в руках прокладывал, проверял путь. Сержант изредка поворачивался и подбадривал товарищей.

Островок, казалось, был рядом. Но добраться до него нелегко. Каждый шаг нужно рассчитать. Один, второй, пятый... Сколько же шагов до островка, до твердой земли...

Они шли, слегка балансируя. И та уверенность, которая чувствовалась в каждом движении сержанта Крупеня, невольно передавалась Каракош.

Судьба свела молодую узбекскую женщину, так мало видевшую в жизни, с опытными, смелыми людьми.

Если бы Каракош верила в бога, она, как Орзи-датхо, по вечерам молилась бы за таких людей.

Великанов, Джаббаров, Крупеня, Катя... Это же счастье, что ее окружает замечательный народ.

Каракош мысленно назвала Джаббарова в «своем списке» вторым. Она сама поняла: хитрит, обманывает себя. Трудно уйти ей от этого человека. Даже здесь, на трудной, зыбкой тропе вспоминала... Рядом со смертью...

Сержант поднял руку. Все остановились. Ни шороха. Только где-то рядом изредка булькает вода.

Что мог услышать Крупеня?

Он резко махнул, приказывая двигаться быстрее.

Через несколько минут Каракош ощутила под ногами твердую землю. Каракош даже пристукнула каблучком. Попробовала... Да, настоящая земля.

На островке было сыро, неуютно. Островок продувался со всех сторон холодным, сырым, пронизывающим насквозь ветром.

А здесь нужно было залечь и ждать. Когда на том; чужом берегу дрогнут кусты... Когда появятся фигурки гитлеровских солдат.

Сержант Крупеня уверял, что обычно к вечеру здесь «копошатся» фрицы.

Начиналось самое томительное, рискованное, трудное...

Если бы здесь похозяничало солнце! Настоящее, яркое солнце...

Каракoш вспомнила, как она пряталась от жгучих лучей на берегу прохладного арыка, под ветвями джиды. Желтоватые соцветья накалились... От них шел острый хмельной аромат. Даже голова кружилась.

Каракoш тогда пряталась от солнца... Как можно прятаться? Сейчас бы эти лучи! Как не хватает их этому сырому, промозглому простору!

Каракoш взглянула на сержанта Крупеню. Тот косился на своего друга. Уже раза два Саша тянулся за киесом. Хорошо знает, что курить в этой обстановке нельзя. Тянется машинально. Вот и сверкает глазами Крупеня. Вернутся в расположение батальона, Крупеня тогда устроит своему подчиненному разнос.

На чужом берегу было тихо. Покачивались грустные березки, за ними поднимались более мощные стволы есен.

Тихо... Сколько уже прошло времени? И сколько еще нужно ждать?

По догадкам Крупеня, гитлеровцы хотят укрепить оборону на этом участке. Вот и «коношится» группа. По-видимому, саперы.

Крупеня все рассчитал, все обдумал. По его словам, операция должна пройти стремительно и успешно.

Но Каракoш, Крупеня и Джаббаров хорошо понимали всю сложность операции.

Прошло часа два. Каракoш отложила снайперскую винтовку и размяла пальцы. Чувствуется, как они затекли.

Крупеня кивнул снайперу: пора, мы уходим.

Другой едва приметной тропинкой он и Саша двинулись на чужой берег и скрылись за редким кустарником.

Каракoш с восхищением следила за разведчиками. Какие молодцы!.. Даже кустик не шелохнулся. Как сквозь землю... Каракoш невольно посмотрела вслед через оптический прицел. Только кусты. Тревожная, мертвая нейтральная полоса.

Пустынный берег.

Каракoш остановила взгляд на приземистых кустах.

Мелькнул белый флажок. Мелькнул на секунду... Сигнал. Крупеня сообщил, что они перебрались благополучно.

Снова ожидание...

Немцы появились часа через полтора.

Их было четверо. Офицер осмотрелся, сделал знак подчиненным: «Ко мне!»

Тихо...

Офицер открыл планшет, вытащил карту, развернул ее.

Солдаты, воспользовавшись вынужденным бездействием, закурили. Один из них повесил автомат на сучок дерева.

Солдаты смеялись... Вероятно, этот, без оружия, размахивая руками, рассказывал веселую историю.

Им было очень смешно. Офицер недовольно повернул голову, но ничего не сказал. Прав Крупеня... Это саперы. А офицер — не строевой командир. Солдаты, видимо, сопровождают военного инженера.

Оптический прицел скользнул на погоны. Но офицер склонился над картой. Было трудно разобрать знаки различия.

Солдаты продолжали смеяться. Вот и второй немец, успокоившись, повесил свой автомат. Оружие мешало ему хлопать в ладони от удовольствия.

Теперь Каракош следила за кустарником, где укрылись ее друзья.

Кажется, она перестала дышать... В висках стучало.

«Так нельзя... — подумала Каракош. — Надо успокоиться... Нельзя... Они же надеются на меня...»

Ну, что тянет Крупеня... Что он еще ждет?

И вот опять мелькнул долгожданный флажок.

В перекрестии прицела появилась фигура солдата. Третьего солдата, того, кто остался с оружием. Он курил, но сжимал на всякий случай автомат. Это опытный солдат. Он не верит тишине, не верит сложной преграде — вязкому болоту.

Хохот оборвался вместе с выстрелом.

Продолжая сжимать автомат, солдат медленно поворачивался на бок.

В перекрестье прицела уже попал второй солдат. Он ближе к своему оружию. Ему только протянуть руку. Но солдат не успел этого сделать.

Он тоже падал медленно, словно решил присесть, нагнуться за каким-то уроненным предметом.

Офицер испуганно оглядывался по сторонам. Он сжал в кулак край своей карты.

Третий солдат бросился к дереву, резко рванул автомат.

— А-а!

Этот его крик... Пронзительный, страшный, последний. Крик отозвался в лесу.

— А-а!..

Автомат остался висеть на сучке.

Каракосх передохнула. В горле пересохло. Очень захотелось пить.

Взять и подползти к болоту, зачерпнуть ладонью хотя бы эту грязную застоявшуюся воду.

Сержант Крупеня что-то кричал по-немецки. Наверное, единственную, необходимую сейчас фразу: хенде хох!

Но Каракосх не слышала слов. Она видела, как упала карта и офицер поднял руки.

Крупеня повел гитлеровца к тропке. Второй разведчик наклонился над убитыми. Вероятно, собирал документы.

Каракосх опять насторожилась. Ей нужно следить за чужим берегом. Были выстрелы, был крик... Их могут услышать гитлеровцы.

Каракосх видела, как торопливо, небрежно сунув карту в карман, сержант подтолкнул немецкого офицера. Ошарашенный неожиданным нападением, он оглядывался по сторонам, надеясь на чудо. Неужели никого нет рядом, кто бы мог спасти...

Один автомат по-прежнему висел на сучке дерева.

И офицер почему-то задержал взгляд именно на этом, сейчас безобидном, оружии.

Пленного подвели к болоту, к той незаметной тропинке, по которой предстояло перебраться на островок.

Каракосх продолжала следить за чужим берегом, ожидая, когда разведчики с немецким офицером ступят на твердую землю.

Через несколько минут она увидела бледное лицо офицера.

Ей очень хотелось взглянуть на Крупеню. Но против воли она продолжала смотреть в глаза врага.

— Арбайтер, арбайтер,— стучал себя в грудь офицер.— Рур...

Каракосш увидела белые, колёные пальцы.

— Ишь ты, сразу арбайтер,— усмехнулся Крупеня.— Рур, может быть, правильно. Но на рабочего ты не похож.

Он повернулся к чужому берегу. Там было по-прежнему тихо и пустынно.

— Пошли... Уже темнеет.

Внешне Крупеня был спокоен.

— Перекурить бы...— несмело предложил второй разведчик.

— Чтоб я с тобой еще...— зло начал Крупеня.

— Это я так. К слову. Так...— быстро перебил Саша.

— Пошли!— повторил Крупеня.

Предстоял обратный путь через болото. Кочки... Мохнатые кочки зыбко покачивались под шагами.

Сержант Крупеня снова шел впереди. За ним немец.

Замыкала шествие Каракосш. Уже смеркалось. Каракосш прислушивалась к звенящей тишине... Странно, но она не ощущала ни голода, ни усталости.

* * *

Когда они подошли к расположению батальона, сержант Крупеня повернулся к Каракосш.

— Молодец!— сказал он.— Право, настоящий молодец. Как подкошенные падали.

— Здорово!— согласился Саша.

— А ты закуривай...— великодушно разрешил Крупеня.

— Ну чего уж там... Подожду... Теперь — не к спеху.

Навстречу попадались бойцы. Они весело приветствовали группу.

— С уловом!

— Важную птицу поймали...

Офицер сжался под взглядами, полными любопытства и презрения.

У землянки комбата Крупеня остановился.

— Подождите! Сейчас...

Он согнувшись вошел в землянку. Потом оттуда донеслось:

— Давайте сюда...

Вероятно, доклад сержанта Крупеня был предельно краток.

Офицера пропустили вперед. Саша не выдержал и подтолкнул его прикладом, хотя в этом необходимости и не было.

Капитан Джаббаров осмотрел пленного, потом уже поздравил бойцов с удачным завершением операции.

— Все в порядке, значит?!— спросил комбат у Каракош.

— Так точно, товарищ капитан.

— Устали?— спросил он.

— Пока нет...

Каракош ответила честно. Да, еще усталости не чувствовалось. Но нервы напряжены до предела.

Это хорошо понимал комбат.

— Садитесь,— предложил он.

— Товарищ капитан,— обратился Крупеня,— разрешите закурить...— Он кивнул на своего друга.— Вот ему...

— Я что... Я могу и подождать...— возразил Саша.

— Не можешь...— твердо заявил Крупеня.

— Курите,— разрешил Джаббаров.

Скрипнула дверь. В землянку торопливо спустился Раджабов.

— Вернулись?!— обрадовался он, потирая руки.— Молодцы!

Он посмотрел на знаки различия немецкого офицера.

— Знатную птицу пригнали. То, что нужно!

— Вот...— Крупеня положил на столик карту и документы убитых гитлеровцев.

— Трех?— Раджабов качнул головой.— Повезло. Ничего не скажешь.

Капитан Джаббаров посмотрел на Крупеню.

— Продолжайте. Я слушаю.

— Он сразу поднял ручки... Говорит, что рабочий, из Тура.

Пленный офицер понимал, что разговор идет о нем.

— Я, я... арбайтер... Рабочий... На заводе... Рур... Работал.

— Знаете русский?— спросил капитан.

— Немного знаю... Совсем немного...— слабо улыбнулся офицер.

— Рабочий?— сдвинул брови Раджабов.
Он не спускал глаз с холеных рук немца.
— Значит, рабочий?
— Найи... Нет...— торопливо заговорил немец.— Инженер. Был рабочий. Потом учился. Инженер.
— Врешь, гадина...— Раджабов замахнулся на пленного.

Каракoш удивленно, даже с испугом взглянула на замкомбата.

Раджабов почувствовал этот взгляд. Ему стало неловко.

— Врет!— крикнул он.— Все врет!

Капитан тоже осуждающе посмотрел на своего заместителя.

— Товарищ старший лейтенант,— подчеркнуто официально произнес Джаббаров.

Замкомбата вытянулся.

— Нужно вместе с сержантом Крупеней доставить пленного в штаб дивизии.

— Есть, товарищ капитан...— с заметной обидой ответил Раджабов.

— А вы, товарищи, отдыхайте...

Каракoш еще раз взглянула на немецкого офицера. Она впервые так близко видела врага. Вместе с ним шла через болото. А теперь офицера увезут. Вероятно, от него узнают много важного.

Больше она его не увидит. Завтра снова лес, снова ожидание, снова «охота»...

Смогла бы Каракoш все, что с ней произошло за эти два дня, описать или подробно рассказать?

Пожалуй, нет...

Кажется, прошло не два дня, а целая вечность.

— Ну, вот...— притворно вздохнул Саша,— нас и «засекли».

— Что?— не поняла Каракoш.

— Взяли на карандаш,— уточнил боец.— Значит, того... Отличились...

Он хитровато прищурился. Каракoш поняла, что боец «отошел», повеселел, ему захотелось пошутить.

— Да... Я так же думаю...— вздохнула Каракoш.

— Думаешь?— удивился Саша.

Теперь он не понимал, серьезно говорит Каракoш или тоже шутит.

— О чем думаешь?— переспросил он.

— Там... В штабе дивизии сержанту Крупене орден дадут.

— В дивизии не дают орденов,— хмуро сообщил Саша.

— Тогда можно спать спокойно...— сказала Карakoш и засмеялась.

Боец тоже захохотал.

— Ну разыграла! А я-то...

Он не договорил. Карakoш уже свернула к своей «девичьей землянке».

У землянки она остановилась и посмотрела на лес. Деревья поднимались плотной черной стеной. Над ними уже замигали первые бледноватые звездочки.

Весна... Конечно, весна... Ничего, что подул прохладный ветерок, заставил поежиться.

Весна...Тихий, совсем не фронтовой вечер.

Сегодня в штабе дивизии выяснится, надолго ли это затишье. Не зря же, не прогулки ради вышел к болоту немецкий офицер с солдатами.

Он-то знает, что замышляют его командиры.

И тогда...

Может, завтра вздрогнут деревья от грохота и огня. Полетят комья земли.

Надо спать, пока тихо...

Девчата еще не вернулись из госпиталя. В землянке было пусто. На столе под чьим-то ватником стоял котелок с кашей, лежал хлеб. Каша все-таки остыла. Наверное, еще с обеда поставили.

Карakoш очень хотелось выпить чаю. Только сейчас она почувствовала, как продрогла там, в болотах, на нейтральной полосе.

Но нужно идти к полевой кухне. Вряд ли Карakoш сделает еще шаг. Странное состояние... Возвращалась бодро, шутила с разведчиками, а очутилась дома, в землянке — сразу и озноб, и усталость.

— Карakoш!

В углу землянки кто-то заворочался.

— Ты вернулась? Все в порядке?

— Да...—глухо ответила Карakoш.

Медсестра поднялась, подошла к подруге, приложила ладонь ко лбу.

— Ты не простудилась?

Каракoш улыбнулась.

— Я что-то не встречала на фронте простуженных.

— Ложись, ложись... А то будешь первой. Девчата сейчас вернутся. С ужином. Подождешь?

— Конечно, подожду...

— Ну вот и отдыхай. Целый день на ногах. В болоте... Могла не вернуться... Шутка ли?!

Каракoш только улыбается в ответ. Знает: подружке дежурить пора. Ей тоже быть всю ночь на ногах.

Медсестра поправила на Каракoш одеяло, укрыва ширелью. Стало очень тепло. Словно от солнца, жаркого ташкентского солнца, о котором Каракoш невольно вспоминала сегодня на нейтральной полосе.

МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Письмо от Бегимхон было очень коротким. «Живем, служим,— писала она.— Вспоминаем тебя. Очень часто».

Каракoш представила их землянку. Хотя нет, землянку они, наверное, давно сменили на блиндаж.

Войска Западного фронта медленно, но упорно двигались вперед.

«Живем, служим...»

Что еще может добавить фронтовик к этим словам? Какие подробности? Тем более немногословная Бегимхон.

Разбросала судьба подруг.

Почему опять ссылки на судьбу? Каракoш стремилась к своей цели. Вот и достигла чего хотела.

Каракoш служит в боевой части, всегда на переднем крае.

Об этом участке фронта идет хорошая молва. Войска долго сдерживали натиск врага. Ставка продолжала укреплять этот участок. Были приняты меры по усилению войск и соседнего Брянского фронта, который прикрывал орловско-тульское и курско-воронежское направления.

Гитлеровцы, не сумев прорваться к Москве, надеялись весной 1942 года обойти советскую столицу.

Шли разговоры, что командование немецко-фашистских войск планирует широкое наступление. Задача —

разбить Красную Армию и закончить войну в 1942 году — не снималась фашистским командованием с повестки дня.

На сравнительно спокойном участке фронта шло напряженное накопление сил, подготовка к решающей схватке.

Доставалось и снайперам. «Охота» за гитлеровскими разведчиками, саперами, просто за солдатами на переднем крае шла круглые сутки.

Не всегда «охота» была удачной. И девушки по лицу, по настроению Каракош это понимали. Не лезли с расспросами, старались проявить внимание, отвлечь.

Несколько дней хлестали проливные дожди. От шинели поднимался пар. Даже в крепких кирзовых сапогах было влажно.

Девушки опекали Каракош, когда она, усталая и промокшая, возвращалась из очередной засады. После ужина в такие дни можно было услышать:

— Ложись и спи. Мы сами просушим твои «наряды».

Каракош смущалась, уговаривала подруг:

— Я сама...

— Лежать! — шутя прикрикнула Катя. — Это медицина приказывает...

— Слушаюсь...

Приятны часы отдыха... И новая, уже четвертая по счету землянка кажется давно обжитой, знакомой и уютной. А все-таки хочется, чтобы и сюда вошли Бегимхон, Бобровникова, Михайлова... Пусть смотрится в зеркало аккуратненькая Маша, пусть скользнет по лицу редкая улыбка у Вали...

Где они, первые боевые подруги Каракош?

Дивизия продвинулась вперед... Особенно полк, в котором служит Каракош. Словно предчувствуя, что погода изменится и пойдут дожди, полк рывком вышел из леса, сломал оборонительные сооружения гитлеровцев и занял новые позиции.

Дальше двигаться было рискованно. Каракош видела карту. На ней резкими зигзагами обозначена линия фронта.

Неужели войска Красной Армии не могут выровнять эту линию? Наверное, пока не могут. Еще чувствуется превосходство фашистов и в людской силе и в технике.

Хорошо, что в такую погоду не летают немецкие самолеты.

А для снайпера самые подходящие условия. Но сегодня выдался неудачный день. Навис туман над окнами. Потом снова стал хлестать дождь.

Каракош удобно устроилась под тонким одеялом. Жаль, что шинель мокрая... Угадывая желание Каракош, свою шинель принесла Катя.

В это время раздался стук в дверь.

— Мужчина!— определила Катя.

Стук был вежливым и тихим.

— Комсорг!— подсказала другая медсестра.

— Другое дело...— кивнула Катя и крикнула:— Входите...

За глаза младшего лейтенанта Глушко называли студентом.

Он, будущий филолог, действительно ушел со второго курса института. Крепкий, сильный парень, на редкость до робости был тактичным человеком. Комсорг извинялся за длинную беседу, извинялся, когда давал поручение. Это ставило в тупик даже самых строптивых бойцов.

Пока кто-нибудь из них обдумывал, что ответить младшему лейтенанту, тот тихо, но отчетливо говорил:

— Я знал, что вы это сделаете. Спасибо.

Вежливость «убивала». Бедный солдат, который в жизни не написал ни одной записки, брал ручку грубыми пальцами, потел над чистым листком бумаги.

...Комсорг откашлялся.

— Здравствуйте, девушки. Сидите, сидите!

Кто-то из присутствующих, старший по званию, должен был доложить, что бойцы находятся на отдыхе.

— Сидите...— повторил младший лейтенант.

Неизвестно, как будет выглядеть этот человек в серьезной переделке. Но в «женской землянке» он терялся.

— Вот, зашел...

Много глаз, карих, голубых, черных, смотрят на него. И почти во всех глазах — озорное веселье.

— Совсем вы нас забросили,— раздался тяжелый вздох сожаления.

— Вас всех собрать трудно,— вполне серьезно оправдался комсорг.

— Вы только скажите...

— Да, мы все бросим...

Младший лейтенант понимал, что они шутят. Он не обижался на этих девушек. Пусть шутят. Трудно им приходится. И если выпало несколько веселых минут, что тут особенного.

Сейчас помрачнеют девчата, опустят головы. И повлажнеют эти задорные глаза.

С невеселыми новостями пришел комсорг в землянку. Да что поделаешь. Нужно. Пусть девушки знают, что происходит на огромном советско-германском фронте.

Здесь полк вырвался вперед... Здесь сейчас тихо, шпарит весенний дождь, монотонно покачиваются верхушки деревьев.

Девчата поняли настроение младшего лейтенанта.

— Что происходит... там?— спросила Катя.

— Сейчас расскажу...

Он развернул небольшую карту. Кому она не знакома! Искали большие города, смотрели на голубые прожилки рек, мечтательно останавливали взгляд на морях и вершинах гор. Сколько впереди было дорог!

Изрыты, разбиты эти дороги.

Водит младший лейтенант кончиком карандаша по тонким линиям, останавливается на точках — крупных городах, малоизвестных населенных пунктах.

— Мы все знаем о героической обороне Севастополя. Но сейчас там очень тяжелое положение. Гитлеровцы намерены овладеть Керченским полуостровом, а затем приступить к штурму Севастополя.

Младший лейтенант называет количество гитлеровских дивизий, которые двигаются к прославленному городу.

Потом он рассказывает о скоплении вражеских войск на Кавказском направлении, о наших неудачах под Харьковом.

Пришла весна 1942 года... Но какой она оказалась трудной!

Каракош не видит карты. Но она представляет огромную территорию, на которой идут сражения.

Тихо в землянке... Есть среди девушек и те, кто вырос на Волге, на берегу Терека. Есть...

Голос у младшего лейтенанта грустный. Лучше бы не приходил комсорг с такими вестями.

Нет... Все правильно. Нужно знать.

Слышен шелест карты. Комсорг молча сворачивает ее. Сейчас он простится и уйдет.

А в землянке по-прежнему будет тревожно и тихо.

И долго не заснет Каракош. Как мало она сделала! Как далеко до победы...

* * *

Наступило 1-ое Мая...

Каракош любила этот праздник. Он особенно красив в Узбекистане, где к этому времени уже всюду цветут сады.

К школе обычно шли с букетами.

За кишлаком полыхали тюльпаны. Они поднимали яркие головки среди свежей, сочной травы. На берегах арыков покачивались нежные, бархатные маки.

Даже когда весна задерживалась, в день Первого мая все равно появлялись цветы. Солнце было особым, сверкающим и добрым. Где-то за садами на синем небе замерла легкая прядь облаков.

А здесь плывут тяжелые тучи... Накрапывает дождь. Но это уже не холодный ливень.

Первое мая...

Перед строем бойцов капитан Джаббаров прочитал приказ, поздравил с праздником.

Отмечена в приказе и снайпер Каракош Садыкова. Ей присвоено воинское звание — сержант.

Звучит команда «вольно». Выступают командиры и политработники. Короткий митинг подходит к концу.

— Не испортил бы фрид праздника...— кто-то шепчет за спиной.

— Мы сами ему напомним об этом празднике...— раздается другой голос.

Сержант Садыкова (да, теперь, сержант!) тоже решила отметить Первомай.

Не выходит из головы прошлогодний праздник. Она была вместе с Уткуром. С утра гремели по радио песни. У колхозного клуба установлен огромный громкоговоритель.

Конечно, тогда раздавалась популярная песня о Москве.

...Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля...

Интересно, какое утро сейчас в Москве. Наверное, все-таки накрапывает ленивый дождь.

Слышится новая команда:

— Разойдись!

К сержанту Садыковой подходят капитан Джаббаров и его заместитель Раджабов.

— Поздравляю, Каракош...

Нормат Джаббаров говорит просто, как старший брат.

— Спасибо...

Нужно было бы ответить по уставному. Но она поняла капитана. Джаббаров рад за нее, за первые успехи.

В последнее время капитан избегал Каракош. Или действительно был очень занят. От прежнего внимания, с которым он ее встретил в батальоне, ничего не осталось.

Потом Каракош узнала о страшном письме. Удивительно быстро расходятся новости, и радостные, и горькие.

Адолят приехала в кишлак с ребенком. Адолят всех опозорила...

Раджабов оберегал командира и друга от шепетильных разговоров, от сочувствий.

По вечерам Каракош вспоминала первую встречу с капитаном. У нее родилось непонятное чувство. Она боялась в нем признаться сама себе. Она твердила имя Уткура.

Но рядом был смелый, веселый человек. Каракош невольно вспоминала каждое слово Джаббарова, каждый его жест.

И виноват в этой истории его радостный взгляд, его крик.

Имя было другое... Адолят.

Каракош просто похожа на эту девушку. Очень похожа. Вот и не спускал с нее глаз капитан Джаббаров.

Сейчас жмет руку, а смотрит в сторону.

Лучше бы не подходил...

Каракош про себя шепчет, как спасение, родное имя: Уткур, Уткур, Уткур...

Холмик на сельском кладбище.

Уткур, Уткур, Уткур...

«Прости родной. Я не изменила памяти. Просто, что-то случилось. Это пройдет. Скоро пройдет... Я ни в чем не виновата. Прости, родной».

— Что с вами, Каракош?

Голос рядом... Человек рядом. Густые брови. И грустные глаза.

«Вам плохо, Нормат Джаббаров. Но вы любите девушку Адолят. Она вас тоже любит. Какой-то злой человек хочет помешать. Обидно, но такие злые люди еще есть на свете».

— Что с вами?

— Все хорошо, товарищ капитан...— улыбается Каракош.— Я вспомнила прошлогодний Первомай. У нас в кишлаке был праздник. Потом моя свадьба. Если бы вы знали, сколько было цветов.

Зачем она это говорит? Но остановиться Каракош не может.

— Была музыка...

За лесом глухо, как-то лениво бьют орудия. Наверное, не прицельный огонь. Так сказать, для остратки.

Джаббаров наклонил голову. Он тоже вспоминает прошлогоднюю весну. Какой она была у него?

— Вы правы, Каракош. Были цветы и музыка.

Как же его успокоить?

Но Каракош не может сослаться на слухи. А он сам не задает вопросы. Он мог бы спросить об Адолят. В крайнем случае о Бегимхон.

Или «Валиджан из Андижана» все рассказал?

Каракош давно не видела этого парня. Автобат стоит в нескольких километрах. И если Валиджан бывает у них в полку, то она, как назло, в это время уходит на задание.

— Каракош, мы сегодня ждем артистов. Будет музыка и песни...

Грустные глаза у капитана. Никакая музыка ему не поможет.

Зачем он затеял с ней разговор? Каракош неловко

чувствует себя. Не нужно пока им встречаться. Путь пройдет непонятное чувство.

«Уткур, Уткур! Я помню тебя...»

Как заклинания, как молитву, Каракош твердит эти слова.

— Это хорошо. Концерт...— говорит она.— Не опоздать бы...

— Желаю вам удачи, товарищ сержант,— улыбается Джаббаров.

— Берегите себя, Каракош,— говорит Раджабов.

Он молча стоит. Он многое понимает. Хороший друг, смелый воин.

Сержанта Садыкову ждут.

После митинга — короткий перекур. А потом — в бой. Нужно напомнить фрицам о первомайском празднике.

* * *

— Фу, девочки...— Катя отряхнула капли дождя с шинели.— Освободилась на вечер. Ночью буду дежурить.

— Все ясно...

— Иначе не может быть...

Реплики так и посыпались. Зря Катя сделала это сообщение.

— Конечно, Илюша будет присутствовать. Так, Каракош?— спросила одна из медсестер.

— Конечно,— сказала Каракош.— Узбекские артисты приехали. Виданное ли дело... Я их не встречала даже дома. Теперь на фронте увижу.

— Готовься, готовься к празднику.

— Жаль, что придется нельзя...

Шутки беззлобные. Катя не прочь поострить. Из-за этой склонности часто попадает самой.

— Да ну вас...— отмахнулась она и обратилась к Каракош:

— Это ты сегодня стрельбу затеяла?

— Я...— неохотно отозвалась Каракош.

Она не любила рассказывать о своих делах. Как-то неловко хвастаться. Эти девушки, в основном медсестры

и связистки, тоже трудятся день и ночь. Может, у них нет столь наглядных результатов?

Тоже, пожалуй, есть.

— Не затей она стрельбу,— вступилась Катя за Каракош,— мы бы так тихо, мирно не шутили.

Каракош не успела ответить, как в дверь постучали. Девушки научились по стуку узнавать, кто идет.

— Подружки...— раздался вздох.— Да ведь это Илюша!

Катя принялась старательно отряхивать шинель.

Старший лейтенант Раджабов поздоровался с девушками, поздравил с праздником.

— Спасибо! И вас также!— почти хором ответили девушки.

Потом старший лейтенант подошел к Каракош.

— Это вам, товарищ Садыкова.

Он протянул маленький сверточек.

Каракош развернула бумагу, в которой лежали серые треугольнички.

— Чтобы к вечеру...— сказал Раджабов.— На петлицы сможете прикрепить?

— Странный вопрос,— сказала Каракош.— Но тут на старшего сержанта доспехов хватит...

— С запасом...— ответил Раджабов.— У вас все впереди.

— Спасибо...— прошептала Каракош.

— Это пужно делать в торжественной обстановке...— ревниво заметила Катя.— А не разносить знаки различия по землянкам.

Она демонстративно повернулась к шинели.

Эминджан Раджабов умоляюще посмотрел на Катю: все же ли не понимаешь? Он нашел предлог лишний раз сюда зайти...

Катя поняла... Примиряюще улыбнулась.

— А нам никаких подарков?— спросила она.

— Будут... Приходите на концерт.

— Обязательно придем...— пообещала за всех Катя.

К вечеру дождь перестал шлепать по тихим лужам, Небо прояснилось.

О такой погоде сегодня только и мечтали. Теперь концерт можно проводить на открытом воздухе. Недалеко от штабной землянки лежало несколько бревен. При-

пасли широк. Может, придется задержаться на этих позициях, строить новые блиндажи или укрепления.

На войне все может случиться.

Брэнна приспособили вместо скамеек. Не хватало перед ними только сцены.

Когда же приехали артисты, выяснилось, что и над этим вопросом не следовало задумываться. Под сцену был оборудован кузов грузовика.

Каракош с удивлением смотрела на импровизированную площадку. Как все просто... Даже артисты сумели сжиться с фронтовой обстановкой.

Еще неизвестно, дадут фрицы выступить гостям или все еще не успокоились после дневной «вылазки»?

Из соседних батальонов на концерт пришло много бойцов, в том числе и земляков из Узбекистана.

Каракош были знакомы многие фамилии артистов. Теперь она их увидит.

Особенно любила Каракош слушать одну популярную певицу. Вот она... Поднялась на грузовик. Конферансье объявил ее фамилию. Как будто не под высокими весенними звездами России, а в каком-нибудь концертном зале.

Певица держалась свободно. Не обращала внимания на прохладный ветерок, на далекие, редкие взрывы.

И никто не обращал внимания на эти взрывы. Все слегка наклонились вперед, удобно поставив между коленями сружне.

Песня посвящалась весне, соловьям, которые не дают молодым солдатам покоя.

Каракош отыскала взглядом капитана Джаббарова. Он словно почувствовал этот взгляд и, резко повернувшись, посмотрел в ее сторону. Каракош смутилась...

Объявили вторую песню.

Весна идет по земле... Весна дарит людям цветы и любовь... Но за счастье нужно бороться. Особенно теперь, в эту весну. Так пела артистка.

Будет ли счастлива Каракош? А разве ей плохо? Она среди друзей, которым нужна. И они нужны ей.

А взгляд капитана Джаббарова был удивленным. И все... Он узнал Каракош. А мечтал увидеть другую. Когда звучала песня, Джаббаров думал именно о той, другой...

Каракош это хорошо знает. Может, помочь им, Джаббарову и Сахибовой... Что еще за глупое письмо получил капитан из Андижана?

А песня славилa весну, звала к мужеству и борьбе. Разве только на какие-то считанные минуты люди забыли о войне.

ОБЫКНОВЕННОЕ ЗАДАНИЕ

Короткий праздник остался позади. Праздников больше не было. И если на этом участке фронта продолжало стоять сравнительное затишье, то с других участков приходили печальные вести.

Комсорг на своих беседах теперь не разворачивал карту. Без нее можно было понять, что происходит на фронте. Гитлеровцы уже взяли Керчь, сжимали Севастополь.

Шли сообщения о наших неудачах под Харьковом и на Кавказе, о продвижении вражеских войск к Волге.

— Что же это делается, девочки?— вздохнула Катя.— Что же будет?

— Война...— рассеянно сказала Каракош.

Катя недовольно посмотрела на подругу.

— Разве я не знаю, что идет война.

— Страшная война,— поправила Каракош,— большая. До победы!

Она пришивала пуговицу на гимнастерке и говорила, не поднимая головы.

Был тихий, теплый вечер. Дверь в землянку стали приоткрывать.

— А у нас тут — временное затишье,— продолжала Каракош.

Она поглядывала на дверь, торопилась закончить ремонт своей гимнастерки. Надо торопиться. У полуоткрытой двери обязательно задержится какой-нибудь весельчак, сочтет своим долгом поприветствовать «красавиц».

Вспомнился затравленный немецкий парашютист... Каракош не смогла тогда среагировать на его действия. Хорошо, что поплатилась легким ранением. Могло кончиться гораздо хуже. Значит — никаких послаблений,

прежде всего — самой себе. Тем более, что в какой-то степени «женская» землянка живет привилегированной жизнью. Там, где живущие «под одной крышей» не подчинены одному «хозяину», некоторые послабления допустимы.

А как подчинишь распорядку дня землянку, в которой живут медики, связисты, штабные работники, снайпер... Землянка — это не один взвод или рота. Люди служат в различных подразделениях.

— Пройдемся, Каракош...— предлагает Катя.

У Кати это прогулка за счет сна. Трудно уснуть в этот великолепный теплый день.

— Хорошо...— соглашается Каракош.

Мысленно перебрав все дела, она решила, что минут тридцать-сорок свободного времени есть. И они двинулись в противоположную сторону от переднего края.

Лес встретил птичьим разноголосьем. Словно убедившись, что на этой стороне, подальше от линии фронта, спокойно, птицы перебрались к старым гнездам. Каракош и Катя вошли в лес. Катя сорвала веточку, повертела ею перед лицом.

— Запах какой! С ума можно сойти.

— Да... Ты, кажется... того...— засмеялась Каракош.

— А разве плохо любить?— остановилась Катя.

Удивительны у нее глаза. Голубые...

— Это хорошо...— серьезно ответила Каракош.

— Разве тебе не нравится капитан?— в упор спросила Катя.

— Нравится,— созналась Каракош.— Но я тебе раекую тайну. Я очень люблю Уткура.

— Время пройдет...— Катя прикусила губу.

Как в таком случае надо поступать? Что говорить?

— Возможно,— перебила Каракош.— Я много слышала о времени, о его силе. Возможно, оно залечит любую рану. Но ты знаешь...

Каракош задумалась. Трудно жить с тайными мыслями. Нужно кому-нибудь открыться. Катя — добрый, хороший человек. Она не пустит по белому свету ее признание.

— Ты знаешь,— продолжала Каракош,— что капитан Джаббаров видит во мне другую. Ну, совсем другую. Я похожа на одну девушку...

Это должно многое объяснить. И Катя подняла брови.

— Вон оно что! Ты уверена?

— Уверена. Знаю,— сказала Каракош.— Меня даже чужим именем называл. Но я не обиделась.

Каракош тоже сорвала веточку. Свежие листья. Она прокусила один листок. Горьковат.

— Не обиделась...— повторила Каракош.— Но у них беда. Гордая девушка теперь будет скрываться. Вряд ли они встретятся.

— Почему? Живые, здоровые! Чепуха...

— Трудно объяснить. Живые... Это хорошо. Вернулся бы Уткур. Хоть каким... Лишь бы в глаза посмотреть...

— Что с ней?— догадалась Катя.

— Рука. Шрам на лице.

— Чепуха...— повторила Катя.

Но как-то нерешительно. При этом невольно провела ладонью по своей щеке.

Интересно, милая Катя, как бы ты поступила на месте Адолят Сахибовой. Катя стояла, продолжая вертеть веточкой, задумчиво рассматривая лесную дорогу.

— Тебя Ильюша... Эминджан любит?— спросила Каракош.

— Кажется, любит.

— А ты?

— Перестань!— с нарочитой строгостью прикрикнула Катя.— Разве такие вопросы задают. Неужели не видно?..

— Видно! Все видно! И всем!

— Неужели?— удивилась Катя..— А он меня не спрячет под паранджой?

— С такими глазами надо было бы! Спокойнее жил бы Илья...

— Ну, ну. Смотри не посоветуй.

— Что вам до моих советов! Да и паранджу сейчас трудно найти. Успокойся...

Катя подняла руки, хотела, видно, что-то крикнуть, но вспомнила: рядом, зарытый в землю, уже давно стоит в обороне батальон. Лес за его «спиной», землянки. А вдоль опушки — сложная система окопов, инженерных сооружений, ходов сообщения. Передний край...

Где-то послышался рокот мотора. Катя приложила палец к губам, замерла.

Рокот приближался. Машина двигалась быстро.

— Пойдем от греха подальше...— Катя схватила Карakoш за руку.— Пойдем!

Но они не успели сделать и шага. Из-за поворота вырвалась зеленая легковая машина. В такой может ехать только большой начальник. «Эмка» издалека видна.

Машина затормозила... Показалось строгое лицо комдива. Этого человека Карakoш видела только раз.

— Вы что здесь разгуливаете?— спросил комдив.

Сержант Садыкова доложила, что бойцы такне-то находятся на отдыхе.

— Вы слышите, товарищ полковой комиссар,— обратился комдив к своему спутнику.— У них, понимаете ли, отдых... Они устали.

Катя, например, ночью дежурила. Легким это дежурство не назовешь. Но разве может рядовой боец пускаться в объяснения.

— Подождите, подождите...— раздался голос спутника.

Его не было видно. Но вот открылась дверца машины и вышел полковой комиссар. Он внимательно рассматривал Карakoш.

— Я никогда не жаловался на память. Не подводит ли она меня сейчас?— усомнился он.

Карakoш тоже узнала Чернецова.

— Не подводит, товарищ полковой комиссар,— с трудом сдерживая улыбку, сказала Карakoш.

— Точно, это вы. Товарищ...

— Садыкова. Сержант Садыкова.

Комдив тоже вышел из машины. Он с удовольствием расправил плечи, потянулся,

— Знакомая?— равнодушно спросил комдив.

— Да... Ее муж служил в нашем полку. Убит. Вот она и прнехала.

Чернецов говорил спокойно. Но он знал, что эти короткие фразы произведут впечатление на командира дивизии.

— Вон оно что!..— протянул он.— Чем же вы занимаетесь, сержант Садыкова?

— Снайпер.

— Давно?

— Нет, товарищ комдив.

— А счет открыли?

— Двенадцать фрицев, товарищ комдив.
— Солидная цифра...— похвалил Чернецов.
Он вспомнил, какой видел эту молодую девушку в избе, под Москвой. Трудно поверить, но из робкой, подавленной горем женщины за несколько месяцев вырос настоящий боец.

— Далеко от батальона отрывааетесь,— упрекнул Чернецов.

— Рядом...

— Может, пройдемся, товарищ комдив. Тишина какая.

— Да... Тишина редчайшая. Бывает же такое на свете.

Голос комдива не понравился Каракош. Так говорят люди, когда с чем-то прощаются.

Неужели... уходить скоро? Или бой принимать... Ведь это затишье не может долго продолжаться. Идет война. И до победы еще далеко...

* * *

Ночью Великанов и Садыкова вместе с группой Крупени прошли лес и стали двигаться к немецким окопам. Снайперы должны были прикрывать разведчиков.

— С нами не пропадете...— почему-то сказал Крупениа.

Он верил в свою счастливую звезду. С первого дня на фронте, еще с действительной службы, Крупениа из любой переделки выходил живым и здоровым. Ни одна пуля не поцарапала:

— Другое дело, если не пропадем,— ответил Великанов.

На опушке леса Крупениа еще раз напомнил о задаче. Говорил он коротко, отрывисто.

— Вопросы есть?— И тут же добавил:— Вопросов нет.

Каракош завидовала Крупение и его подчиненным. Она считала их особыми людьми. Не каждый способен вот так смело, с улыбочкой, идти в логово врага. Конечно, разведчик не браврирует своим ловкостью и воинским мастерством. Он считает их обычными качествами. Он и в жизни такой. Обыкновенный. Вечно спорит с несправедливым курильщиком Сашей.

— Что проверять твои карманы!?!— однажды возмутился Крупеня, когда Саша попытался их вывернуть.— Ты, если нужно, в подметках пронесешь махорку.

— Нельзя...— хладнокровно заметил Саша.

— Почему?— не понял Крупеня.

— Промокнет махра..

Крупеня попался на шутку подчиненного. Но остановиться не мог.

— Высушишь...— закончил он.

Саша не решился продолжать спор.

И на этот раз, собираясь к гитлеровцам в «гости», Крупеня строго посмотрел на Сашу.

— Так я же бросил. Со вчерашнего дня. Готовился, так сказать.

Понимала Каракосх, что Саша никогда не закурит в разведке там, где не следует. Что он просто «заводит» своего сержанта. А разлучать этих людей нельзя. Друзья. Будут тосковать друг без друга.

Силуэты разведчиков постепенно растворились в темноте.

Над нейтральной полосой, изредка хлопая, повисали ракеты. Освещалась искаженная земля, ряды проводочных заграждений...

За мрачными морщинами земли, за плотным строем укреплений следит не одна пара глаз. Разведчики, используя интервалы между вспышками ракет, ухитряются упорно ползти дальше.

Изредка застрочит пулемет. Короткая очередь напоминает о войне, о том, что здесь никто не спит.

Обыкновенная хитрость, знакомая любому фронтовику. И все-таки страшновато. И не знаешь, из какого конца засвистят десятки пуль. И в каком направлении.

Вспышки ракет освещают немецкие окопы. Коварные бугорки брустверов. Зарылся враг в землю, спрятался до поры до времени.

А как пробирается группа Крупеня — не видно. Может, и не двигаются, лежат где-нибудь рядом.

Тянутся минуты, десятки минут...

И вдруг взрыв. Это граната. Второй взрыв... Третий...

Очередная ракета осветила разбитую землю. Застрекотал пулемет.

Группа отходит от гитлеровских окопов. Карakoш вздумалось сосчитать силуэты.

Это ведь не ее дело. Она не имеет права отвлекаться даже на секунду. Ее дело — огневая точка. Пулемет. Он виден по ярким пульсирующим вспышкам.

Выстрел... Один, второй, третий. Пулемет захлебнулся, замер. Несколько секунд молчания — большая помощь разведчикам.

Захлебнулся второй пулемет. Великанов тоже не сразу «нащупал», отыскал огневую точку. Сейчас фрицы отодвинут убитых. Кто-то новый припадет к пулемету. За это время разведчики отползут дальше от окопов противника. Здесь уже можно пробираться короткими перебежками. А там лес — надежда и спасенье.

Карakoш продолжает по вспышкам, по звуку засекают жившие огневые точки. Но она чувствует, что многие ее выстрелы — «в молоко». Тем более, пора отходить. Ее уже наверняка засекли. Могут и снаряда не пожалеть. На снайпера — не пожалеют...

Удалось ли Крупене выполнить задачу?

«Язык» ждет комдив и полковой комиссар.

Что скрывать? Карakoш не против была бы появиться с разведчиками в штабной землянке. Пусть полковой комиссар Чернецов увидит сержанта Садыкову в деле. Не нужно ей никаких наград, никаких благодарностей. Пусть только увидит...

Но все случилось иначе.

Был «язык». Офицер, ошарашенный неожиданным нападением. Он шел, испуганно оглядываясь по сторонам, спотыкаясь на узкой лесной тропинке.

У штабной землянки группа остановилась. Сержант Крупеня «нырнул» докладывать. Вскоре он вернулся с капитаном Джаббаровым. Комбат был взволнован.

— Молодцы, молодцы! — не по уставному похвалил он. — А сейчас идите отдыхать. «Гостя» давайте сюда. побыстрее.

Комбат скрылся. Сержант Крупеня подтолкнул пленного. И они спустились в землянку.

— Теперь и покурить можно... — вздохнул Саша.

Великанов, простившись, зашагал к своей землянке. Потом повернулся и все-таки сказал:

— Молодец, Карakoш. «Твой» пулемет первым утих. Право, молодец...

Если бы этот разговор происходил при полковом комиссаре!

Странное чувство не давало покоя Карakoш. Она с трудом сдерживала слезы. Никогда Карakoш не была тщеславной. И в детстве, и в юности. А здесь захотелось, чтобы прозвучала благодарность в присутствии одного человека. Того самого, который принимал ее в русской избе, угощал чаем, показывал документы Уткура.

Разве это тщеславие?

Карakoш хочется услышать одну-единственную благодарность. Но только сегодня.

Вдруг комдив раздумает и пошлет за Сашей, Великановым, за ней, за другими разведчиками посыльного. Вспомнит и пошлет. Ну что стоит комдиву это сделать!

Никто, конечно, не бежал следом за Карakoш. Никто не приходил и позже в землянку.

Она притворилась спящей, чтобы не отвечать на распросы подруг. Лежала, закрыв глаза, с трудом сдерживая слезы.

Карakoш хорошо понимала, как глупо из-за этого «невнимания» командиров переживать. Идет война. Карakoш служит в армии. Она всего-навсего помогала выполнять задание. Помогла!

Разведка привела «языка». Так и должно быть. Будни.

Но Карakoш не могла даже представить: насколько были ценны сведения о расположении и численности войск противника.

На всем участке фронта в эту ночь шли разведывательные операции. В эту ночь решались судьбы десятков тысяч людей, судьбы батальонов и полков.

Значит, и она, Карakoш, помогла в решении сложнейшего вопроса.

* * *

Днем привезли посылки... По обратным адресам можно было убедиться, что вся страна, весь тыл спешил порадовать своих защитников подарками.

Карakoш знала, как собираются эти посылки: конфеты, печенье, плитка шоколада, вареники, платочки...

Какой ценой можно заплатить за скромный фанерный ящичек! Нет и никогда не будет ему цены!

В «женскую землянку» несколько посылок доставил старший лейтенант Раджабов. Вернее, он руководил доставкой. Ящички несли бойцы.

Сложив посылки, бойцы потоптались, исподлобья оглядели «запретную зону» и, получив разрешение замкомбата, вежливо удалились.

Старший лейтенант Раджабов приступил к торжественному вручению посылок. У него было хорошее настроение, чему немало способствовало присутствие Кати.

Каракoш невольно улыбнулась.

О вчерашних «переживаниях» ей не хотелось вспоминать. Немного было стыдно за себя. Надо же! Захотелось благодарностей и наград!

Каракoш была рада появлению старшего лейтенанта, рада посылкам — весточкам из глубокого тыла.

— А вот ферганская, — громко объявил Раджабов. — В порядке поощрения нужно вручить Каракoш.

Послышались веселые протестующие крики.

— Ей нужно дать сибирскую.

— Ей надоели фрукты.

Катя посмотрела на подруг и строго заметила:

— Не дурачьтесь. Только и слышно: Каракoш, Каракoш!

Старший лейтенант пожал плечами, словно хотел сказать: неужели шуток не понимаешь?

Да... Катя не понимала и не хотела понимать, когда Илья — Эминджан шутил с девушками. Это ей не нравилось.

— Ферганскую — только Каракoш! — раздался чей-то крик.

— Есть! — подчинился старший лейтенант и с легким поклоном подал посылку Садыковой. — Только с одним условием.

— С каким? — насторожилась Катя.

Совсем не умеет себя держать эта девушка. Достаточно появиться Эминджану Раджабову, как становится ревнивой, подозрительной. Иногда задает совсем непонятные вопросы.

— Будет бутылочка — моя.

Старший лейтенант продолжал дурачиться. Еще никто не видел, чтобы Раджабов тянулся к «бутылочке».

— Хорошо... — согласилась Каракoш.

— Тем более с вас, сержант Садыкова, причитается за вчерашнее.

Каракош непонимающе посмотрела на замкомбата.

Он наклонился к ней и прошептал:

— К награде представлял. К медали. Вот так-то...

Комдив и полковой комиссар подписали. Вот так-то.

А вслух добавил:

— Договорились... Подбирай, Каракош Садыкова, своих компаньонов. На четверых.

Конечно, в долю вошла и Катя.

Стали вскрывать посылку.

— Вам повезло, товарищ старший лейтенант! — воскликнула Каракош.

В ящичке, в бережной упаковке, лежали две бутылки.

Каракош подняла их вверх в вытянутых руках.

— Какую? Правую? Левую?

— Правую! — решительно заявил старший лейтенант.

Ему протянули бутылку. Он торопливо развернул бумажную упаковку и трагическим голосом сказал:

— Мед!

Давно так не было весело в «женской землянке». Девушки хохотали искренне и громко. Некоторые вытирали выступившие слезы.

— Девушки, отдадим левую! — крикнула Каракош.

— Отдадим! — выдохнула землянка.

Теперь старший лейтенант разворачивал медленно, словно там, в свертке, вместо бутылки была мина.

— Ну, что... — вздохнул Раджабов. — Вот мое везение!

И снова раздался хохот.

Кто-то, старательно расплавив сливочное масло, наполнил эту, вторую бутылку.

— Ничего, товарищ старший лейтенант, повезет в любви.

Развеселившиеся девушки уже начали касаться щепетильной темы. Пора было покидать землянку.

— Нет, нет!... — запротестовала Каракош. — Мы вас угостим чаем. Здесь сушеный урюк, варенье. А вот... Девушки, здесь же письмо!

— Минутку! — скомандовала Катя. — Где дежурная?

— Здесь! — раздался спокойный голос.

— За чаем! Живо! Пока мы читаем письмо...

— Я уже принесла,— так же спокойно доложила дежурная.

Этот короткий разговор тоже вызвал хохот.

Каракош с удивлением прочла адрес:

— «Лучшему снайперу части».

— Ничего себе...— протянула Катя.— Прямо в руки.

— Если — лучшему,— твердо сказала Каракош,— то значит в руки Ване Великанову.

— Сначала посмотрим, что там.

В письме была фотография симпатичной, но грустной девушки и небольшой листок.

Каракош прочла несколько коротких строк:

— «Сама я из Белоруссии... Сейчас живу в Фергане, работаю на текстильной фабрике. Дорогой боец; бейте фашиста. побыстрее освобождайте мою Белорусь. Прощу вас».

В землянке стало тихо.

— Да-а...— сказал Раджабов.— Что же будешь делать с карточкой, Каракош? Может, действительно отдашь Великанову.

— Он частенько вытаскивает одно фото...— задумчиво проговорила Каракош.

— Вот тебе и тихоня!— удивилась Катя.

— Что в этом особенного...— продолжала Каракош.

Она думала сейчас о другом человеке. Как ловко шагал сержант Крупеня по болотным кочкам. Да... Он часто вспоминал о своей белорусской деревне, затерянной в густых лесах.

— Отдадим сержанту Крупене...— сказала Каракош.

— Правильно!— поддержал старший лейтенант.— Теперь за обещанный чай. А то я просижу до вечера.

Но не удалось Раджабову выпить чаю. Прибежал посыльный из штаба и доложил, что старшего лейтенанта вызывает комбат.

— Сплошное невезение!— развел руками Раджабов.

У него по-прежнему было веселое, даже немного беззаботное настроение.

Он вышел из землянки и зашагал к штабу батальона.

Был хороший солнечный день. Было тихо вокруг. Радовала встреча с Катей, этот шум и смех в землянке.

И не знал старший лейтенант Эминджан Раджабов, что такой день не скоро повторится в его жизни. Что о нем, таком дне, придется только вспоминать.

В «женской землянке» пили чай. Продолжали обсуждать подарки. Хвалили варенье, сушеные фрукты, конфеты. Радовались этому пиршеству. Многие — последний раз в жизни...

* * *

Батальон подняли ночью... И почему-то все поняли, что это тревога серьезная, касается всего личного состава. В расположение батальона медленно, с притушенными фарами входили машины.

— Из автобата...

Кто-то произнес короткую фразу. Но и так ясно. Оттуда, из автобата. Значит, батальон покидает это место.

Собирали нехитрые солдатские пожитки. Вещмешок, оружие, скатка... Вот и все... Можно двигаться в путь.

Каракoш Садыкова явилась в свое отделение. Великанов только кивнул: вижу, значит, здесь. Построение еще не было объявлено, и Каракoш воспользовалась этим коротким временем. Она пробежала вдоль машин. Валиджан сам окликнул ее.

— Я здесь, Каракoш... С Бегимхон все в порядке... — торопливо начал Вали.— Изредка встречаемся. Теперь не знаю, что будет. Хозяйство Михайловой, наверное, останется здесь.

— Как... здесь? — выдохнула Каракoш. — А мы?

Водители многое знают. Но о точном маршруте дивизии Валиджан ничего путного не мог сказать.

— Передислокация... Уходим на другой участок фронта, — прошептал он.

— А Бегимхон?

— Не знаю. Ничего не знаю...

Каракoш поняла, что об этом лучше не говорить. Валиджан очень расстроен. Но что могут поделаться они, Валиджан и Бегимхон, оба рядовые бойцы?

— Этот участок фронта пока тихий. Рассредотачиваются соседи. А мы...

Каракoш с трудом удержала улыбку. Валиджан заговорил как настоящий военачальник. Вон что узнал: рассредотачиваются.

Надо же такое слово выучить!

У Валиджана плохое настроение. Его можно понять.

Совсем недавно встретился с женой, а теперь нужно расставаться.

— Вдруг хозяйство Михайловой тоже с нами двинется...— нерешительно говорит Карakoш.

— Не знаю...— вздыхает Валиджан.

Он считает, что его судьбе достаточно уделено внимания.

— Как живет капитан Джаббаров?— спрашивает Вали.

— Хорошо... В батальоне полный порядок...— отвечает Карakoш.

— Ну, а... Письма получает?

Знает Карakoш, о каких письмах спрашивает Валиджан.

— От нее пока не приходят. Какое-то одно получил. Плохо с ним было, с капитаном.

Карakoш слышит команду.

— Увидимся, Валиджан...

— Должны...

Они мало знают друг друга. Но этот человек — муж Бегимхон. А с ней, кажется, Карakoш знакома целую вечность.

Подразделения уже строились. Место Карakoш в отделении на левом фланге. Она выглядит подростком в темноте, мальчишкой, который схватил винтовку и торопливо пристроился к настоящим взрослым бойцам. Пристроился, притих, испуганно ждет, что его заметит строгий командир.

— Сержант Садыкова...

— Я...— отвечает Карakoш.

Она в строю занимает законное место. Все правильно.

Бойцы по отделениям направляются к машинам. Все в армии предусмотрено, все расписано в уставах. И правила посадки на машину утверждены большими начальниками. Вот только нет в этих правилах строчки, как помочь женщине, как подать руку. Кто мог знать, что на такую страшную войну придут такие хрупкие девушки. А звание одно — боец.

На другие машины, где-то в темноте, грузится левой госпиталь. Со своими новыми подругами Карakoш еще увидится.

— Только, ради бога, к нам не попадай,— говорила Катя.

Медки всегда так говорят, будто они сами застрахованы от пуль и осколков.

Посадка идет в темноте... Изредка сверкнет огонек карманного фонарика. Кто-то из командиров уточняет «наличие людей» по спискам.

Наличие людей...

Строгий, официальный язык. К нему привыкла Каракош. Непонятные вначале русские слова кажутся очень простыми.

Сейчас колонна двинется через лес. В машине, где расположились снайперы и разведчики, идет приглушенный разговор.

— На Кавказ...

— На Волгу...

Любой автор этих прогнозов мог бы горячо поспорить. Но нельзя. На фронте подразделения и части снимаются с позиций тихо, без звука. Моторы могут гудеть, а звякнет котелок у нерадивого бойца, командир услышит, сделает замечание.

Батальон на колесах... Батальон, выполняя приказ, двинулся в новый район сосредоточения. А где он, этот район? Возможно, за тридевять фронтов...

Через некоторое время машины миновали лес и направились к железнодорожной станции.

Все ясно... Значит, далеко. Или на Кавказ, или на Волгу. Туда, где опасно, где идут жаркие бои.

А в покинутых землянках батальона, в покинутых блиндажах и окопах разместилась, наверное, рота из соседней дивизии. Разместилась свободно... Но взвалив на свои плечи всю ответственность за этот оборонительный рубеж.

До рассвета батальон капитана Джаббарова погрузился в вагоны.

Однако эшелон сутки простоял на маленькой станции. Ясно, что очень перегружена дорога. На юго-восток, к месту решающих боев, направляются, наверное, многие подразделения и части...

МАРШРУТ ЭШЕЛОНА

Теперь можно было не сомневаться... Эшелон двигался к Волге. Эшелон ожидал своей очереди на станциях и разъездах, пропуская более важные составы. Под бре-

зенитными чехлами можно было различить контуры «катиош», орудий, танков.

Еще мало кто знал, с какой интенсивностью работают железные дороги по ту сторону фронта. Фашистское командование срочно снимало с других участков целые дивизии. По полевым дорогам двигались вражеские танки и моторизованные соединения.

Выйти на берег великой русской реки... Выйти во что бы то ни стало.

Гитлеровцы поняли, что одной 6-ой армии, самой боеспособной армии Германии, сейчас недостаточно. Даже 6-ой армии... Той самой, которая под командованием опытного генерала Паулюса победным маршем прошла по Чехословакии, Польше, Бельгии, Югославии. За ней оставались разрушенные города, сожженные деревни.

С Кавказа, из-под Воронежа, с других участков огромного фронта гитлеровцы спешно снимали части и соединения.

Продвижение немецко-фашистских войск к Волге, разумеется, не осталось незамеченным.

На подступах к Сталинграду шло усиленное строительство оборонительных сооружений.

К Сталинграду двигались и наши воинские эшелоны.

Стоял июль... Горячий месяц. Каракош удивилась жаре в этой полосе России.

Знойный ветер, обжигая, врывается в телушку. Многие расстегивали гимнастерки, смахивали платками с разгоряченных лиц крупные градины пота.

— У речки бы посидеть... — мечтательно протянул Саша.

— Вот мы и едем... К Волге-матушке реке, — невесело напомнил Крупеня.

Не было в голосе тревоги. Просто задумался Крупеня, привалившись к стене вагона, даже закрыл глаза. А этот беспокойный Саша опять помешал.

Где сейчас витает сержант Крупеня? Скорее всего думает о незнакомке с большими, грустными глазами, фотография которой бережно обернута в обрывок газеты.

Однажды Каракош видела, как смелый, бравый разведчик, смущенно оглянувшись по сторонам, достал снимок.

Возможно, этот парень еще никого никогда не любил.

Впервые девичье фото попало ему в руки. Тогда Каракош убедила Крупеню, что снимок принадлежит ему по праву. Крупеня написал письмо в тот же день. А через неделю батальон подняли по тревоге.

Благо, что в адресах войсковых частей нет названий населенных пунктов. Где бы ни находилась часть, ее разыщет письмо по номеру полевой почты. Даже если эта часть будет на колесах.

Но пока на больших станциях, кроме газет, в эшелон ничего не поступало.

Постукивают колеса. Качается душный вагон. Привыкли к теплушке солдаты. Устроились, обжились.

Одна сторона — нижние пары — завешана простыней. Женская половина. Простыня за несколько дней запылилась, потемнела. Комбат сделал замечание старшине роты, но тот умело оправдался. Женщинам он сказал: не положено. Капитану доложил, что нет в «наличии». А в итоге так и болтается грязная простыня.

Как-то Каракош приподняла угол занавески и увидела Крупеню с фотографией. Надеется. Ждет ответа...

Она тоже ждет писем. От тетушки Хуриинсо, от Кудрата-ака... Старики пишут редко, мало. Передают одни приветы. И все. Догадывайся, что происходит дома, что с Хасаном? Сохрани, господи, хотя бы этого юношу. Нельзя же, чтоб из жизни ушла вся их маленькая семья. Сколько слез, наверно, пролила тетушка Хуриинсо. Дни и ночи... Одни слезы. И ее, Каракош, несет война по горячим опасным дорогам.

Знает Каракош, о чем старые люди в первую очередь сейчас думают. Женщина среди мужчин. Постоянно. Не споткнется ли? Не оскорбит ли память мужа? Не затопчет ли свою честь?

Потом уже старые люди вспоминают, что там идет война, свистят пули и рвутся бомбы.

Но разве можно осуждать старых людей?

А молодых?

Что придумала Адолят? Неужели ей принадлежит письмо, которое пришел капитану Джаббарову? Или кто другой решил перевернуть их судьбу?

Комбат крепко держится. Но разве не видно, как переживает человек.

Старший лейтенант Раджабов однажды отозвал Каракош в сторону.

— Все могу понять, только не это...— сказал он.

Каракош молчала.

— Зачем?— спросил Раджабов.— Зачем обязательно писать?

— Она не будет...— почему-то решила Каракош.— Не будет писать вообще.

— Какая же тогда сволочь взялась за перо?— выругался замкомбата.

— Я не знаю... Ему, наверное, виднее. Вы бы сами могли спросить.

— Попробуй, спроси. Рычит...

— Вы же друзья?— удивилась Каракош.

— Друзья...— многозначительно протянул Эминджан Раджабов.

На этом разговор оборвался. Подошел комбат, ответил на приветствие и увел своего заместителя.

В последнее время он избегал Каракош Садыкову. Будто эта женщина была виновата за свое чисто внешнее сходство с Адолят. А может быть, именно поэтому ему было приятно изредка пройти рядом с Каракош, встретиться, поговорить.

А сейчас совершенно иное отношение.

Комбат Джаббаров — хороший человек. В этом не сомневается Каракош. Вот и все...

Покачивается вагон...

Безмятежно спят девушки-связистки. Жаль, что нет рядом Кати. Вся «медицина» в другой теплушке. С Катей она встречается только на больших остановках. Но когда Эминджан подходит к ним, то Каракош под любым предлогом сразу же исчезает.

— Шито белыми нитками...— говорит Катя.— Живем на виду...

Саше очень скучно. Он достает кiset, ловко сворачивает «козью ножку». Огромную. Это явно от тоски.

Крупеня снова открывает глаза и недовольно косится на друга. Саша понимает его взгляд и перебирается поближе к двери. Он садится на край, свешивает ноги. Это запрещено.

Но в такую жару... Когда эшелон долго не останавливается, а начальство в другом вагоне, то допустимы и некоторые вольности.

Иногда на остановке в вагон Каракош приходит Катя. Об этом приходе сразу же узнает замкомбата. Появля-

ется веселый. И причина у него есть. Он играет с Крупней в шашки. Играют самозабвенно, порой горячо спорят. Эминджан словно забывает о присутствии Кати. Девушка сердится.

А Каракош такие минуты доставляют удовольствие. Она легким жестом успокаивает Катю, пожимает руку: ну что ты, глупая, все в порядке.

У них должно быть все в порядке. Каракош ловит себя на мысли, что она с завистью поглядывает на Катю и Эминджана. С какой-то хорошей завистью!

* *
*

В теплушке стало прохладно. Ночью жара резко спадает. Как в пустыне. Вокруг раскинулись голые степи. О них читала Каракош. Теперь она их видит — сожженные степи России.

Прохладно... Каракош хотела натянуть на себя шинель, поудобнее устроиться, но услышала приглушенные голоса. Спать расхотелось. Днем ведь спала... Сколько можно...

Она пододвинулась к импровизированной занавеси, приподняла ее край. При тусклом свете фонаря старший лейтенант Раджабов и Крупеня играли в шашки.

— Окружение! — торжественно объявил разведчик. — Что вам остается делать, товарищ старший лейтенант?

— Раз, — угрожающе произнес Раджабов, — два... И...

Сержант потряс головой.

«Как мальчишки... — подумала Каракош. — Если бы я не знала этих людей...»

Играют два самых обыкновенных человека — молодых, веселых. Один из них водил бойцов в атаку, другой мог неожиданно подползти и спрыгнуть во вражеский окоп, привести «языка»...

Это они считали своим долгом, своей работой, обязанностью.

— «Котел». Все равно «котел»... — не слишком уверенно продолжал Крупеня.

— Из любого «котла» можно выбраться... — не сдавался Раджабов и хлопнул шашкой.

— Тс-с... — поднял палец Крупеня.

А что ему остается делать?

— Дамка! — потер ладони Раджабов. — Сейчас мы поборемся.

Каракош застегнула ворот, одернула гимнастерку и только тогда подняла край простыни.

— А вот и мои свидетели... — обрадовался замкомбата. — Смотри, Каракош, что я делаю с твоим сержантом.

Старший лейтенант побеждал.

— Почему с «моим»? — спросила Каракош.

— Одна у вас компания.

— Это правильно... — согласился Крупеня.

Он видел, что проигрывает, и был рад появлению Каракош.

— Соглашайтесь на ничью... — хитровато предложил сержант.

— Поздно! — воскликнул Раджабов. — Вот! И все!

— Поздравляю с победой... — поддержала разговор Каракош.

В вагоне стоял грубо сколоченный небольшой столик. За ним и не поешь как следует. Другое дело, когда котелок с кашей или с борщом поставишь прямо на колени...

— Не спится, Каракош? — спросил Раджабов.

А сам покосился на простыню, которая слегка колыхалась от сквозняка.

Зря коситесь, товарищ старший лейтенант. Там нет того, кто вас интересует.

— Хватит. Днем отдохнула, — сказала Каракош.

— Курорт, а не дорога... — заметил Крупеня.

— Смотри, сержант, не сглазь... — Раджабов пристынул. — Эта дорога рискованная. Бомбили вчера станцию...

— Пока обходится...

— Вот именно, пока...

Крупеня подвинулся, уступая место Каракош.

Как бы на это соседство посмотрели где-нибудь в кишлаке? А здесь все просто. Они — товарищи: Крупеня и Каракош.

Бедный парепень... Даже ночью ему не дают возможности вытащить из кармана фотографию. И когда только успел войти Раджабов.

И вдруг родилась озорная мысль.

— Товарищ сержант, а где снимок той девушки? Сохранили?

Крупеня растерянно посмотрел на Каракош. Нет. Не шутит. Говорит вполне серьезно. Да и обстановка не для шуток.

— Сохранил...

— Мне понравилось ее лицо...— продолжала Каракош.— Можно посмотреть?

Крупеня пожал плечами.

— Не жалко...

Он старался спокойнее доставать фото. Протянул его Каракош. И та медленно развернула бумагу.

— Хорошее лицо,— сказала Каракош.— Доброе. Только глаза печальные.

Раджабов тоже внимательно посмотрел на снимок.

— Печальные... Не по возрасту. Словно льдинки застыли в глазах.

Каракош не понравилось это сравнение.

— Ничего. Под нашим солнцем они растают, льдинки.

Она нарочно не возвращала снимок. Но держала так, чтобы Крупеня мог видеть фото.

— Ткачиха...— задумчиво сказала Каракош.— А вы знаете, товарищи, я ведь работала на швейной. Мы делали одно хорошее дело с этой Наташей. Она ткала, а я шила платья. Видели бы вы наши ткани...

В теплушке покачивался тускловатый фонарь, на столике дрожали потертые шашки, где-то в углу надоедливо позвякивал котелок, кто-то, перекрывая стук колес, храпел, выводя уникальные рулады.

Каракош вспомнила тюльпаны, маки, цветущий миндаль... Давно все разноцветье узбекской земли используют текстильных дел мастера. Из поколения в поколение передаются секреты красок.

— Раньше рисунки рождались неожиданно... Ну...

Каракош замялась.

— Импровизированно...— подсказал Раджабов.

— Да... Особенно у мастеров шелка. А сейчас есть специальные художники. Там, на ферганской фабрике, тоже есть...

Какую ткань в это трудное время выпускает Фергана, Каракош не знала. Нет, наверное, прежних, веселых расцветок...

— Но кончится война, и Наташа приготовит вам подарок,— поддержал Раджабов.

— Приготовит...— согласилась Карakoш.— Я напишу ей, о чем мы вспоминали в теплушке. А вы?

Крупеня смутился.

— Я писал, но...

— Придет письмо. Обязательно,— заверила Карakoш.— Такая девушка обязательно ответит.

— Потом поедешь с нами в Узбекистан...— Раджабов хлопнул Крупеню по плечу.— Свадьбу сыграем. Комбат будет тамадой.

— Комбат как почетный гость. Вас сделаем тамадой,— осмелела Карakoш.

— Недурно придумано,— улыбнулся Крупеня.

— Смотри, со свадьбой согласен...— рассмеялся Раджабов.— Вот только место не согласовано.

— Место известно,— заявил Крупеня.— В Белоруссию вернусь. Мы же освободим ее.

— Конечно, освободим. Но Наташа привыкла к Фергане. А осенью там...

Старший лейтенант стал перечислять: голубое небо, грозди винограда, пунцовые гранаты, дымящийся плов...

Из дальнего угла послышался насмешливый голос:

— Сухарика не найдется?

Все рассмеялись. Выполз Саша, захлопал по карманам в поисках кисета.

— Опять за свое? С рассвета?— строго спросил Крупеня?

Саша махнул рукой и умоляюще попросил:

— Тогда не говорите о винограде, о плове. С ума можно сойти. Сквозь сон слышу, и так захотелось чего-нибудь вкусенького.

Тоже как мальчишка. Карakoш поднялась, порылась в вещмешке.

— Конфетку возьмите, Саша,— предложила она.

— Спасибо!

Саша в свою очередь тоже взглянул на фото Наташи и подсел поближе к сержанту.

— Да, к такой и съездить можно! Я тоже советую.

Крупеня замер. Но Саша говорил вполне серьезно.

Эшелон замедлял ход. Приближалась станция.

Раджабов встал, выглянул из вагона.

— Товарищи! Огромная станция, забиты все пути... Наверняка здесь позагораем...

И он спрыгнул на землю.

* * *

На этой большой станции эшелон догнала почта. Мелькали конверты с адресами живых и погибших. Одни радовались, а то и плясали от радости, другие хмуро возвращались в вагоны. А третьи только вздыхали как-то глухо, отрывисто. Что тут скажешь? Все и так знают: погиб...

Откладываются в отдельную стопку эти письма. А потом уходят обратно. Были люди и нет их. Никакие известия, радостные или горькие слова им уже не нужны.

Несправедливо...

А сколько живых застыло в ожидании конвертов! Но тают на глазах, расходятся письма по рукам.

Каракош повезло. Она получила сразу три письма. Не знает, какое первое вскрыть, вертит, рассматривает обратные адреса: тетушка Хуринисо, Бегимхон, Адолят.

Теперь можно читать и перечитывать. Не было бы только грустных вестей.

«Пусть их не будет. Пусть!» — умоляюще просит Каракош.

Неизвестно, у кого просит. Но просит настойчиво. И теперь понимает Каракош, что дело не в том, какое письмо первым открыть. Она боится вообще их открывать. Особенно от тетушки Хуринисо.

Каракош оглянулась по сторонам: много и счастливых, и грустных, и сосредоточенных лиц.

Читает письмо Крупеня... Неужели все-таки ответила Наташа?

Есть причина не вскрывать свои конверты. Хотя бы на миг удержаться.

Каракош подходит к разведчику.

— От нее?

Он молча кивает. Глаза у Крупени горят. Совсем другие глаза. Обычно смотрит насмешливо, прищурившись. Сейчас — просветленный взгляд.

— Подожди, Каракош. Прочти тоже.

Каракош пожала плечами: удобно ли?

— Прочти... — настаивает Крупеня.

Письмо небольшое. Девушка пишет немногословно, сдерживая себя. Она не ожидала, что ей ответят. Сама, наверное, много передумала, прежде чем сесть за письмо.

Сообщает о своих делах. Тоскует по Белоруссии. Скоро ли будет освобожден родной край? Все зависит от вас, славных воинов, наших братьев.

О чувствах — ни слова. Да и откуда им быть. Но Крупеня счастлив! Чего в жизни не бывает...

— А как твои дела? — спрашивает он, кивая на конверты.

— Все хорошо! — отвечает Каракош.

— Ну вот видишь... — И он снова перечитывает письмо.

Каракош отходит в сторону. Раскрывает конверт. Адолят Сахибова пишет, что райком партии поручил ей организацию нового детского дома. Много сирот. Надо создать условия для жизни, учебы. Родной мальчик растет...

Так и написано: родной. Нет ошибки.

Так вот в чем дело? Вот чем можно объяснить плохое настроение капитана Джаббарова.

Ну тут что-то не то... Что-то придумала Адолят. Нашла выход. Мальчик — спасение от встреч, от любви.

Бывала Адолят в Ташкенте, останавливалась у родных Каракош. Милые старики.

И снова о детдоме.

Капитану Джаббарову нет даже привета.

Есть строки: всем друзьям привет. Значит, она не писала Нормату Джаббарову. Значит, о мальчике кто-то сообщил капитану. Нашелся «добрый» человек.

Письмо от Бегимхон — еще короче. О службе, о подругах. Слава богу: все живы, здоровы. И пока у них тихо. Шлют приветы Акимова, Валя, Маша...

А тетушка Хуринисо все больше сообщает о соседях. Ругает сыновей Хасана и Хусана. Ругает, что они забыли старую мать, редко шлют весточки. Хасан — аккуратней. А что делать с Хусаном... И на этих чернильных строчках — пятно. Не выдержала тетушка Хуринисо, заплакала.

Кого же ты обманываешь, милая мама... Карakoш за это время слишком много повидала могил. «Неаккуратный Хусан»... Разве бы он мог забыть тебя? Знает Карakoш о судьбе Хусана. А не знала бы, то догадалась.

Стоят у своих теплушек солдаты, мелькают листки. Читать и пересчитывать им эти письма. Кто знает, когда вновь разыщет бойцов полевая почта.

Вдоль вагонов разносится команда: «Стройтесь!»

Бойцы, переговариваясь, расходятся по своим взводам и отделениям. В тесном промежутке между путями строится батальон.

— Сейчас скажут. Сообщат...

Станция до отказа забита эшелонами, порожняком, составами с грузом. Как и когда выберется эшелон из этих заторов?

— Становись! Равняйся! Смирно!

Канитан Джаббаров кому-то докладывает. Карakoш не видит этого человека, но слышит знакомое звание: полковой комиссар.

Звучит новая команда: «Вольно!»

Полковой комиссар Чернецов подходит к вагону, осматривает его. Наверное, решает подняться, как на трибуну. Но раздумывает.

— Товарищи!— обращается комиссар.— Сегодня к нам пришла радостная весть. Несколько наших отличившихся бойцов и командиров отмечены высокими наградами.

Чернецов говорит о подвиге, о бесстрашии воннов, с честью выполнивших задание Родины.

Карakoш слушает спокойно. Она рада за своих товарищей, которым сейчас будут вручены награды. Отметим ли Крупеню, Великанова? Они так много сделали в последние дни.

Да! Названы и их фамилии. Старший сержант Великанов и сержант Крупеня получают ордена Красной Звезды.

И вдруг...

— Сержант Садыкова...

Карakoш замерла. Ее подталкивают. Шепчут: **тебя, тебя.**

Нужно ответить. Нужно коротко ответить по-уставному. А в горле пересохло.

— Сержант Садыкова!

— Я...— отвечает Каракош.

Она выходит из строя и приближается к группе командиров. Кроме Джаббарова, Раджабова, Чернецова много незнакомых из полка и дивизии.

Полковой комиссар вручает медаль «За боевые заслуги», пожимает руку. И что-то говорит. Каракош и верит и не верит... Волнуется.

— Служу Советскому Союзу!

* * *

Ночью эшелон вырвался вперед.

— Наверное, мы нужны...— определил Крупеня.

Он не мог заснуть. Слишком много впечатлений за один день. Не спала и Каракош.

Отчаянно покачивался вагон. Порой его резко швыряло из стороны в сторону.

— Застоялся. Вот и мчитя,— определил Крупеня.

О письмах, о наградах не говорили. О самом главном — тоже... Уж очень стремительно вырвался эшелон со станции. От этого стало тревожно и немного грустно. В вагонах на какое-то время все притихли.

И вдруг над эшелонном пронесся оглушительный рев мощных моторов.

Сейчас стук колес казался обычным тиканьем мирных часов.

Рев повторился...

Все замерли в ожидании чего-то страшного, непоправимого. Самолеты могли быть только чужими, и опытный фронтовик на слух определил: «юнкеры».

Где-то почти рядом ухнула бомба. За ней вторая...

— Тревога!— крикнул Крупеня.

Эшелон резко качнуло. Заскрипели тормоза. Протяжно завывала сирена. За ней короткие гудки паровоза.

Поезд пошел медленней. Бомбы продолжали падать. В реве пикирующих «юнкеров» раздалась пулеметная очередь.

Командир взвода, молоденький лейтенант, одной рукой застегивая португеею, а другой держась за косяк, выглядывал из вагона.

— Приготовиться!— крикнул лейтенант.

Он заметно волновался и еще сам толком не знал,

к чему надо готовиться и что предпринимать в такой обстановке.

Длинный эшелон — великолепная мишень. Опасно в нем оставаться. Но и пешком за ним не поспеть...

«Юнкерсы» пошли на второй заход. Эшелон резко остановился.

— Прыгайте! — скомандовал лейтенант.

Надо успеть очутиться на земле, отбежать в сторону, спрятаться в первой попавшейся канаве, за первым попавшимся бугорком.

— Воздух!

Каракосх подчинялась командам. Она не чувствовала страха. Личный состав высаживался четко, организованно, словно все происходило на учениях, и эти взрывы были безобидной имитацией бомбежки, и строчили пулеметы холостыми патронами.

В грохоте разрывов заговорили наши зенитные пулеметы. Кое-кто, лежа на спине, палил в воздух из винтовок и автоматов.

А они кружили и кружили — всего два самолета. Они шли один за другим, явно и нагло надеясь на безнаказанность.

Но вот снова ударили наши зенитные пулеметы, захлопали одиночные выстрелы. Каракосх с удивлением увидела, как старший сержант Великанов, лежа на спине, целился в огромную, стремительную птицу.

На занятиях Каракосх знакомилась с уязвимыми местами вражеских самолетов. Это были рисунки темно-зеленого цвета. Рисунки на бумаге.

А сейчас мчался вихрь из металла и огня.

— Огонь! Огонь!

Чья-то строгая команда подчиняла своей воле беспорядочную стрельбу. Подчиняла твердо, властно.

И вдруг...

Каракосх не могла поверить. Один из «юнкерсов» накренился и, оставляя густой след, пронесся вниз.

— Ура-а!

Ликующие крики прокатились над землей.

«Юнкерс» хлопнулся за железнодорожным полотном, и темно-бурое пламя метнулось вверх, к небу, где чуть в стороне уже повис купол парашюта.

Только один купол... Кто-то успел выброситься из горящего самолета.

И сразу же послышался голос комбата:

— Сержант Крупеня! Взять живым!

Сержант вырос, словно из-под земли. А за ним все отделенные разведчиков.

— За мной! — скомандовал Крупеня.

В это время над эшелонами прошел второй «юнкерс». Опять команды, опять теперь уже организованный огонь. Но «юнкерс» проскочил — сбросил бомбу.

Было страшно смотреть, как паровоз и первые вагоны, словно игрушечные, вздрогнув от удара, рухнули на землю.

Огромный столб огня взметнулся к небу. «Юнкерс» уходил, торжествуя...

А огонь пополз к оставшимся вагонам. Нужно было спасать нехитрое солдатское имущество, провиант и, главное, боеприпасы...

Командиры строили людей и по цепочке стали выгружать ящики с патронами, консервами, солдатские вещмешки и скатки.

Подразделения отошли подальше от дороги, выставили боевое охранение, установили зенитные пулеметы, расчищали железнодорожное полотно.

Командиры понимали, что медлить нельзя, что следом идут новые эшелоны.

Из допроса пленного летчика, доставленного сержантом Крупеней, стало ясно, что аэродром противника находится далеко. В этом районе фашистские самолеты появлялись очень редко. Теперь же немецкое командование усилило наблюдение за всеми коммуникациями, ведущими к Сталинграду...

Командир полка поставил перед комбатами одну задачу: рассредоточить подразделения и стремительным марш-броском за сутки выйти к Волге.

За сутки... Это значит, что отдыха почти не будет.

Комбаты, открыв планшеты, проложили маршруты движения, сверили часы, установили сигналы связи.

Вскоре капитан Джаббаров построил свой батальон. Объяснив задачу, он внимательно посмотрел на бойцов. Что ж, еще одно испытание.

— Направо! Шагом марш!

Еще одно испытание. Из него нужно выйти с честью. Батальон должен дойти до Сталинграда. Там их ждут. Там они очень нужны.

Это понимает Джаббаров. Это понимают его подчиненные.

— Неужели вы сбили?— спросила Каракoш у Великанова.

— Не знаю,— улыбнулся он.— Никто не знает. Главное — сбили.

Колонна постепенно растягивается. Дает знать злое солнце. Но до привала еще далеко.

Где-то за спиной в горячем воздухе повис дымок. Там догорали теплушки. Не до конца прослужили свою службу. Не доставили бойцов к берегам Волги.

— Есть убитые...— сообщает Саша.— Несколько раненых.

Еще не было боя. Все бои впереди. Но уже открыт счет потерям.

Разговаривать в таком походе очень трудно. Они идут, пехотинцы, по голой степи, поднимают пыль. И густое облако держится над проселочной дорогой, медленно, не спеша, опускаясь на горячую землю.

НУЖНАЯ РАБОТА

Адолят приготовила речь... Веские убедительные слова. И хотя рука почти не болела, надо будет держать ее осторожно, подчеркивая всем своим видом: перед вами инвалид.

Секретарь райкома партии поприветствовал ее, однако даже ради приличия не спросил о здоровье.

Адолят понимает, что все заняты, все устают. Но нельзя же так, равнодушно, что ли, относиться к людям.

— Садитесь, Сахибова...— предложил секретарь райкома, продолжая рассматривать какую-то бумажку.— Извините, сейчас...

Он дочитал бумажку, подписал и крикнул в открытую дверь:

— Войдите, пожалуйста.

Вошла пожилая женщина, посмотрела на бумажку.

— Правильно, заждались больница. Разве можно так тянуть?

— Мы с вами виноваты, Елизавета Петровна. Могли раньше решить.

Женщина вскинула брови.

— Я же несколько раз...

— Правильно. Было. Настойчивей нужно. Как сегодня. Швырнули и ушли.

— Не швырнула...— смутилась женщина.

— Ничего, ничего...— успокоил секретарь райкома.— Бывает. Но войдите в мое положение. Где простыни? Мы отдаем здание начальной школы под детдом. Им тоже нужны простыни. А вы сердитесь...

— Подписали же!

Секретарь райкома шутливо погрозил ей пальцем.

— Не задирайтесь... Не посмотрю, что вы были моим лечащим врачом.

Адолят мучительно вспомнила: где она видела эту пожилую женщину? Да... Конечно, это известный в районе детский врач. Елизавета Петровна. Тетя Лиза... Как же она постарела!

— Здравствуйте,— поднялась Адолят.

Врач посмотрела на девушку в солдатской форме, улыбнулась. Сколько у нее их было — детей. И вот подросли.

— Я Адолят Сахибова. Дочь Сахиба-кари.

— Вон оно что! Какая ты взрослая. И уже с войны!

— С войны...— подтвердила Адолят.

Удобный момент. Взять и сказать сейчас: инвалид, была тяжело ранена.

Но почему-то не решилась.

— Наш секретарь райкома,— продолжала врач,— не теряет времени. Не дал, наверное, отдохнуть человеку.

— Ничего...— против воли пробормотала Адолят.

Что она говорит! Ведь подготовлена совсем другая речь.

— Желаю успехов, Адолят! Заходи. Туда же, в старую больницу.

При этих словах Елизавета Петровна покосилась на секретаря райкома. Он развел руками: что делать война.

— Замужем? Детей еще нет?

Свой вопрос врач задала между прочим. Это ее профессиональный вопрос.

— Есть...— твердо и спокойно ответила Адолят.

— Вон как! И кто?

— Сын.

— Покажи. Слышишь! Обязательно покажи.

— Привезу, Елизавета Петровна.

Врач, простившись кивком головы, вышла.

Правильно, что сказала о сыне. Еще есть причина.

И никакие угловы не помогут.

— Садись, садись, товарищ Сахибова,— предложил секретарь райкома.

Сейчас он выразит удивление по поводу сына. Но секретарь райкома как ни в чем не бывало продолжал:

— Ну? Отдохнули, Адолят.

Она пожала плечами.

— А мы ждем! Когда к нам явится фронтовик, стукнет кулаком... Извиняюсь, кулачком по столу и потребует работу. На всякий случай я уже приготовил ответ.

Секретарь райкома выглядит усталым. А настроение у него бодрое. Или он пытается таким казаться?

— Бери, товарищ Сахибова. Вам могу доверить.

— Что? Кого?— невольно улыбнулась Адолят.

— Детей...

— Каких?!

Адолят догадалась, о каких детях идет разговор. Весь район знает, что в здании начальной школы скоро поселятся сироты.

Адолят Сахибова редко появлялась на людях. Она пряталась от них. Почти не выходила на единственную улицу кишлака. Не приезжала в райцентр.

Что является причиной такого поведения? Адолят сама бы не ответила на этот вопрос.

Ей хотелось побыть одной. И с сыном. Мальчику дали имя — Батыр. Самое подходящее имя. Мальчик вышел из боя, из войны.

И вот вчера вечером зашел парторг колхоза, долго пил чай, хвалил малыша. Потом сказал, что звонили из райкома партии и просили приехать Адолят в двенадцать часов.

Адолят догадывалась: дадут работу. Не хватает рабочих рук в районе.

Рук? Она же с одной рукой! Поднималась волна внутреннего протеста. Хотелось дерзить... Изредка Адолят срывалась, грубила даже матери. А через пять де-

сять минут, обняв мать за худые плечи, плакала, просила прощения. Начиная себя корить... Что за демонстративные выходки!? Разве не видела она в вагонах, на станциях у окошечка коменданта и таких инвалидов, которые слишком громко кричали о своем несчастье.

Неужели и она хочет быть похожей на крикливых, нервных людей?

Адолят понимала, откуда у нее подобное состояние. Причиной служит не шрам, не больная рука, которую, кстати, давно не нужно таскать на перевязи.

Причина в другом. Но кого винить в этом «другом»? Адолят сама отвернулась от любимого человека, спряталась от него.

Оказалось же, что она пряталась не только от любви. От жизни... Это заметили многие. Не обращая внимания на больную руку, ввели Адолят в кабинет секретаря райкома и напомнили о работе.

Опыта организации детских домов в районе не было. А личный опыт Адолят Сахибовой сводился к работе с малышкой, когда она была пионервожатой в школе.

— Штат небольшой...— продолжал разговор секретарь райкома и протянул бумажку.— Вот. Берите, берите... Штатом будете заниматься сами. Предупреждаю, что людей с другой работы снимать никто не станет. Сами ищите...

— Я недавно в районе. Нигде не бывала.

Наконец Адолят заговорила. Первое, слабое сопротивление.

— Сами виноваты. Надо бывать. Вы — фронтовик. Если вы не будете работать, что прикажете делать другим... Кстати, сейчас соберутся люди, которые вам пригодятся при создании детдома. Я познакомлю. Работайте с ними. И...— секретарь невесело усмехнулся.— И, пожалуйста, на них не жалуйтесь. Справляйтесь своими силами. Ясно?

— Ясно...— тихо ответила Адолят.

Этим словом она сказала все: не буду жаловаться, буду работать, выполню задание.

Секретарь райкома встал, подошел к двери и твердо, уверенно, зная, что в приемной уже ждут, сказал:

— Заходите!

Все было великолепно подготовлено! Ее вызов, ко-

роткое заседание. Все! Адолят, взглянув на секретаря райкома, качнула головой: ничего себе!

Секретарь развел руками: а что мне остается делать.

После этой минутной встречи взглядами Адолят стало легче.

Конечно, она должна работать. Молодая и смелая девушка. Так ее называют.

Адолят улыбнулась.

В кабинет входили приглашенные на совещание.

Секретарь райкома их представлял, называя фамилию и организацию.

Многих Адолят знала. И тучного заведующего районо, бывшего директора их школы, и бывшего врача колхозной больницы, и этого хлюста Ахмеда Базарова...

Ишь как вырядился... В кителе защитного цвета. Под военного человека одевается.

Базаров взглянул на Адолят и сразу же отвел глаза. Интересно, как он ухитрился остаться в тылу? Потребкооперация — нужное дело. Но не до такой степени.

В свое время Ахмед сделал попытку поухаживать за Адолят. Но она не переносила даже присутствия подобного типа людей, слащавых, нагловатых и в то же время грусливых.

Он подошел к ней возле Дома культуры. Адолят ожидала Джаббарова.

— Грешно с такими глазами пребывать в одиночестве.

Очередная пошлость. Она молча отошла тогда к рекламному щиту.

Базаров тоже сделал несколько шагов. От него несло одеколоном и вином. Он был из тех парней, которые уже работали, числились самостоятельными, имели деньги.

В это время показался лейтенант Джаббаров. Адолят, поднявшись на цыпочки, махнула рукой.

— Ага! — многозначительно сказал Базаров. — Нам придется отступить.

— Придется... — рассеянно сказала Адолят.

Позже на фронте она узнала от Бегимхон, что этот тип и ей не давал прохода. Приставал на каждом шагу. Бегимхон пришлось уехать в Ташкент.

«И он, подлец, вместе со всеми заседает здесь!» — подумала Адолят.

Но, наверное, и секретарь райкома партии уже знает цену Ахмеду Базарову. Не слишком с ним почтителен. Сразу видно, по отношению. Совсем иначе, например, отнесится секретарь к заведующему району.

— Товарищи...— открыл совещание секретарь райкома.— У нас создается детский дом.

Он говорил о важности дела. О тех сиротах, которые через несколько дней придут в район. Именно за эти дни нужно привести в порядок помещение начальной школы.

Секретарь райкома уверен, что кандидат в члены партии, недавний снайпер Адолят Сахибова справится с заданием.

Он уверен, что присутствующие товарищи помогут Сахибовой в ответственной работе. И все вопросы, связанные с организацией детского дома, будут решены без промедления.

После совещания Адолят вместе с инструктором райкома направилась в начальную школу. Небольшое, приземистое здание. Двор — просторный, зеленый. Во дворе ребятам будет хорошо. А вот в здании...

— Ремонт можно сделать?— спросила Адолят.

И сразу почувствовала чуждость своего вопроса. Когда? Где достать материалы?

— Позже...— тактично ответил инструктор.

Да... Не с этого надо начинать. У Сахибовой в запасе несколько дней. Следует хорошенько все обдумать.

* * *

Шли дни... Адолят Сахибова с рассвета выходила к дороге. О ее новой работе уже знали в колхозе. Бричка или машина, кто первый появлялся в этот утренний час, «подхватывал» и Адолят.

Старый возиқ под глухое гроыхание бидонов с молоком ругал проклятого Гитлера и войну.

— Неужели он не потонет в сиротских слезах!

Старик-молоковоз бывал в Андижане и видел эти самые «приюты».

— Детские дома...— поправляла Адолят.

— Да... — соглашался старик. — Приют — плохо. Дом — это понятно. В нем человек живет.

Шоферами были в основном молодые ребята. Они с уважением поглядывали на солдатскую гимнастерку Адолят, на медаль «За отвагу». Хорошее, завидное название у медали.

О многом бы хотели расспросить эти ребята. Но отделиваются общими вопросами о здоровье и делах.

Дела...

Адолят забыла об отдыхе. Она посещала десятки таких организаций, о которых раньше не имела представления. Разве могла знать Адолят, например, о конторе Узтопа. Маленькая такая контора. Говорят: «Узтоп», а что за ним скрывается, как расшифровать? Адолят точно не знает. Но контора всемогуща. Распишется человек на ее бумажке, «наложит резолюцию», и у детдома будет уголь, дрова. Сейчас, правда, топить не нужно. Лето. Но как работать кухне?

Несет эту бумажку Адолят как необыкновенную ценность. Путь от скромной конторы до склада — короткий. А вот дождаться очереди, чтобы вовремя отпустили топливо — дело сложное.

Заведующий складом, давний друг Сахиба-кари, встречает Адолят как родную дочь. Усаживает в своей каморке, угощает чаем.

— Настоящий, зеленый. Без всяких там примесей.

Многие ищут и находят хорошую траву. Добавляют в чай. Для Адолят Сахибовой самый настоящий... Заведующий складом рад встрече. Но чем он может помочь, когда во дворе выситя небольшая горка саксаула. И все... А ее надо разделить: и больнице, и яслям...

Старик опускает глаза, тянет время. Адолят соблюдает все законы приличия, сидит, ведет неторопливый разговор. Старик расспрашивает о здоровье Сахиба-кари и Халиды-апа.

— Когда?— Адолят кивает на саксаул.

— Этот расписан...— вздыхает старик.— Но тебе же не к спеху.

— Три дня осталось до приезда детей.

— Через три дня дам. Оставь бумажку. Обязательно дам.

Старик говорит горячо. Но опять отводит глаза. Мало ли что случится? А вдруг не привезут?

.. Это понимает даже малоопытный руководитель Адолят Сахибсва.

Она решает «пить чай» до победного конца.

В чем ее ошибка? Молодой директор детдома мечется по различным организациям. Везде ее почтительно встречают. Но что получается в итоге? В помещении пусто, дров нет.

Сегодняшний день следует «ухлопать» на саксаул. И думать нечего — без него возвращаться. Первый день без горячего питания? Разве допустимо. Потом может все случиться. А первый день дети должны запомнить на всю жизнь. Приедут испуганные, болезненные ребята.

Во что бы то ни стало им нужен праздник.

Так было совсем недавно. Пионервожатая Адолят Сахибова готовилась повезти своих пионеров в Андижан. Старший пионервожатый сказал о поездке коротко:

— Нечего выдумывать, мудрить. В парке купишь им мороженое, потом сводишь в кино — и домой. Будут всю зиму вспоминать.

Адолят «мудрила»... За неделю до экскурсии она, воспользовавшись поездкой отца, поехала с ним в город.

И вернулась со своим планом.

Ее отряд побывал на головной плотине Большого Ферганского канала, в цехах маслозавода, а потом в парке ели мороженое. Вкусное.

— Кино посмотрим в колхозе.

Ребята с этим согласились. Кино никуда не уйдет. Но теперь они знают о плотине. Знают, откуда идет вода на поля колхоза. Еще знают, что из хлопка делают не только ткань, а и масло.

У пионеров был праздник, который они вспоминали всю зиму.

— Мудришь... — определил пионервожатый.

Ничего обидного в этом слове Адолят не увидела. Мудрость... Это же хорошо!

И сейчас хотелось мудрить, выдумывать для двадцати-тридцати ребят.

В первые дни Адолят Сахибова подобрала знакомых девчат. Растормошила их. Даже слушать не хотела отговорок. По совету матери разыскала в райцентре свою тетку.

— Мастерница, — похвалила сестру Халида-апа, — из горстки риса может сделать плов.

— Вот такая мне нужна.

У тети было три внука.

— Еще будет тридцать...— пошутила Адолят.

— Я еле двигаюсь...— попробовала сопротивляться теть.

— Кто накормит сирот?— строго спросила Адолят.

И вопрос был решен.

Действовала Адолят вначале по плану. А потом сорвалась: начала метаться по организациям.

Хватит... Без саксаула не уйдет от этого доброго, хорошего старика.

Он вежлив... Адолят будет точно такой же.

И течет неторопливая беседа. Потряхивает хозяин опустевшим чайником над пиалой. Медленно, тяжело падают капли благодатного напитка.

Наконец старик погрозил пальцем.

— Ну и Адолят... Берн, пока добрый.

Адолят благодарит за чай и мчится в школу. Нужно попросить школьников. Это легче, чем искать бричку или арбу.

Для будущего детского дома школьники не откажутся поработать.

В этом Адолят уверена.

Саксаул сложили в кладовке, где раньше хранили учебные пособия. Дверь закрыли на огромный замок.

Теть прячет ключ и ворчит. Можно разобрать отсылные слова:

— Кривые палки прячем... Господи, когда это кончится.

Поздно вечером Адолят возвращается домой. Ее ждет письмо от Бегимхон. Адолят, стараясь сохранить спокойствие, разворачивает треугольник.

Какими бы скучными не были строки, по фронтовика (пусть бывшего!) они не могут оставить спокойным.

«Провожая машины...— пишет Бегимхон.— Но я знаю, что нет среди них машины Валиджана. Снова он далско. Увидимся или нет? Не передаст приветы от моей подруги Каракош, не расспросит меня о делах.

А с Каракош мы очень подружились. Ты не ревнуй. Она так похожа на тебя! Вы обе очень красивые... Вы очень смелые. Настоящие воины. Я всегда вам завидую. Но такой мне не быть...»

Адолят улыбнулась... Смотрите, какая скромница!

Улыбнулась... И сразу же сошлись брови. Начинается! Даже тихая Бегимхон не выдержала.

«Валиджан рассказывал мне о Нормате Джаббарове. Плохо Нормату. Что ты делаешь? Человек не находит себе места. Что еще за письмо он получил? От тебя? Ты совсем с ума сошла. Разве можно плохие письма присылать на фронт? Они уехали... И Вали, и Нормат. Наверное, туда, где труднее и опаснее. Одумайся, родная Адолят. Прости. Ты не любишь, когда вмешиваются в твою жизнь. Прости. Я не могла молчать...»

Такое письмо Бегимхон написала впервые. Адолят в этом уверена. Тихая, немногословная подруга. Взбунтовалась против Адолят. Осуждает ее поведение. Искренне возмущается.

Кстати, что это за письмо, от которого Нормату Джаббарову стало плохо?..

Кто решился послать письмо? Что в нем было?

Нетрудно догадаться... Но кто?

Господи, почему она копается в каких-то мелочах... Почему не может сама себе ответить на один вопрос: любит ли Джаббарова.

Опять, Адолят, избегаешь разговора с собственным сердцем.

Не надо хвататься за бумаги, которые будут нужны завтра с утра. Любишь ли Нормата Джаббарова? Отвечай сегодня же, немедленно, садись и пиши. Обо всем!

С кем еще можно поделиться своими тревогами, заботами, бедами? Только с близким, любимым человеком.

Он есть, этот человек...

Адолят до поздней ночи писала самое длинное в своей жизни письмо. Несколько страниц она вложила в конверт.

Каким толстым, деловым кажется этот конверт. Слово отчет...

Адолят решила запечатать конверт утром. Еще раз прочитать свое откровение и запечатать.

Но поймала себя на маленькой хитрости.

Нет! Надо запечатать немедленно... А завтра отослать. Решено.

Ночью Адолят снился фронт. Даже в этой тихой, мирной жизни снится война. Она невольно сжала кулачки. Но не проснулась от боли.

А еще недавно просыпалась.

Адолят сама не представляла, каким будет первый день в жизни детского дома.

Помещение выглядело совершенно новым. Опять помогли школьники. Выскребли, вычистили, вымыли. Ветер раздувал марлевые занавески.

Кстати, по поводу этих занавесок. Пришлось снова обращаться к Ахмеду Базарову. Он встретил Адолят тепло. Развел руками. Дескать, совсем нас забыли.

Адолят выложила листок с вопросами, которые нужно решить при помощи потребкооперации.

— К чему такая официальность...— удивился Базаров.— Мы с вами давние знакомые...

Последняя фраза насторожила Адолят. Его как подменили. Но Базаров говорил просто, без всяких намеков. Действительно, знакомые. Родились в одном районе, часто встречались на улицах райцентра, в Доме культуры.

— Давайте без официальности,— предложил Базаров.— Этого...— он похлопал по листку бумаги,— этого всего может не быть. Что нужно в первую очередь? Сегодня? Завтра?

— Занавески нужны. Хотя бы марля...— сказала Адолят.

— Хотя бы...— улыбнулся Базаров.— О марле можно говорить... в следующем квартале.

— Как!?!— ужаснулась Адолят.

— Да, да. Пока дадим заявку. Фонды и прочее. Страшная волокита.

Базаров стал ругать бюрократизм, волокиту в торговых организациях, мешающих нормальной жизни тыла.

Он говорил на редкость складно.

Адолят обиженно потянулась за листком. Но Базаров передвинул его ближе к себе.

— Однако вас... Вашей организации,— неожиданно заявил он,— не должно все это касаться. Дети! Сироты! Да ради них можно нарушить все законы! Никто не осудит!

Слишком громкие слова. Но Адолят их выслушала с почтением. Сдержалась, чтобы не улыбнуться.

Базаров наложил размашистую резолюцию, вызвал подчиненного, смуглого юркого человека.

— Он вам все принесет...— сказал Базаров, а потом похлопал по листку.— А это мы решим за два-три дня. Согласны?

— Конечно. Спасибо вам!

— Что вы! Что вы! Мы делаем общее дело.

Бог с ними, с громкими словами. Важен результат. Пока Адолят Сахибова дошла до детского дома, там лежал рулон марли. Поистине Ахмеда как подменили.

Добрými помощниками стали школьные подружки Адолят. Да и тетя не отстала от молодежи.

Кто из них затеял «секретную операцию», так и не сознаясь. Два дня перед самым открытием шли женщины с узелками из соседних колхозов. Так идут к родным или близким на семейные праздники и несут подобные узелки.

— Что происходит?— строго спросила Адолят у тети.

— И не думай сердиться,— торопливо заговорила тетя.— Такой закон. Разве можно в праздник угощать детей только казенными продуктами? Сама подумай. Дети истосковались по домашней пище. Ничего обидного в этом нет, что женщины принесли. Каждая из них — мать...

Соскучились по домашнему... Да, эти дети никогда в жизни не ели слоеную самсу. Разве можно спорить с тетей. Разве можно осуждать женщин за их скромные гостицы.

Детей привезли из Андижана в полдень. Было особенно жарко. У здания бывшей начальной школы собралось много жителей. Впереди стояли пионеры.

Встречающим пришлось долго ждать. Но никто не уходил.

Наконец из райкома пришел инструктор и, на ходу вытирая пот со лба, сообщил:

— Уже выехали. Полчаса назад. Правда, очень старенький автобус.

Адолят знает эти побитые, помятые автобусы. Как бы не заглох в пути.

Он был действительно стареньким, голубоватый автобус. Подползал к райцентру нерешительно, словно ощупывал колесами дорогу.

— Ура-а!— крикнули школьники.

Может быть, не стоило кричать?

Дети приехали усталые... На их болезненные лица легла дорожная пыль. В Андижане нового директора предупредили о страшной опасности: желудочно-кишечных заболеваниях. Наверное, некоторые дети уже переболели. Не могли их уберечь от невымытых фруктов, арычной воды.

Сколько впереди тревожных дней?!

Адолят это особенно ощутила сейчас, увидев ребят... Не их фамилии в документах. А живых. Разных по возрасту, национальности. Каждого со своим особым характером.

Дети смущенно улыбались. Не знали, куда деть свои узелки. Столпившись у входа, они переглядывались, косились по сторонам. Лыняные, русые, рыжие челки...

Приехало двадцать восемь мальчиков и девочек. Вероятно, позже подъедут еще.

Секретарь райкома комсомола сказал короткую речь.

Этот напористый парень сейчас очень волновался. Он понимал, что все взволнованы. Особенно дети. До них доносились только отдельные слова, обрубленные фразы.

— Вы будете жить... учиться... Мы с вами... Вы наши...

Оказывается, порой самые добрые слова не нужны. Например, сейчас.

Детей надо бы чем-то «расшевелить». Следует поговорить с каждым в отдельности.

Секретарь райкома комсомола «сворачивал» свое выступление. Что-то пропустил, что-то сократил. И, облегченно вздохнув, добрался до концовки.

— Заходите в свой родной дом. Здесь вы хозяева. Живите, растите, дорогие наши дети. Родные...

Молодец! Адолят видела, что многие женщины не скрывают слез.

— Заходите, заходите! — поторопила она.

Вот первый мальчик, сняв подаренную кем-то тюбетейку, вошел в дом. Где-то у себя, в родной деревне, он так снимал картуз или шапку. Мальчик еще не знает, что в тюбетейке можно находиться в доме и сидеть за столом.

Разные дети... Разные характеры... Сколько впереди работы!

Ребят развели по комнатам. Потом приказали немедленно идти умываться.

И за стол!

Тетя постаралась со своими многочисленными подружками. Наверное, это все-таки она подняла женщин района. А что тут собственно? Сказала одной, второй... И достаточно. Потянулись женщины с узелками к детдому.

— Пусть будет праздничным дастархан, — повторяли многие из женщин.

— Спасибо, родные... — коротко отвечала Адолят.

Дети ожили, заулыбались. Из замкнутых, не по годам серьезных человечков они снова превращались в детей.

Ребята пробовали самсу. Раскрывали эти слоеные, с мясом пирожки, рассматривали начинку. Потом тянулись за фруктами, конфетами. Все смелее, увереннее тянулись, чувствуя себя настоящими хозяевами.

Тетя подала чай. Сегодня был настоящий чай. Потом...

Потом ребята привыкнут к трудностям. Как привыкли к ним взрослые и дети всего района.

Потом они будут учиться, сами следить за своим домом.

...К вечеру Адолят валнулась с ног.

— Я тебе приготовила комнату, — сказала тетя.

— Какую?

— У меня...

— Мне же надо домой...

— И не думай... — замахала руками тетя. — Виданное ли дело — мотаться в кишлак и обратно. Придется жить здесь.

— А Батыр?

— Возьми тоже сюда, — спокойно сказала тетя.

Она все обдумала. Заранее решила все житейские вопросы. Если бы начала этот разговор раньше, то Адолят и слушать бы не захотела.

А сейчас Адолят Сахибова столкнулась с трудностями. Нужно принимать решение. Мудрый, старый человек уже подсказал, что делать, как поступить...

* * *

С Эрматджаном Джаббаровым Адолят встретилась совершенно случайно. В маленьком поселке трудно избежать встречи.

Адолят слышала, что Эрматджан работает на большой стройке. Он всегда был болезненным, брат Нормата. Часто лечился. На стройке, конечно, нелегко ему приходится.

Но Эрматджан изменился. Загорел до черноты. Руки стали крепче. Не сутулится.

— Как живете, Адолят?— спросил Эрматджан и поторопился добавить:— Я слышал, что вы много работаете. Представляю, как вам трудно. У нас один Славик — и то столько забот.

— Какой Славик?— удивилась Адолят.

— Взяли мы мальчика. Давно. С Норматом уже переписывается.

— Да-а...— протянула Адолят.

Лучше бы не было этой встречи! Ну, о чем дальше говорить?

Адолят подняла голову и вдруг неожиданно сообщила:

— Я тоже недавно написала Нормату. Но плохо теперь ходят письма.

— Да... Очень плохо...— согласился Эрматджан.

Нужно обо всем сказать. Все узнать. В первую очередь об отношении к ней.

— У меня тоже сын растет. Батыр...

— Мы слышали,— сказал Эрматджан.

«Мы» это значит он с матерью. Как же Адолят не вспомнила о ней. Неудобно.

— А тетушка Тухта? Ее здоровье?

— Слава аллаху. Держится.

— Передайте от меня большой привет.

— Обязательно передам.

И вдруг решительно, тихо попросил:

— Заехали бы к нам. Как-нибудь... Мать будет очень рада.

Он сказал об этом уверенно, твердо. Не ради приличия прозвучала фраза. Чтобы Адолят все же не сомневалась в его словах, Эрматджан добавил:

— Зайди, пожалуйста. Так нужно. Плохо себя чувствует матушка.

В этот вечер Адолят осталась ночевать в райцентре. Она подошла к зеркалу в яркой деревянной рамке.

Несколько фотографий, в свое время вложенных между рамками и стеклом, топорщились задиристым веером.

На фотографиях были напряженные лица. Люди в тридцатые-сороковые годы не умели фотографироваться. Они тянули шею, застывали, чтобы лучше «выйти». Многие из них давно нет в живых... Об этом знает Адолят.

А вот она живет, работает. Ее работа нужна людям. Двадцать восемь девочек и мальчиков. Батыр. Мать. Отец. И... не надо опускать глаза. Ее любит Нормат.

А шрам? Ну что шрам. Это чепуха. Лицо загорело. Шрама почти не видно. Особенно вечером. Да и рука... Заживет в конце концов. Скоро заживет. Просто сама Адолят бонятся как следует сжать кулак, проверить силу пальцев.

Нет времени даже постоять у зеркала. Вечером нужно подготовить бумаги, продумать вопросы, которые необходимо завтра решать.

Адолят сидит долго. В окно несмело пробирается прохладный ветерок.

Кончалась бы жара. Многие ребята плохо ее переносят.

Подумала о детях. И снова вернулась к бумагам.

А как без нее Батыр? Интересно, как выглядит Славик Норматов?

Им вдвоем было бы хорошо. Батыру и Славилу.

Опять Адолят вернулась к бумагам.

Первый вопрос: посуда. Подчеркнуто дважды. Сколько ни подчеркивай, а трудно достать чашки, миски, тарелки.

Если обратиться к Базарову?

Адолят пишет: «Потребкооперация...»

Она вспоминает первую встречу с Базаровым в его смешном, тесном кабинетике. Подчиненный Базарова — тоже смешной, юркий человек, застывший в ожидании приказа.

Базаров с готовностью выполнил одну просьбу.

А, со второй — идти не хочется.

Надо...

Приняв решение, Адолят ложится спать. Она перестала бояться ночей. Если сегодня и приснится сон, то без бомбежки, без горящих танков и машин. На фронте выпадали и тихие дни.

Утром, чтобы застать Базарова, Адолят стремительно зашагала к конторе потребкооперации.

Базарова еще не было.

Смутно предчувствуя неприятность, Адолят решила зайти завтра.

Но через несколько шагов она столкнулась с ним в коридоре.

— Вы были у меня?— удивился Базаров.— Простите. Чуть задержался.

Он странно наклонил голову. И смотрел куда-то в сторону.

Ахмед пропустил Адолят, хлопнул в ладоши, попросил чаю.

«Как паднишах...» — подумала Адолят.

— Без звонков обходимся...— словно прочитал ее мысли Базаров.

Потом Адолят мучительно вспомнила: с чего все началось.

Да. Они говорили о посуде. А Базаров выжидающе смотрел на нее.

-- Все это чепуха!

Так, кажется, он сказал. И торопливо, опасаясь, что его перебьют, заговорил о будущем. Он поможет Адолят в ее работе. Адолят Сахибова получит орден за лучший детдом в республике.

При чем тут детский дсм! Он сделает Адолят счастливой, богатой.

И тогда Адолят крикнула:

— Подлец!

Он приблизил побагровевшее лицо и зашептал:

— А ты... притащила ребенка. Ты...

Базаров грубо выругался.

И тогда, только тогда в тесном кабинетике прозвучала пощечина.

Странно, но рука теперь не болела...

ДЕРЗКАЯ СХВАТКА!

Артиллерийский обстрел продолжался, казалось, целую вечность. Батальон не мог, как говорится, поднять голову...

«Боже... Сколько металла! Сколько огня! Как люди не сходят в этом аду с ума».

Каракош лежала в окопе. Комья сухой земли, тучи пыли, метнувшись к небу, обессилев, падали в окоп.

Утром раздали горячую пищу. Не поймешь, что за каша. Но ни у кого претензий не было. Только шутки.

— Пригорела малость!

— На таком огне!

— А у меня вместо мяса — осколок.

— Жалуйся Гитлеру!

— Доберусь до гада, я ему пожалуюсь.

Когда гитлеровская артиллерия замолкала, ей на смену аккуратно появлялись вражеские бомбардировщики.

— Идут сволочи.

— Двигутся гады.

Бомбы, казалось, падают беспорядочно, стараясь ошеломить бойцов и количеством и мощностью смертельного груза. После таких налетов на земле, казалось, не должно бы остаться ни единой живой души.

А утром с позиций шли рабочие. В основном женщины и подростки. Они ночью трудились на земляных сооружениях. Днем встанут у станков.

Говорят, ни один завод, ни одна фабрика в Сталинграде не остановились хотя бы на час. А знаменитый тракторный сейчас выпускает танки. Боевые машины нередко уходят из цехов сразу в бой.

Город вот он — за спиной, впереди, пред глазами. Везде рвы, надолбы, проволочные заграждения.

Прорезали землю на подступах к Сталинграду траншеи. Их — десятки, а может, сотни километров. И в этих траншеях, опоясавших огромный русский город, есть метры, принадлежащие сержанту Каракош Садыковой. Здесь, на ее участке, на ее клочке земли, должно быть все надежно. Жива ли она будет, мертва ли, но гитлеровец не пройдет, не перешагнет, не перепрыгнет. В этом твердо уверена Каракош Садыкова.

Вчера вечером, пригнувшись, придерживая каску рукой, пришел младший лейтенант Глушко.

— Решилась, Каракош? — спросил он.

— Да. Но я боюсь, — созналась Каракош.

— Смешная. Здесь не боишься, в окопе?

— Здесь все свои.

— А на собрании... Чужие дяди?

Он прав. Но может ли она подавать такое заявление?

— Можешь... — успокоил Глушко.

Младший лейтенант возмужал, загорел. Сейчас он уже не похож на мальчишку.

— У тебя такие рекомендации. Лучший снайпер — Великанов, лучший разведчик — Крупеня.

— Я благодарна этим людям. А сейчас вдвойне... — сказала Карakoш. — И вообще мне везет на хороших людей. Как приехала на фронт, только их и встречаю.

— Это замечательно... — согласился комсорг. — И так, давай оформим документы.

Она написала заявление на листке бумаги, отдала комсоргу две рекомендации. На другой день в блиндаже должно было состояться заседание бюро комсомольской организации. Но утром пришел незнакомый сержант и глухо сказал, что он теперь вместо Глушко.

— Что с младшим лейтенантом? — чуть слышно спросила Карakoш.

— Нет младшóго... — нахмурился сержант.

Он хотел быть настоящим солдатом, скрыть переживания, внешне спокойно перенести гибель товарища. Но, однако, губы предательски задергались.

Сержант стал копаться в планшете. И Карakoш узнала этот планшет. Только сейчас он был пробит осколком.

— Младшóй... оставил. Надо переписать.

— Что с ним? — крикнула Карakoш.

Сержант тяжело вдохнул.

— Что? Нет младшóго... А это надо переписать.

Он вытащил ее рекомендации и заявление. Они были тоже пробиты и в крови...

— Переписать надо.

— Дайте... — сказала она и бережно взяла бумаги.

— Их сохранить бы... — предложил сержант.

— Да... — ответила Карakoш.

— А новые?

— Потом.

Он понимал, что сейчас трудно об этом разговаривать.

— Я приду... потом, — пообещал он.

...Можно ли верить в жизнь, счастье под постоянным огнем?

Карakoш хотела крикнуть:

— Можно!

Но кто услышит ее в этом грохоте. Да и кто сомневается?

— Можно! Конечно, можно!

Горит земля... Долго на ней не будет покоя и тишины. Даже трава не посмеет подняться на пепелищах. Деревья, протянув обрубленные ветви, умирают на глазах.

Человек сейчас их не может спасти.

Трудно человеку...

В траншее появилась Катя. Она положила сумку с красным крестом, сняла каску, поправила волосы.

— Что же делается, Каракош?

Кто ответит на этот вопрос? Ни один из самых больших командиров не знает, до каких пор будет продолжаться здесь адское столпотворенье огня и человеческого терпения.

— Сколько же у них бомб? Сколько их самих?

И Катя, и Каракош знают момент, когда фрицы выдохались. Они отошли под Москвой. Но вот, собрав огромные силы, стремительным рывком развернули наступление на Кавказ и Крым. Сразу же двинули танки и самолеты к Волге.

В дыму и щебеночной пыли прячется огромный город. Туда пока не прорываются танки и пехота врага. Однако прорываются еще сквозь заградительный огонь зенитчиков вражеские самолеты.

— Неужели?..— говорит Каракош.

Катя, не дослушав, машет рукой.

— Что ты? Что ты? И думать не думай?

— Я не о городе... Я о нас хочу сказать.

Катя опускает голову.

— Все может случиться. Вон, Младший лейтенант... Только говорила с ним. Привет от тебя передала. И вдруг зовут меня.

— Ты видела?— шепотом спрашивает Каракош.

— Конечно. Потом бумаги вытащила из кармана. Фотография. Мама его. На учительницу похожа...

Она оглядывается. Рядом, положив винтовку на бруствер, стоит солдат. Он зло поглядывает на раскаленное добела небо. У Кати такой вид, будто она сделала невероятное открытие и бонится, чтобы о нем не узнали другие, кроме Каракош.

Но кто услышит хотя бы слово.

— Понимаешь, один снимок. Мама. И больше никого. И письмо от мамы. И его... Недописанное. И больше ничего. Никого. У комсорга еще не было девушки. Он никого не любил. Разве это справедливо?

О какой справедливости говорила Катя? Враг рвется на просторы нашей земли. Дошел до Волги. Разве Катя не видела убитых детей и стариков?

Справедливость...

Гитлеровцы не имеют понятия о ней.

— Что же вы сидите?— неожиданно спрашивает Катя.

Каракосх не обижается. Ведь Катя все сама хорошо понимает. Что сделает Каракосх с винтовкой против огромной стаи железных птиц.

— Где наши самолеты?

Каракосх, схватив за плечи, трясет подругу.

— Приди в себя! Что с тобой?

Катя опускает голову.

— Все! Все! Прошло...— тихо добавляет Катя.— Знаешь, недописанное письмо комсорга я отправила его маме... Свое вложила. Ну, знаешь, будто от его девушки... Это плохо?

— Нет... Это хорошо. Мать будет знать, что о сыне еще кто-то плачет.

— Я плакала...

Милая Катя. Чем поможет твоя маленькая хитрость?.. Легче ли станет матери комсорга от твоего письма?

А может, легче...

* * *

По траншее прошел капитан Джаббаров. Прошел раз. Второй... Улыбнулся Каракосх. Такой улыбки у него давно не было.

Не выдержал, задержался около Каракосха.

— Как, товарищ сержант, дела?

— Спасибо, товарищ капитан. Хорошо.

— Хорошими наши дела не назовешь,— серьезно сказал Джаббаров.— Однако терпеть можно.

— Вот и терпим, товарищ капитан...

— Какие-нибудь претензии есть?

— К фрицу?

Джаббаров рассмеялся.

— Это вы сами ему выкладываете.

— Не показывается, товарищ капитан.

— Покажется. Не заставит ждать...— задумчиво проговорил Джаббаров.

Изменился он. К лучшему. Это сразу заметно.

— Ожидается?— с тревогой спросила Каракош.

— Ждем в любую минуту, товарищ сержант,— уклончиво ответил Джаббаров.— Войпа.

Комбат не уходит. Конечно, он остановился не для того, чтобы поговорить о действиях немцев.

— Другие претензии?..— напоминает капитан.

В траншее прислушались, повернулись к Каракош.

— Каша...— коротко говорит она.

— Что?— не понял капитан.

— Часто пригорает... Или повар столько масла нальет! С испугу он, что ли?

В траншее послышался смех.

— Критиковать хорошо...—с заметной обидой сказал капитан.

Кухня — дело командира. За все отвечает комбат. А кухня — слишком заметный объект. Сколько солдат — столько критиков.

— Повар — смелый человек...— продолжает комбат.— А каша. Вы правы. Но, как говорится, кашу маслом не испортишь.

Вышел из положения капитан. Ничего. Бог с ней, с кашей. И об этом знает Джаббаров.

— Есть ли письма из дома?— спрашивает капитан.

Ага! С этого бы и начинали, товарищ капитан.

— Есть...— как можно равнодушной говорит Каракош.— Из дома получила, от стариков. От Адолят пришло письмо.

Насгорожился капитан. Но продолжает равнодушно спрашивать:

— Что она нового сообщает?

— Живет... Начала работать. Двадцать восемь ребят воспитывает. Детдомом руководит.

Стоит ли говорить о Батыре? Пожалуй, нет. Пусть сами разберутся.

— Я тоже получил от нее письмо...— неожиданно сообщает капитан.

Рад! Не может скрыть эту радость. Человек команду-

ет батальоном. Человек каждую минуту может встретиться со смертью. У него сотни забот и дел. А сейчас он счастлив. Ему нужно поделиться, рассказать о своем, личном счастье.

— Я часто о ней думаю...— говорит Карakoш.— Ведь собственно, Бегимхон своими рассказами об Адолят и надоумила меня поехать на фронт. Смелая девушка.

— Смелая...— соглашается капитан.

— От вас в госпитале она пряталась,— выдает тайну Карakoш.

— Я знаю...— произносит Джаббаров и поправляется:— Вернее, позже узнал.

Он улыбается и, как провинившейся школьнице, грозит пальцем.

— И вы, мой боевой друг, а также подчиненный, молчали.

Карakoш извиняюще пожала плечами: мол, что я могла сделать?

Показался и старший лейтенант Раджабов.

— Товарищ капитан...

Он лихо козыряет. Потом, наклонившись, что-то шепчет на ухо.

— Простите...— говорит Джаббаров.

Командир может и не извиняться. Опять преимущество женщины. Не просто снайпер, сержант, а женщина.

Раджабов остается.

— Что, исповедывался?— грубовато спрашивает он.

Карakoш опять пожимает плечами. Она не знает смысла этого слова.

— Рассказал?— повторяет вопрос старший лейтенант.

— Кое-что,— в тон отвечает Карakoш.

Раджабов немного обижен. Зачем его друг начинает посвящать в свои личные дела совершенно постороннего человека.

— Прыгает от радости! — бормочет Раджабов.— Делом нужно заниматься.

Он сам знает, старший лейтенант, что зря ворчит на своего друга и командира. Дел и забот у комбата предостаточно.

И сейчас... Если бы все они, присутствующие в тран-

шсе, слышали разговор, который происходил в блиндаже у командира дивизии.

Именно туда помчался капитан Джаббаров.

Он шел стремительно по тесным ходам сообщения, здороваясь с командирами и бойцами.

В блиндаже было тесно. Но капитана Джаббарова пропустили вперед.

Он хотел доложить о своем прибытии. Комдив махнул рукой: не надо. Стойте и слушайте, капитан.

Перед комдивом независимо и гордо стоял немецкий офицер.

Переводчица, молоденький лейтенант, покосилась на Джаббарова.

— Продолжайте...— приказал ей комдив.

Переводчица повернулась к пленному и попросила его продолжать рассказ.

Пленный офицер, демонстративно поправляя «железный крест», заговорил торопливо и горячо. Он словно боялся, что его перебыют.

Но его слушали с большим вниманием.

Переводчица испуганно поглядывала на комдива. Он одобряюще кивал: переводит точно, ничего, пусть ругается.

— Мы вас сметем с лица земли. Через десять-двадцать дней останутся развалины от города. Вы будете гнить. Вы завтра же будете гнить. Мы уничтожим все на своем пути.

— Когда?— прервал комдив.

— О!— усмехнулся гитлеровец.— Вы многое хотите. Вы можете меня пытать, расстреливать. Но я ничего не скажу. Ничего.

— Вы не доживете до танковой атаки!— сказал комдив.

— Германия будет жить!— высокомерно заключил гитлеровец.

— Все!— сказал полковой комиссар Чернецов.— Фашист выдохся.

— Однако он многое проболтал...— задумчиво проговорил комдив.—«Завтра... Все сотрем на своем пути...» В этом надо разобраться.

— Разберемся...— сказал Чернецов.

— Уведите...— комдив отвернулся от немца.— В штаб армии.

В блиндаже стало свободнее.

— Присаживайтесь, товарищи, — пригласил командив. — Давайте решать. Я думаю, что это не простая угроза. Как, товарищ комиссар.

— Фашист не угрожает. Он чувствует свою силу, все еще уверен в своем превосходстве.

Полковой комиссар остался стоять. Он развернул на столике карту.

— Здесь гитлеровцы концентрируют танки. И они на вашем участке, товарищ капитан. Они готовятся... Уже два дня не прекращаются методические огневые налеты. Следовательно... — Чернецов выжидающе посмотрел на командива. — Слово за командиром.

— Обстановка и показания пленного совпадают... — подвел итог командив. — Надо немедленно провести разведку, товарищ капитан. Это раз. И уже сегодня быть готовым к отражению любой попытки прорыва. Любой!

Капитан Джаббаров понимал, чем грозит прорыв обороны. Гитлеровцы, наверное, собираются это сделать на нескольких участках: вклинить, пройти вперед, оставляя у себя в тылу разрозненные подразделения.

С такими подразделениями легко покончить за короткий срок.

— Проси, комбат... — сказал командив. — Что нужно?

— Артиллерии маловато, противотанковых бы гранат, — коротко ответил Джаббаров.

— Батальон усилим. Действуй!

Полковой комиссар подошел к капитану, пожал руку.

— Надеемся, комбат. На вас, на ваших людей. У вас замечательные люди.

— Спасибо, товарищ полковой комиссар.

...И снова тесные ходы сообщений, где вся солдатская жизнь на виду. Какой-то боец, видно, вернулся с задания. Ему оставили на кухне «расход». Сидит боец, ест положенную кашу. А винтовку поставил рядом. В случае чего — вот она! Только руку протяни.

Кто-то огрызком карандаша пишет свое послание в далекий тыл! Удобно устроился. Перевернул котелок. И пишет на нем.

Третий чистит винтовку. Расстелил рядом носовой платок и положил на него затвор.

Четвертый выбрал удобную «позицию», откинувшись к стенке траншеи в уголке. Прикрыл глаза, дремлет.

А у брустверов окопов, внимательно рассматривая свой «сектор обстрела», замерли бойцы. Те, кому положено сейчас следить за врагом, быть в полной боевой готовности.

Вот и вся она, солдатская жизнь, на переднем крае в минуты затишья.

Стенки у ходов сообщения — сухие. Заденешь плечом, начинает крошиться земля, сыплется пыль.

Капитан идет и думает о своем батальоне. Да... Он знает людей. Но какой будет танковая атака? Авиация и артиллерия гитлеровцев «показала» себя за эти дни. Шла планомерная, старательная «сработка» переднего края.

Выдержали! «Ушли» в землю, но выдержали. От танков не спрячешься. Их надо встречать. Надо отсечь пехоту от сильных машин.

Что будет с батальоном?

В подразделениях давно ждут танковой атаки. И все-таки не по себе становится от мысли, что она может быть сегодня. В крайнем случае — завтра.

Капитан зашел в расположение батальона... Первым он увидел обеспокоенное лицо своего заместителя. На КП дивизии просто так не вызывают.

— Ну что? — нетерпеливо спрашивает Раджабов.

— Готовь разведчиков. Сержанта Крупеню. Нужен «язык». А бойцам надо отдохнуть.

— Ждут?

— Да... Ждут... — коротко ответил капитан.

* * *

Вечером прошли разведчики. Карakoш молча кивнула Крупене: желаю успехов.

Вслух не сказал ни слова. Проклятое суеверие.

Каждый раз, когда люди идут на опасное задание, Карakoш с трудом старается себя убедить: все будет хорошо, они вернутся.

Но лучше быть с ними вместе. Пожалуй, спокойнее. Думаешь о задании. Чувствуешь, что рядом надежные люди.

А здесь батальону приказано отдыхать. Тревожное, беспокойное затишье...

Ночью группа Крупени притащила «языка». Гитлеровец крутил головой, осматривался и все не мог понять, что от него хотят.

Допрос длился долго. Наконец капитан Джаббаров показал на часы и резко махнул рукой: отпустить.

— Куда?— удивился Раджабов.

— Пусть идет к себе...

Немец отчаянно замотал головой.

— Найн, найн!

Он не хотел идти к своим позициям.

— Найн!

Капитан перехватил его взгляд. Немец смотрел на руку с часами. Он боялся минутной стрелки, которая двигалась от цифры к цифре.

— Найн!

Ему лучше отсидеть где-нибудь в блиндаже. Потом встретить своих. Они обязательно ворвутся в эти траншеи.

— Найн!

Капитан тоже внимательно посмотрел на часы. Четыре часа тридцать восемь минут.

Немцы любят аккуратность. В такое время они не начнут атаки.

В пять часов!

Конечно в пять! На рассвете!

— Увести...

Боец подтолкнул прикладом пленного. И грубо проворчал:

— Проклятый гад...

В другое время капитан отчитал бы бойца. С пленными нужно обращаться гуманно. И боец не стал бы спорить с командиром. А при случае еще раз подтолкнул бы врага прикладом. На многое насмотрелся этот солдат. Есть у него свое мнение о захватках.

Когда пленного увели, комбат приказал:

— Поднимай батальон...

Нужно несколько минут, чтобы исчезла расслабленность, улетучился сон. Всего несколько минут.

Ровно в 5.00 послышался далекий рокот моторов. Рокот угрожающе нарастал.

Траншей замерли. Это не был испуг. Люди прислушивались, чтобы трезво оценить силы противника и свои силы.

На бруствере пристраивали противотанковые ружья. Лежали связки гранат. Объемистые противотанковые гранаты.

Пехотинцы знали, что к встрече огромных машин готова и артиллерия.

Не спеша обходил бойцов своего отделения старший сержант Великанов.

У снайперов особая задача — уничтожать офицеров.

Великанов немногословен.

— Ясно? — спрашивает он.

Каракосх кивает: конечно.

Рокот нарастал. Уже рассвело. Но впереди не было видно машин.

Опять неизвестность. Сколько машин, куда движутся, какая численность штурмового отряда?

А встреча с этой силой неизбежна. Куда денешься?.. Только бы устоять, не дрогнуть.

Комбат смотрит на часы, выслушивает доклады. Все готово! На этом рубеже враг не пройдет!

Показались силуэты танков. А за ними, как за стеной, шли гитлеровцы. С каждым мгновением лавина все ближе. Еще ближе...

— Огонь!

И вдруг (или это показалось Каракосх) танки, пожалуй, дрогнули, задержались на миг. Такое впечатление, что у танков тоже нервы... Или они столкнулись с каким-то препятствием? Но танки дрогнули и задержались. Только на миг.

Каракосх взглянула на Великанова.. Он улыбнулся.. Раздобыл где-то противотанковое ружье и прилаживается. Молодец!

— Огонь! — кричит Великанов, и его голос тонет в грохоте и гуле...

Танки словно разделили землю на квадраты. Соблю-

дая дистанцию и стреляя на ходу, они продолжали двигаться.

— Огонь...

Никаких залпов. На первый взгляд — беспорядочная пальба. Но каждое противотанковое орудие выбирает цель. Где-то почти в середине колонны мощных машин раздался взрыв. И яркое пламя метнулось над башней танка. Отличное попадание! А вот и второе, третье... За клубами дыма хуже стала видна первая вражеская цепь. У Каракосх перехватило дыхание. Сейчас откроется люк танка. Покажется враг и... будет мертвым. Она не должна промахнуться, не должна...

Крышка люка с трудом поднялась. По пояс высунулся гитлеровец. Шлемом он сбивает огонь с комбинезона.

Каракосх выстрелила одновременно с Великановым. А может, кто-нибудь и третий послал свою пулю.

Гитлеровец надломился. Шлем выпал из рук.

Из танка, видно, выталкивали труп. Оттуда вырывался дым и первые языки пламени. Огонь гнал обесумевших фрицев. Они не думали, что их ждут пули. Они надеялись на случайность. На что-то надеялись...

В другом конце вспыхнул и завертелся на месте еще один танк. Каракосх опять ловила на «мушку» фрицев.

На какое-то мгновение увеличился разрыв между танками и пехотой. И тут в полный голос заговорили наши пулеметы. Автоматчики тоже не дремали. Задача для всех одна: отсечь пехоту во что бы то ни стало. А потом в ход пойдут гранаты.

Каракосх видела, как вначале залегла цепь, а затем что-то натянулось в ней и дрогнуло: волна немцев покатилаcь вспять.

Обдуманное, рассчитанное по минутам наступление было сорвано. Многие танки горели. Уцелевшие резко замедлили ход, будто поджидая пехоту. Но пехота была уже далеко.

Одна из машин, резко покачивая антенной, стала разворачиваться. Ее примеру последовали другие.

— Ура-а! Ура-а!

Мощный возглас прокатился из края в край. Его поддержали другие батальоны.

Каракoш опустилаcь на колeно, удобней приcтроила винтовку и стала бить точными, прицельными выстрелами в спины убегающих фрицев...

Бой стихал... Но долго еще полз над землей черный дым. Изредка раздавались запоздалые взрывы. Видно, огонь только добирался до бензобаков.

Батальон выстоял. Бой был выигран.

Еще никто не знал о потерях. Никто не имел права на отдых. Все по-прежнему сжимали оружие.

Никто не знал, выйдя победителем из первого, серьезного испытания, о завтрашнем дне... О будущих боях...

Сколько их ждет тяжелых испытаний!

Знали и верили только в одно. В свою победу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

ДОРОГА

Родной дом	5
Лесной край	28
Судьба бойца	43
Дни учебы	54
Фронтная землянка	63
Глубокий тыл	74
Хозяйки дорог	88
Неожиданная встреча	99
Место в строю	108
Ночная тревога	119

Часть вторая

БОЙ

Временное затишье	139
Новая жизнь	149
Первый выстрел	161
Праздничный ужин	170
Нейтральная полоса	180
Майский вечер	194
Обыкновенное задание	204
Маршрут эшелона	217
Нужная работа	231
Дерзкая схватка	247

Ибрагим Рахим

УХОДИЛИ ДОБРОВОЛЬЦЫ

Роман

Перевод с узбекского

Редактор *Шевченко В.*
Художник *Афуксиниди Д.*
Худож. редактор *Цыганов И.*
Техн. ред. *Валькова Т.*
Корректор *Лебедева Л.*

Сдано в набор 9/1-1975 г. Подписано в печать 16/III-1975 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 13,36. Уч.-изд. л. 14,23. Тираж 60000. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. Ташкент, Навои, 30. Договор № 39—74.

Отпечатано в типографии № 1 Госкомитета Совета Министров УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, на бумаге № 1 г. Ташкент, ул. Хамзы, 21. Заказ № 676. Цена 59 к.

Рахим И.

Уходили добровольцы... Роман. [Автор. пер. с узб. Б. Пармузина]. Т., Изд. литературы и искусства, 1975.
264 с.

Участникам Великой Отечественной войны посвятил свой новый роман известный узбекский писатель Ибрагим Рахим. В центре произведения судьбы девушек, добровольно приехавших из Узбекистана на фронт. В трудных испытаниях выковывается их воля, характер. Здесь проходят они экзамен на право гордо называться советским человеком, героем, признанным всей многонациональной Родиной.

Уз2

Р $\frac{70303 - 89}{352 (06) - 75}$ 74 -- 75